asquante
Atlas • Daniil Turygin
Fr. Endymion • Fr. Gilel Ben Shahar
Hagalaz Runedancer
Kasandra • Kristalyn
Leonsa • Mare Mirkie • Medmet
Osan • Winterdrache
Александра Перфилова
Анастасия Китаева
Анастасия Ратникова
Андрей Диченко • Андрей Зимин
Андрей Христофоров
Анна Апрелкова
Антонина Волкова
Арина Георгис • Арина Касаткина
Борис Елецкий-Посвольский
Валерия Зарубина
Виктор Барсук
Владимир Комаров
Георгий Тишинский
Григорий Неделько
Данил Сапронов
Диана Позднякова
Дмитрий Кокшаров
Игорь Ачинович
Ильяс Мукашов
Кали Люцифера
Клотильда Ф. И. фон Шульц
Лиана Крузман
Маргарита Арофикина
Маргарита Муравицкая
Наталья Дубровская
Николай Кузьмин
Нэлла • Олег Гуцуляк
Олег Телемский
Олеся Орехова
Ольга Адиятуллина
Ольга Бухарова • Ольга Швец
Пётр Старцев
Полина Рябикова
Сергей Яшин • Сириэль
Таисия Вилькоцкая
Элиас Отис

только на новом сайте
в межвременье и на новом сайте
на старом и новом сайте
конкурс «Поэзия Крылатости», 2017

АДЕЛАИДА
Клуб поэзии и авторской песни

Литературный Альманах Народа Звезды

15 лет проекту!

Выпуск 5
Часть 1

Кёнигсберг
2017

ПРИЛОЖЕНИЕ № 62(1)
8 ноября 2017
ἀπόκρῠφος
Калининградский научно-популярный журнал «Апокриф»

Калининградский научно-популярный журнал Апокриф

ἀπόκρῦφος

НАУКА ⇔ РЕЛИГИЯ ⇔ МАГИЯ

Приложение №62(1). 8 ноября 2017 e.v. (♏ 5.3 e.n.)

Лалангамена: Литературный Альманах Народа Звезды

Выпуск 5 (1)

Произведения авторов, опубликованных на сайте http://lalanga.ru/

ЗА ЮМОР И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ!

ДЕЛАЙ ЧТО ЖЕЛАЕШЬ — ЖЕЛАЙ НЕВОЗМОЖНОГО!

Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала и указания электронного адреса журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция оставляет за собой право отказать в публикации материала без объяснения причин.

Учредитель: Орден Белой Обезьяны (http://vk.com/obezjanki), 2003

Издатель: Орден Белой Обезьяны

Проект основан в 2003 г. Выходит 1 раз в месяц.

В составе журнала выходят также нерегулярные приложения.

Главный редактор:
Fr. Nyarlathotep Otis (Роман Адрианов)
***Дизайн** — Fr. Nyarlathotep Otis.*

Адрес Калининградского представительства Международного общественного оккультно-религиоведческого журнала «Апокриф»:
236022, Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11

Электронные версии журнала:
http://apokrif93.com, http://vk.com/apokrif93

На других языках:
английский:
http://vk.com/apokrif93eng — http://eng.apokrif93.com
арахау:
http://vk.com/apokrif93ahu — http://ahu.apokrif93.com
белорусский:
http://vk.com/apokrif93bel — http://bel.apokrif93.com
гингва:
http://vk.com/apokrif93gng — http://gng.apokrif93.com
грузинский:
http://vk.com/apokrif93kat — http://kat.apokrif93.com
казахский:
http://vk.com/apokrif93kaz — http://kaz.apokrif93.com
китайский:
http://vk.com/apokrif93zho — http://zho.apokrif93.com
литовский:
http://vk.com/apokrif93lit — http://lit.apokrif93.com
сербский:
http://vk.com/apokrif93srp — http://srp.apokrif93.com
токипона:
http://vk.com/apokrif93tok — http://tok.apokrif93.com
украинский:
http://vk.com/apokrif93ukr — http://ukr.apokrif93.com
эстонский:
http://vk.com/apokrif93est — http://est.apokrif93.com

Все проекты: http://frotis.wordpress.com/

Электронная почта: 93in39@gmail.com

© Редколлегия журнала «Апокриф» и авторы журнала, 2017

© Fr. Nyarlathotep Otis, 2017

Кали-град

Лалангамена:

Литературный Альманах Народа Звезды

Выпуск 5 (1)

Произведения авторов,
опубликованных на сайте http://lalanga.ru/

Подготовка выпуска начата 09.10.2017 г. **Выпуск издан** 08.11.2017 г.

Счёт в системе Яндекс.Деньги: 41001416643125
Карта Сбербанка России: 5336 6900 5386 5368
Телефонный счёт: 9632921917

ТАКОЕ БЫВАЕТ

Я неподконтролен
Все чувства — как на ладони
И просятся вверх
В надежде на минутный успех
Ну как тут остаться на месте?
И двое — уже не вместе
Но снова совпали, так странно
Как будто решили заранее
В окне — отражения
Наплевав на любые мнения
Воспоминания рвутся, как струны
И на запястьях — руны
Соулу, Райдо и Ансуз
Предутренний мистический привкус
Растаявших мечт и надежд
Под грузом одежд
Не спрятаться от себя самого
Не забыть ничего
И открыться — так нужно, так больно
Не остаться безвольным
Распушить крылья и взлететь
Наплевав на жизнь и на смерть
Физика — что она знает?
Такое бывает.

МЕРТВЕЦ НА ПЛЕЧАХ

На привале открой свой рюкзак: раздели провиант
С мертвецом, которого тащишь с собой на горбу.
Расскажи ему, как тяжело продвигаться вперёд,
Что эту дорогу к счастью ты видел в гробу,
Что тяжёл каждый шаг, что болят ноги и спина,
Что наощупь ведёшь ты в последнее время свой путь:
Обнаружив недавно, что смотришь зачем-то назад,
Ты никак не найдёшь в себе силы взгляд развернуть.
Он поймёт и поддержит: за кружкой дрянного вина
Он поможет тебе уничтожить последний ломоть
Унесённого из дому хлеба. И, влезши на плечи опять,
Он игриво предложит: «Пойдём, что ль, куда-нибудь?»

РАССКАЖИ МНЕ СКАЗКУ

Началась сказка и закончилась: «Они жили долго и счастливо». Есть ли связь между миром сказочным и реальностью мира нашего? Я по-прежнему верю в романтику, но инстинкт самосохранения мне всё чаще шепчет на ухо свои разные опасения. Сколько ж можно, обжёгшись, лезть в пламя, да хватать угли пальцами нежными, словно память истёрлась за ночь, обернув пылью опыты прежние? Только не оторвать взгляда мне от причудливых танцев огненных, и напомнят ожоги новые об ожогах уже заживлённых.

На вопрос «что же будет дальше?» чистой руной ответил футарк: ну и ладно, буду жить дальше, раз уж я дотянул до утра. Я ль не норна себе? Мирно тянется от клубка в мои руки

SOMETHING'S ON THE WAY

Что-то не так, а что — не понять.
Сколько ещё нужно выпить, не морщась?
Лестницы в небо парят в облаках.
Ну-ка, смелей, улыбнись, да не корчись!
Вот тебе мячик, иди поиграй,
Потренируйся, как на вражьем черепе,
Только в бурьян его не загоняй,
Будешь потом плакать от жгучей зелени.
Чу! Что за тени? Домой, да быстрей.
Незачем видеть чужим да неведомым.
Вот как мы их огнем и мечом.
Они не нашего роду и племени.

ТУМАННОЕ

Доброе утро! Я улыбаюсь тебе, белый норвежский туман.
Спрячь меня под своё пальто
И укрой от всего, что не ждёт.
Передавай мне приветы от Альбионского родственника
И пой мне тихую мелодию ветра,
Запутавшуюся в твоих широких полах.
Буду ли я собой, если я буду в тебе?
Никто не увидит, никто не узнает, так буду ли я?
Осень — Сентябрь, Октябрь, Ноябрь — СОН.
И ты — только сон, и дорога моя в тебе... и, может, я сам?
Закрой мне глаза, чтоб не видеть, что ждёт впереди.
Я узнаю, когда придёт время.
А пока — пой мне песню морских берегов,
Смазанных силуэтов и сумеречных дней,
Домашнего уюта, тепла изнутри и земли цвета неба.

ЧЕГО ЖЕ БОЛЬШЕ?

Слишком яркий свет, слишком резкий голос,
Тихо падает с головы моей волос
Поседевший, не посмотрев на мой возраст,
Я привык давно, плача, прятать слёзы
Столько раз свернул — вряд ли всё напрасно,
Но я чувствую — что-то будет дальше.
Я уже устал столько жизней помнить.
Сколько суждено мне ещё дрожи
В пальцах, сломанных новой горькой строчкой?
Смазан фокус взгляда — вижу всё неточно.
То ли ночь такая, то ли я — неясно.
Столько раз свернул — вряд ли всё напрасно?
Не исправлен миром, не испорчен веком,
Так хотел я стать — хотя бы человеком,
Чтоб уметь любить — через это счастье,
Чтоб свободным быть, чтоб презреть опасность,
Чтоб уметь делить на плохих и белых,
Чтобы выкрикнуть, если надо, смело,
Чтоб поцеловать, когда нужно, с чувством,
Чтоб всегда уметь улыбаться в грусти.
Я старался, веришь? Стёр до крови руки
(Об пол лбом-то бить — невелика наука).
Я писал тебе письма льдом по лужам,
Я хотел с тобой стать сильней и лучше,
Чтоб одним и тем же, Бонни бы и Клайдом,
Чтоб всегда быть вместе, за руки и рядом.
Но ты не смотрел, не читал, не слышал:
А я облаком таю выше, выше.
И на каждый дождь мой ты находишь зонтик,
А я не могу, не могу так больше.

ГРОЗА

За моим окном рычат звери
Раздирают темноту в клочья
Погружают когти в её чрево
Но не могут насытиться ночью
И вгрызаются в её руки жадно
Их становится всё больше и больше
А она их ласкает нежно
И заливисто, звонко хохочет

BASE

Кому быль, кому небыль,
Кому цвет чужих спин.
Кто-то выиграл здесь небо,
Кто-то проиграл жизнь.
Как найти в себе силы
Для опасной мечты?
Кто-то падал с улыбкой...
Но точно не ты.

ВЕСНА, ПОМИЛУЙ

Оно накатывает среди ночи и требует сдаться на милость весны.
Это счастливый ты — среди прочих; в печали ты навсегда один.
Бей в барабаны, пой свои гимны: всё равно после заката дня
Ты побоишься своим отраженьям рассказывать что-то про себя.
Да, вечно юный и пьяный странник: ты тоже захочешь залечь на дно,
Забыть про женщин, всё время разных, оставить дороги, не пить вино,
Избрать себе город, в нём дом по нраву — и оставаться в нём по ночам,
Не думать о звёздах, о дальних странах, не знающих всё ещё про тебя.
И только столкнувшись с несовершенством, увидев, что здесь тоже есть предел,
Ты задаёшься банальным вопросом: хотел ли ты? Этого ли хотел?
И, встретив горечь разочарований, которых ты так искал избежать,
Получишь ответ, такой же банальный: от себя невозможно убежать.

НЕСОВПАДЕНИЕ

Я так хочу показать тебе свой мир,
Свой язык сделать понятным без слов
для тебя,
Мой рок-н-ролл сыграть так, чтоб хотел
Танцевать со мной,
Мой парень из преисподней, мой смутьян,
Про зелёную дверь в белой стене рассказать
Так, чтоб сомнения сгинули, не родясь,
И, открыв её, ты сразу поверил мне
И увидел, что за ней, так, как увидел я...
Но ты устал за день, и так болит голова,
И поспать бы минут хотя бы шестьсот;
Ты киваешь рассеянно на мои слова
И вздыхаешь — дел опять невпроворот.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Пелена дождя застилает взор
Суть вещей ускользает от взгляда
Сумрак тайны не рассеивает свет
Под древом боддхи
Смертный человек
Дал клятву не сдаваться
Растопить иней
На стекле бытия
Не угасала борьба ни на миг
Мара выпускал свои стрелы
Но стали лишь они лепестками
Дразнил и искушал соблазном
Но лишь молчанием был ответ
И наконец пронзил луч облака
Пробивая себе путь
И стал солнцем озарившим млеко небес
Ясна суть вещей
Нет загадок и тайн
Достигнута цель
Победитель стал совершенным...

КОГДА ЗАКРЫВАЕШЬ ГЛАЗА...

Когда закрываешь глаза, смотришь в темноту... в себя

Закрой глаза и смотри

Вот тьма

Пустота и чёрный холод

Одинокой искрой вспыхнула моя жизнь в вечном мраке и через миг погаснет, поглощённая тьмой

Вот моё тело — бренная оболочка, мешок, набитый мясом, костями и кровью, пробьёт час — и смерть обратит его в прах, сделав его жертвой огня, свинца, болезни или времени...

Вот моя слава, — но всякая слава — как цвет на траве, — засохла трава, и опал цвет, и сказано было *Sic transit gloria mundi*

Вот мои знания — бесчисленные фолианты стоят на полках моего разума, но и мой ум, и мои книги сгорят в ледяном пламени смерти

Вот моя душа — я мнил, что она вечна, но потом сбросил пелену майи со своих глаз и постиг, что её вечность смертна, через кальпу или через десять тысяч миллионов кальп

Вот моё Я, я мнил, что оно бессмертно, но потом открыл глаза духовного зрения и постиг, его смертную природу, конечную, подобно природе оболочки. В судный час Я погибнет, не оставив после себя даже горстки холодной золы

Но есть Дух. ОН может стать бессмертным уже здесь, если его не сокрушат боль, отчаяние, обречённость и усталость

Бессмертный Дух не повредить огнём или сталью, не намочить водой, он не станет добычей времени, ибо укротил время, он не станет добычей смерти, ибо не был рождён

Стань бессмертным — и Боги примут тебя в свои чертоги, нарекая тебя своим другом. Последний аргумент — это Воля. Чем сильнее удары судьбы, тем чище медно-колокольный звон огненно-раскалённого стального монолита Воли

Род не начинается с тебя, твои родители были рождены их родителями, а они были рождены их, золотая цепь уходит в глубину ветхой древности, начинаясь с твоих богоподобных предков, в чьих венах пылает божественный ихор — молоко небесной реки — млечного пути

Дисциплина — мой меч. Вера мой щит

Тёмный яд Кали-юги убивает слабых и сокрушает тех, чья вера слаба... но Кали-юга — золотой век для тех, чьё кредо — Воля, религия — Сила

Постигни своё истинное бытие — бессмертное и вечное, только оно и имеет смысл, а в иной ситуации чем ты отличаешься от бездушной вещи, которую можно разбить, сломать или сжечь?

Признай и смирись, что ты когда-нибудь умрёшь

С каждой минутой твоя жизнь подходит к концу

Когда ты умрёшь, не будет никого, кто бы это опроверг

Когда ты умрёшь, не будет никого, кто бы доказал, что ты существовал

Если ты умер, то ты не трус. Если ты до сих пор жив, то ты — трус

НИРВАНА

Огонь под кожей
Обжигает плоть нестерпимо
Заживо горишь
В полыме ненасытного желания
Ржавые шестерни вертятся и душат
Из жизни в жизнь...
Темница без стражи
Но вот...
Шестерни застыли в безмолвии
Волнение души угасло
И тонкий хлад заморозил её в лёд
Огонь потух и нет страданий
Окончен путь в сознании
Рожденья цепь отсечена
В пустоте плывёшь
Снежинкой тая
Исчезая
Разрешён последний парадокс
Прочитана глава и книга закрыта...

ТРИУМФ НЕЖИТИ

I. Восстание

Вдруг озарилась светом могила одна, и из земли высунулась костяная длань, и раздался глас: «На костёр!». И сделался свет по всей планете, ибо из земли восстал сам Торквемада. Проследовав к одной из могил, он забормотал что-то невнятное, и на Земле сделался страшный грохот, и восстал Ганнибал — сын Гамилькаров, — извечный противник Рима, ярый язычник. В длани его был вложен меч, на коем была надпись на финикийском: «Во имя вечной борьбы!», — а главу украшал шлем, на коем чёрным светом блестел финик — символ проклятого града. И встал он рядом с церковником.

Тут вдруг раздался страшный грохот, и красные доселе небеса вдруг почернели, и полился вместо слёз, подобных влаге дождевой, чёрный, словно шкура бесова, гной. И спустился с небес бич народов — Аттила, и следовало за ним бесчисленное войско из воинов, что восстали мира и порядка воцарения для. И восстал из мёртвых великий тиран, и имя ему — Жан-Поль Марат. Сидел он в позолоченной ванной. Потирал он жадно руки в предвкушении власти.

И собрались сии мужи на Голгофе. Вдруг страшно сделалось на небе, и узрели живые свет, неизведанный доселе. Крики оглушали Новых Вождей. Призвав народы, они сказали: «Пойдите и уничтожьте... идите и убивайте... не оставьте сильных... слабых в рабство... башню ж вавилонскую обнесите забором... и возведите храм... возвеличьте правителя».

И тогда затряслася земля, и расступился Рейн, и прах великого злодея слипся, оброс кожей, и вновь услышали люди клич нацистов, что не раздавался почти 70 лет. Страшный лик, без усов, но всё такой же злобный, взирал на испуганную толпу, среди которой уже не различить было арийцев и чёрную плебейскую народность... с ней он нещадно боролся, желая изничтожить, не оставив камня на камне. И горькая злоба взяла Гитлера, и, воспрянув, пошёл он ко другим мужам на Голгофу. Севши рядом, стал взирать по сторонам, ибо мир за столько лет сильно изменился.

Вместе призвали они народ и глаголили о пришествии Нового царства и начале Нового мира, где живые будут слуги мертвецам. Начертали они на земле новый порядок, тем самым утвердивши своё право на вечное владение земными и небесными богатствами, ибо сделались герои равными богу по силе и мощи.

Честныя же в рабьи лохмотья облачены были. И отправили их воины тьмы в казематы на веки веков, ныне и присно. И в этот миг сделалась гроза... и засверкали очи правителей... отсверкала зорька... опустилась ночь.

II. На троне

И взошёл на трон Марат, сделавшись вечным царём. Повелел он в самом начале созвать писцов, дабы положить начало новому слову. Преемником стал он сам себе сим поступком. Ганнибала сделал он предводителем войска, а бича народов Сатана, за его помыслы злые, сделал лучшим воином, давши ему силушку богатырскую да хитрость лисью. И стала тьма... опять... «Слишком много люду... слишком много живых... слишком... слишком...» И засверкали очи Аттиловы... и вопрошал он права... у Марата... ибо жаждал крови... 270 лет... заточение в земле... плоть уж изъедена червями... от одежды остались лохмотья... и кивнул одобрительно... улыбнулся скелет... и узрел Аттилу, что лезвие меча сваво точил... представлял кровь... и скалился... и заглаголил Гитлер... призвал свергнуть людей... растоптать... уничтожить... ибо ненавидел человеков... и возвели мертвецы печи, куда неверных отправляли... и загорелись вмиг глаза у мертвецов... Гитлер молвил: «Сие... есть мой новый план... дабы человеков живых боле... на земле не было».

И взяли мертвецы оружие и зашагали строем, како много лет назад, звонячи латами своими в прадедную славу... Смятение... Страх... Люди объяты ужасом... Войску нет числа... их орда... Одного уложишь... придут на подмогу двое... паника... страх... Смерти лик узрели люди вновь... И приказал Ганнибал живых... превратить в рабов... иль умертвить... их участь незавидна... и нет иной дороги... Марат же огонь-пламя сделал... приказал сжигать неверных... и факел ... Торквемаде в длань вручил... и гогот по земли... и стены затряслись... Гитлеру Марат... поручил идею разработать... Чтоб было всё... и кровь рекой... и беды, но идея... превыше... всё тлен... но мир уж не воскреснет... враги в крови... свои в огне... это война... вновь блицкриг, но теперь... настало время побеждать... вопреки всему... ибо боле нет преград... И очи заблестели... и засверкало синью небо... и полилася кровь... и земля стала как лёд... убийства стали нормой... жизнь превратилась в ад... ибо не ведали живые, где приют найти... от зла, что вскресло после рагнарёка... злом обуяна планета... люди не знают, где укрыться... а войско Ганнибала с Аттилою в начале... время шло... и люди превращалися в рабов... тяжёлая жизнь... но так... чем страху смерти даться... так думали живые... смотря на мертвецов.

III. Охота

Встал Торквемада... взял в руки факел... и меч... и поступью тяжкой пошёл... запылали вокруг костры... возопили живые... ибо от мёртвых... что Дьяволу душу отдали... не было спасу... мертвецы же, взирая на пламя, громко смеялись... небо покрылося копотью... и запах гари завитал в воздухе... чёрные столбы от кострищ вздымались в небо... прах же смывался кровавым дождём... кой вызывали восставшие из ада шаманы... народ же... Гог и Магог... изгнание... кровавые реки... предсказания сбываются... смерть и чума приближаются... на уцелевших идёт охота... гул стоит... слышны речи... различимы слабо... видно, мертвецы глаголют меж собою... земляне ж... словно мухи... безысходность... печаль... тоска и уныние...

смерти уже не боятся... крики слышны... пылают костры... от них идёт горький дым... видно, люди сгнили изнутри... несмотря на лоск снаружи... дым к небу не идёт... стеляся по земле... на башню вавилонскую водружены знамёна... зверя... того самого, что помог восстать из мёртвых... гадам, подлецам и прочей мрази... крик... кого-то ведут на костёр... с Голгофы Торквемада скалит челюсть... и запылал живой... столб дыма... чёрная копоть... «Видно, гнилой человечек-то был!» — мыслил Гитлер. — Не зря... я ещё полвека назад... предупредил вас... говорил вам... но вы не слушали... и не слышали... теперь платить придётся... за всё... нам всё равно уж... теперь мучайтесь вы... боль и унижение... наказание вам на века... не приняли к вниманию... теперь терпите... в огнях семи кругов горите... мне смешно». Умолк Адольф... молчание гроба воцарилось... вот мертвецы... к дыбе привязан кто-то... поджёг мертвец дрова... и запылал костёр... горел кто-то... и смотрел на небо... и смерти в пасть вошёл он... и прах веял по ветру... догорал кары костёр... и молния ударила... и начался вдруг дождь... костёр же воспротивился... сильнее запылал... и мертвецы стали бить челом... ибо была ночь... и наступал рассвет... но солнце не взошло... и темень воцарилась... Людей объял испуг... Гитлер же улыбался... люди искренне боялись... стать жертвами костра... а мертвецы пели... вернее выли... златой идол, что стоял посреди града, был снесён... на купол мертвецы... водрузили знамя зверя... он дал им путь ко власти... бессмертие... и право... быть выше над людьми... быть подобным солнцу... его больше не было... свет ушёл в небытие... отныне... навсегда... остались только хаос... смерть... война... беда... лишение... и кромешная тьма...

РОДНИК

Шёл я домой,
Страшно хотел пить,
И во мгле ночной
Увидел я родник.

Подойдя к нему,
Я наклонился
И в глубине увидел, что
Вурдалак притаился.

За волосы схватил
Он меня со злостью.
Я ему со всего маху
Дал по рылу тростью.

Он вскричал от боли
И меня оставил.
Ну а я схватил ружьё,
На тот свет его отправил.

Но вдруг он вскочил
И страшно закричал.
Когти обточив,
За мною побежал.

И, схлестнувшись меж собой,
Начали мы смертный бой.
Удар за ударом шла борьба
Ему шла на помощь чертей гурьба.

Но внезапно стал рассвет,
Полился небесный свет.
Вурдалак вдруг наземь упал
И вместе с армадой своей пропал.

И поднёс архангел мне
Целый ковш воды святой.
Утолил свою я жажду
И пошёл домой.

Дойдя до дома,
Я лёг спать,
Чтоб день вчерашний поскорей
Из памяти прогнать.

Вурдалак убитый
Во сне явился мне
Чёрной желчью весь покрытый,
Сидящий вновь во роднике.

Будьте, люди, осторожней
И не пейте с родников,
Ведь последствия возможны,
Ко всему ты будь готов!

ЛЮДИ МОНОЛИТА

Вот снова виденье меня захватило.
Прохладная влага и капли дождя.
Тускло сияло на небе светило.
Бесплодные думы терзали меня.
Увидел я храм в заколдованной дымке.
Могучих руин оскудела краса,
Но все же страшны его мрачные лики,
В них видно безумье иль гений творца.
Я шёл, наступая на стебли растений
Погибших: один желтоватый ковёр
Остался от зелени буйных цветений,
Которые мор средь долин распростёр.
И вот я ступил на разбитые плиты,
Фундамент надтреснут у светлых надежд.
Искрились, сияли внутри монолита
Бесплотные тени, лишённые вежд.
Вижу круг, и в нём чёрная глыба так блещет,
И манит куда-то мерцанье меня.
И сердце, и сердце всё больше трепещет,
Уста приоткрыты, молитву шепча.
Вот вышел из тени, шагая с размахом,
Опасный владыка угрюмых руин.
От него веяло тленом и прахом,
И холодом обдало тысячи льдин.
Серым бесформенным лишь балахоном
Был его скромный и странный наряд,
Маска из жёлтого шёлка скрывала
Лика его ужасающий взгляд.
Он мне сказал без угрозы и злобы:
«Вот посмотри, в самом центре стоит
Проклятый всеми источник угрозы —
Дьявольских сил колдовской монолит.
Видишь те тени? В них колыхаясь,
Спирального хаоса вечна игра.
Глаза их — как бездны немая усталость,
Их мысли — одна беспросветная мгла.
А когда ночь нависает над храмом,
Тогда я творю ритуал в тишине.
И там, на поляне, увитой туманом,
Является демон в пурпурном огне.

Он не один. В его власти фантомы,
Что были людьми, а теперь монолит
Станет узилищем проклятой формы,
Что в себя камень навек сохранит.
Я здесь эоны бессменный хранитель
Я видел здесь тысячи странных чудес,
Но как же случилось, о мой повелитель,
Что ты из узилища тени исчез?»

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Из окна я смотрел на заброшенный дом.
Говорили, что призраки водятся в нём,
Что когда-то давно из бездны призвал
Их безумец один, совершив ритуал.
С тех пор ужас губительной аурой лёг,
На дом, стоящий вдали от дорог.
И гуляющий житель, и путник простой —
Все обходят его далеко стороной.
«Вы глупцы, — друзьям я с сарказмом сказал. —
Суеверий, невежеств вас обруч сковал!
Я пойду туда ночью, чтоб всем доказать,
Что не может никто там давно обитать».
Когда ночи пробило двенадцать часов,
Я открыл ветхой двери скрипучий засов
И вошёл в этот дом. Запах гнили разил,
Словно тысячу отрыто было могил,
Но меня не смутил этот мерзостный смрад,
Я смотрел в глубину запылённых аркад.
Никого, тишина, всё болезненно спит,
И такое лишь чувство, что кто-то следит...
Словно стены пропитаны ужасом были.
Говорили, кого-то ещё здесь убили.
Я прошёл коридор, где разбитые стены
Украшали везде паутин гобелены,
И попал в зал широкий; над полом склоняясь,
Видел символов тайных волшебную вязь,
Но в себе подавил я постыдный испуг:
Это был полустёртый магический круг.
Я на кресло присел, запылён, как метла,
Чтоб дождаться на нём беззаботно утра,

Но скомкали покой мой чрез четверть часа
Леденящие кровь в темноте голоса.
Слышал шорохи я, стук невидимых рук,
Шаг невидимых ног, стоны боли и мук,
А потом вспыхнул бледный, мистический свет…
Это призрак, фантом заклинателя бед.
В его взоре лишь ненависть адской гордыни.
О, как же меня те глаза поразили!
Предо мной же явились с бредом видений
Обитатели дома — толпа приведений.
И я побежал очень быстро тогда
Из дома, где злобой пропитана мгла.
Устал, подавлен, почти весь седой
Вернулся той ночью тогда я домой.
Теперь я скажу: обходите всегда
С недоброю славой пустые дома.

ВЕЧНОСТЬ

Не бежит, не торопится вечность,
Заповедна от мелких сует,
И летит её круг — бесконечность,
Сметая скорлупы планет.
Она будет последней чертою,
За которую встану и я,
Когда в прожитой жизни укрою
Упоенье последнего дня.
Вечность примет меня в объятья,
Усыпит огрубевшую плоть,
Обернёт в погребальное платье
Иллюзорности Шива-Господь.
Она бренность мою сокрушает,
Иссушая остатки минут,
Но она же меня воскрешает,
Её ветры в дорогу зовут.
Эти ветры мой прах поднимают
И несут через пропасть его,
Стражи бездны его пропускают —
Это прах, и в нём нет ничего.

AD HECATE EX LUCIFERUM

О, не тревожься о своём ученике,
О времени ушедшем не тревожься,
Твои уста остались на замке —
Тебе за свет твой вновь воздали ложью.

Он, верно, взненавидит белый свет
И отраженья лиц в лучах зеркал,
Познав, что тебя рядом больше нет,
Познав, что твою милость потерял.

Ты Смерть с косой, с голодными глазами,
А он лишь раб — земных страстей пустых
Какая всё же пропасть между вами!
Дорогой вьётся меж костей гнилых.

Он — выродок коварных светских нравов,
Сменил мечты на деньги и почёт.
Он за твой спиной искал лишь славы,
Но вот — увидишь — гноем истечёт.

Твой дар никто из них уж не оценит,
Навеки затвори свои врата,
Тогда никто тебе вновь не изменит.
Где Ад — там тишина и темнота.

Иди дорогой пропастей и тьмы,
Будь вечно злым, жестоким и голодным.
Тогда на перекрестках злой зимы —
Тебя встречать мне суждено почетно.

Гоняй с весельем своры змей ночных —
В трясинах диких, в дни дождей ненастных
Не трать неблагодарным — слов своих:
Ты станешь недоступным и всевластным.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Самаэль чёрной тенью скользит за спиной,
А в руках у меня Древний Свиток.
Кто посмеет нарушить Мой Мёртвый Покой —
Тех ждут страшные муки и пытки.

Ну а как измери́м человеческий страх?
Запущу в мозг железные свёрла,
Раскромсаю им кости секирой во прах
И зубами порву Я им горло.

И, давясь, свою кровь они будут глотать,
Отступивши с поклоном учтивым.
Князю Тьмы не посмеют навстречу послать
Своих тварей, гнилых и червивых.

Не узнают, как скоро нагрянет конец,
И как Дьявол расставит все точки.
Никому не позволит Восставший Мертвец
Прикасаться к земной оболочке.

Все терзанья и муки раздумий пустых
Обратились в холодную ярость.
Скрежет стали и звон от монет золотых
Покорят человечность и жалость.

Неужели возникнет в их мозге гнилом,
Что, однажды предав Господина,
Они смогут к Нему возвратиться потом
Недотрогами с горькой повинной?

Но потом оттого начнут плакать и выть,
Что колы им кишки разрывают.
Самаэль может ждать и умеет любить —
Но предавших Он в пыль растирает.

Нет обратной дороги в Полуночный Ад,
Нет обратной дороги к Престолу.
Те, кто вышвырнут вон — не вернутся назад,
Их ждёт боль от пронзания колом.

Не жестокость, но доблесть, что вызовет страх,
Пусть от Князя не ищут прощенья.
Самаэль глубоко видит тайны в сердцах,
Приводя приговор в исполненье.

ВЕРНАЯ МОЯ! МОЁ ТВОРЕНЬЕ!

Я слепил тебя из красной глины!
Твой жестокий и коварный Князь,
Чтоб ты рисовала Мне картины,
Чтоб на алтаре Мне отдалась.

Я слепил тебя из красной глины,
Как и в первый раз века назад.
И как Бабочку, что пала в паутину,
Я увёл тебя в Шеольский Ад.

На тебе Я выцарапал метку
И Печатями клеймил во сне.
И Лилит — из глины — статуэтка,
В чёрном полотне была при Мне.

Я слепил тебя из красной глины.
Среди сотен лиц тебя искал.
Взял тебя Я девою невинной
И своей короной увенчал.

Я слепил тебя из красной глины,
Твоей крови бережно вкусил,
В Древней Башне, тёмной и пустынной,
Я тебя коварно совратил.

Я порою был с тобой жестоким —
Я тебя пытал и истязал.
В тёмном прошлом, в Царстве Тьмы глубоком,
Я водил тебя во Тьме зеркал.

Ты Мне доставляла наслажденье,
Нашу Верность бережно храня.
Верная Моя! Мое Творенье!
Ты любила только лишь Меня!

Мы пройдём сквозь мрак жестокой боли
Мы пройдём сквозь сумрачный портал.
Я найду ключи от лучшей доли,
Той, что сквозь века так долго ждал.

СУТЕХ: ГНЕВ МУМИИ

Я пройду через Чёрные Грани,
Скрытый Гнев Мой — они не стерпят.
Принесу в окровавленных дланях
Я им Яду — вместо Бессмертья.
Я пройду по Путям Скелетов
Чёрной Тенью в Лучах Заката,
Я лишу их силы и света —
И познают Ужасы Ада.
А в пустыне — песчаная буря,
Чёрный вихрь вокруг Ахет-Хуфу.
И Глаз Гора, во гневе хмурясь,
Светит в Путь Беспощадному Духу.
Я пройду по пескам безвременья,
Анкх из праха в руке сжимая.
Я разрушу все узы сомненья,
Чёрных Демонов Тьмы создавая.
У взбешённого войска големов —
Будет только один Воевода.
И Законами Древней Системы
Жизни новой отрину невзгоды.
Я пройду по ступеням заката,
Боль и горе неся в своих дланях.
Я открою Мир Древнего Ада
И отдам сонмы душ на терзанья.
Знайте силу Моих Проклятий —
Знайте боль от укусов гиены,
В чёрных войнах незримых ратей —
Век от века не было пленных.
Из вод Ада взметнусь крокодилом —
Всем назло поперёк потока.
Я возьму свои жертвы силой,
Я из них изопью все соки.
Обернётся в Коварного Змия
Тот осёл, кому верб не приносят —
Кого выбрал — зажмёт, не жалея,
И в туннель Ахет-Хуфу забросит.
Яд от тысяч жал скорпионов —
Мои недруги в муках не стерпят.
Я иду под Созвездьем Дракона
Воздвигать Древний Идол Бессмертья.

WATERS OF AIN

Я вижу сущее как светящуюся, переливающуюся всеми видимыми и невидимыми цветами пену на чёрных водах Небытия. Люди пытаются из неё построить Замок. Пенный Замок. И стараются соблюсти меру: чуть больше (нужного) воды добавляют (анархические утопии) — пена растворяется в чёрных водах; чуть меньше (нужного) воды добавляют (тоталитарные утопии) — пузырьки высыхают и лопаются. Только вот преходяща истинная природа пены, как и волн, что несут её... И Пенный Замок рано или поздно, так или иначе, растворится в чёрных водах Небытия под завывание ветра Перемен...

ЧЁРНЫЙ АЛМАЗ

Когда человек достигает уровня Мастера в каком-либо искусстве, он может учить других.

Мастер ищет учеников в преклонном возрасте, дабы они продолжили его дело, то Намерение, что шло через самого Мастера и тех, кто был до него.

Более того — не просто продолжить, но превзойти, — видеть, как ученик становится лучше тебя, есть одновременно и серьёзное испытание для «эго» учителя, и величайшее для того счастье...

Мастер берёт одного-второго-третьего-десятого-пятидесятого ученика и начинает их... крушить своим Молотом.

Как правило, практически всё, что с виду блестит и играет солнечными бликами, превращается в шлак и развеивается пылью, но Мастер продолжает свой труд.

Единственная его мечта — это встретить такой материал, что не рассыплется пылью под его молотом, но превратится в прочнейший чёрный алмаз, что расколет молот и наковальню в пыль.

Если Бог и существует, то я верю именно в такого Бога-Мастера, создающего камень, который сам не сможет поднять... и в наших руках возможность стать тем чистым веществом, что под действием Его рук превратится в Чёрный Алмаз и обратит в пыль старый порядок вещей.

Мир ещё не родился.

А родится он, или всё растворится как очередные сон/кальпа/чешуйка на теле Уробороса — зависит от нас.

Мы рождены либо для того, чтобы сделать сказку былью, либо для того, чтобы сделать её пылью. Всего одна буква, но результаты разные...

ЗАФЕРМЕНТИРУЙ СЕБЯ ПОКРУЧЕ

Если сравнить человеческую жизнь и процессы роста, ферментации и распивания чая, то обнаруживается много общего...

Сначала чайное дерево растёт — аналогия с детством, когда человеческое существо сначала «прорастает», затем учится ходить, говорить, читать, взаимодействовать с Миром, перенимает от родителей черты характера, впитывает флюиды той среды, в которой растёт...

Дальше — процесс ферментации: это подростковый период, молодость и «средний возраст», идёт трансмутация листьев под действием резко изменившихся условий, окисление, перегнивание, перегонка, отделение летучих компонентов, просушка, выдержка в течение многих лет, десятилетий...

А затем начинается самое интересное... Приходит время, и Бог Смерти заваривает чай... И в процессе «чаепития» слой за слоем человек отдаёт всё то, что было осознано им при жизни: опыт, переживания, творчество, идеи, — а ясное состояние ума в момент смерти — как сладкое, едва уловимое послевкусие последнего пролива, не у всех чаёв оно есть...

Спитые листья возвращаются в землю, а вкус... Остаётся воспоминанием на устах у Вечности, ещё одним из бесконечного числа голосов в космической полифонии, порывом звёздного ветра, что рисует живые Миры разноцветным пеплом на чёрном стекле...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Чаша крови стоит, вот пришли мои гости.
На столе угощение — череп, мясо и кости.
Я сегодня пирую, я со Смертью венчаюсь
И со всеми, кто дорог, в день рожденья прощаюсь.
Свет свечи, отраженье на гримасах звериных.
Причащайтесь от плоти! Ешьте мясо невинных!
Угощайтесь младенцем, я сама всё сварила.
Родила на погибель, а любить не любила.
Я спою колыбельную песню: «Прости,
Света солнца тебе никогда не найти...»
В саван белый оденьте, я останусь одна.
Кровью алой допейте эту чашу до дна.
Проведите его в этот горестный путь.
Мне спасенье моё никогда не вернуть!
А могила от слёз будет вечно сырой.
Свет луны и тоску заберу я с собой.

ОН ИГРАЕТ БЕЗ ПРАВИЛ...

Путь над Бездной открыт, псы дерутся за кость,
За безумную истину, брошенную чьей-то рукой —
По ту сторону Бездны восседает на троне
Обладающий даром воскрешать мертвецов.
Им не в силах понять, что нет истины выше —
«Мертвецы порождают только мёртвых Богов».
И у трона сомненья умирает надежда,
Расчленённый порядок собирает в шеренги рабов.
Они верят, что вечны, и Бог разумом правит,
И наступит их час, и воскреснут в Раю.
Но улыбка на лике — Он играет без правил!
И приходит закат, убивая зарю.
Когда Он обронил в прах презренное семя,
В человеческий Ад превратилась Земля,
И любовно позволил умирающей плоти
Отведённое время теряться в догадках себя.
Лишь живая душа окровавленной птицей
Вверх стремится к подножию мёртвых богов.
Он смеётся, он слышит, как ОМ заглушает
Вечный звон погребальных колоколов!

КЛЮЧНИК

Посвящается моему другу Свабуно

Ходит Ключник, бродит Ключник,
В тишине звенят ключи.
Я не сплю и слышу шёпот —
Звёзды шепчутся в ночи.
В капюшоне сновидений...
Весь укрытый лунным светом...
Под покровом тёмной ночи
Прибегу я за ответом.
Расскажи о древних духах,
Что таятся между звёзд!
Отчего в кошмарных муках
Нам являют сферы грёз?
Прогреми тяжёлыми ключами,
В вечность ржавый вытащи засов.
Мудрость отвори в печали —
Почему придумали любовь?
Но в ответ лишь на рассвете
Птица тихо пропоёт.
Тень в углу мелькнёт за шторой,
И душа во сне замрёт.
Ходит Ключник, бродит Ключник,
Глухо слышатся шаги...

ТЕАТР ВЕЧНОСТИ

На подмостках Театра Вечности
Начинается гала-представление.
Обещают спектакль беспечности,
Свет любви как Творца отражение.
Но Творец обманул нас с пафосом,
Когда в глину вдохнул Дух-семя.
Не сдержал своего обещания,
Вместо Колосса — рабское племя.
Быть рабами ему послушными,
В наказание — ад как преграда.
В клетке тела с мыслями душными,
Вместо вечности — смерть награда.

Наш удел — отражать в муках Бога
В зеркалах бескрайней Вселенной.
Он — величие, мы же сатира убогая
В безысходности жизни бренной.
Я не верю милости божьей.
Вместо воздуха — пытка удушьем.
Мне б в аду от тебя, о Боже,
Быть свободным — нет участи лучше.

У БОЛИ ТВОИ ГЛАЗА...

Выход лжи против истины входа.
И является Бог в озарении.
Он несёт счастье боли с рождения
И спасает душу для уничтожения.
Кружит танец смерти повенчанный
В оглушённом звоне тишины.
Танец бабочки, посаженной на лезвие
В мраке Бездны, выпавшей из души.
И никем не отслеженное насилие
Рушит только саморазрушение.
Режет ласково и с трепетом
Смерть как окончательное пробуждение.
Прыжком в Бездну без тел и душ
Он является из свечения.
Начинает жить мёртвый зародыш,
Не кончается цепь рождения.
Настоящий Маг не умрёт,
Но и он постигает Смерть.
Как искусство игры в Ничто,
Как великой любви завет.
Только ключ навсегда утерян.
На осколки летят зеркала.
Трепет крови ветром навеян,
И у боли твои глаза...

ТАТУИРОВКА

Как прекрасна весна без Добра и без Зла!
Вместо снега — лишь поле кусками стекла.
Волк бежит за добычей без страха вперёд,
Его вечная песня Свободы зовёт.

Настигается жертва, и кровь на снегу — как бутон,
И вонзаются зубы, будто нежный росток пробивает бетон.
Он восстал против всех — одинокий и бешеный волк.
Только скоро предел — истекает отпущенный срок.
Тот Великий Предел, а за ним пустота,
Вечной жизни и смерти шальная игра.
И капкана открыта смертельная пасть,
Но ничто не имеет над Силою власть.
Слышен вой или крик? — Волк взглянул на луну.
То под кожей твоей оживает тату.
Словно не было смерти — ловушки в ту ночь,
Жажда крови и мести зовут тебя прочь.
Он научит тебя без остатка любить,
Слабость, трусость и лень навсегда позабыть,
Ненавидеть капканы человеческой лести,
Иллюзорность надежды и призрачность чести.

ПОСВЯЩАЕТСЯ САТАНЕ

Ты последний луч зари убил,
Взглядом Ты потоп остановил.
Знаю я, как Ты любил и жил,
И ничем земным не дорожил.
Ты порождение порока.
Покой в твоих глазах —
Весь в блеске битых стекол.
Судьба в твоих руках —
В запекшейся крови и шрамах.
Ты видишь красоту цветов в раскрытых ранах.
Венец на голове и нимб святого,
От тёрна по челу стекают капли пьяной крови.
И отречение в глазах, и мука боли,
И крылья за спиной чернее смоли.
Искал Ты отражение судьбы
В пустых глазницах тёмных окон,
И просыпался в темноте среди беды,
Окутанный табачным смогом.
Убийца с сердцем и душой ребёнка,
Ты жрец любви, распятый на кресте порока.
Для женщины одной ведь стал ты Богом,
Хоть счастьем не был уязвим и пал до срока...

ПАРАЗИТЫ

Он не потрудился найти причину...

I

Схватив за плечи, я почти что тряс её, как коробку из-под сока, пытаясь выудить последние капли.

— Я не могу иначе! Понимаешь?

Страх в её глазах смешался с осознанием неизбежности моих действий. Я больше не мог держать её и пытаться что-то объяснить. Если она не поддержит меня, такова её воля. Больше нет смысла мучать нас обоих.

Выпустив её плечи, я взял с пола дорожную сумку и постарался не хлопнуть дверью. «Надеюсь, любимая Мария не оставит меня», — только и мелькало у меня в мыслях. Наверное, не просто жить с чудиком, который собственной интуиции доверяет больше, чем любым фактам и уликам. Но я не знаю, как это — быть другим, жить иначе. Шестое чувство всегда обеспечивало мне своеобразный взгляд на мир и его обитателей. А обострённое чувство справедливости не позволяло оставаться в стороне.

Ещё ребёнком я отказался дружить с одним из «крутых» парней нашей школы. Меня просто воротило от него. А когда я узнал, что он втихаря ворует карманные деньги у девчонок и ребят, то «ни с того ни с сего» ударил ему в нос. Наверное, следовало пояснить — за что, но я был слишком зол и, бубня себе под нос ругательства, убрался куда подальше. Этому парню позже оттяпало полпальца в мастерской его отца. Уж не знаю, дошло ли до него, за что всё это, очень хочется верить, что да.

Я вышел из такси и отправился в аэропорт, чтобы сесть в самолёт, который вылетает в место за 1500 километров от моего города. Через пару часов я буду там, где есть дело, от которого я, как можно догадаться, не могу остаться в стороне.

II

Кажется, я яснее других всегда понимал, что у всего есть причина. Остальные полицейские рассуждали так: «Ну, если есть преступление, наверное, кто-то его совершил». И только мне было очевидно, что если взглянуть на преступление как на последствие, да повнимательнее его рассмотреть, причина сама найдёт место в общей картинке и поможет сложить её целиком. Моя интуиция всегда шла рука об руку с логикой, и их союз позволял мне найти виновника любого преступления довольно быстро.

К сожалению, не все дела доходили до суда, и не все преступники получали по заслугам — по крайней мере, законным путём. Как потом оказывалось, «карающий меч судьбы» их всё же настигал. И способы наказания были куда изощрённые, чем мог предложить закон.

Истории со всех уголков света спешат поведать нам об одном и том же: человек ничем не отличается от вещи — при случае его можно купить.

Вот и наши «молодцы», просиживающие штаны на начальствующих постах, от вещей ничем не отличаются — покупают их часто и «оптом». Противно. Пройдёшь вот мимо такого — и вся носоглотка забивается запахом гнили.

Свербящее во всех местах чувство справедливости присуще не мне одному, к счастью. Есть у меня друг, следователь полиции, так его тоже от прогнившей верхушки тошнит временами, и дела он не пускает на самотёк — не успокоится, пока не сделает всё, что в его силах. Одно дело, когда мы наказать преступника по закону не можем, но ведь есть ещё и потерпевшие, а порой, что иногда ещё хуже, и родня погибших — и вот это уже совсем другое дело. Докопаться до правды надо обязательно, хотя бы ради них, если не ради правосудия.

В полиции я, в общем-то, ради людей всегда и работал, пока мысль о том, что я не в том месте и не тем занят, окончательно мною не завладела. Тогда я ушёл на вольные хлеба.

Частный сыск — дело не очень востребованное, но ведь и хороших частных детективов — не зарыбленный пруд. Друг в полиции и личный сайт в интернете обеспечивают клиентами, а мне только и делай своё дело. Никаких тебе гнусных продажных рож вокруг. Такое положение вещей долго поддерживало во мне энтузиазм, но и в этот рай вторглись мои сомнения. Ощущение, что моя тропинка пролегает не в том направлении, не оставляет меня до сих пор. Может быть, это неожиданное путешествие исправит ситуацию?

III

Отправиться так далеко меня заставил сон. Вещий сон, какие часто у меня бывают.

В каком-то просторном помещении собралось восемь человек. Одеты они были в какие-то балахоны — мантии, что ли? На полу расчерчена восьмиконечная звезда, на каждом острие которой расположились по одному из присутствующих.

В центре звезды был нарисован круг, а внутри круга выставлены восемь свечей. Прямо над центром круга подвешен странный предмет. Это была четырёхугольная серебряная пирамида, направленная остриём вниз. На каждой из четырёх сторон её выгравированы символы — похоже, очень древние. Не считая символов, грани пирамиды были гладкими, почти зеркальными.

Все присутствующие расставили руки в стороны, словно желая соприкоснуться ладонями, и в один голос стали напевать на непонятном языке, похожем на иврит. Они пели как бы «в горло», постепенно раскачиваясь и погружаясь в транс. Пирамида тоже стала раскачиваться, а затем вращаться по кругу. Она резко остановилась и стала наполняться чернотой, словно прозрачная чаша жидкостью. Пение прекратилось, и последовало непрерывное мычание — «мммммммм». Чаша пирамиды наполнилась чернотой до краёв, и то, что её наполнило «перелилось через край». Оттуда стали вырываться тёмные медузообразные сущности. Их стано-

вилось всё больше и больше. Они облетали вокруг пирамиды, будто знакомясь со своими пригласителями, и вылетали сквозь стены.

Мне потребовалось несколько раз засыпать с вопросом в мыслях: «Что же они будут делать за пределами этих стен?». К счастью, ответ пришёл. Эти сущности — паразиты. Они станут присасываться к телам людей, точнее, на некотором расстоянии от их тел, и поглощать исходящие от них энергии — мысли и эмоции, и кто его знает, что ещё.

Всё это страшно напугало меня, и я решил сделать всё, что смогу, чтобы предотвратить увиденное.

Для начала следовало разобраться, каким образом это возможно сделать. Найти всех тех людей и покопаться в их биографии в надежде найти что-нибудь, за что их можно будет лишить свободы? Слишком долго, и нет никаких гарантий, что действенно. По моим ощущениям, этот кошмар произойдёт в ближайшие две-три недели. Попытаться выяснить, где они соберутся, и устроить облаву? И что им предъявить? Кто вообще послушает меня и выделит целый наряд полицейских для предотвращения не пойми чего? Нет. Должен быть другой способ.

Идея зрела во мне, по меньшей мере, неделю: нужно выкрасть тот магический предмет, ту пирамиду-проводник. Видно по всему, она очень древняя, вряд ли у них завалялась ещё одна такая.

Теперь мне нужно узнать её местонахождение, и желательно побыстрее. Если это продлится ещё неделю, я могу просто не успеть. И вновь я стал формировать вопросы перед сном. Это позволило мне увидеть указатель с названием города на въезде, табличку с названием улицы и номером дома, и даже дверь с номером квартиры и владельца, в котором я узнал одного из присутствовавших на том ритуале.

Практика приносила свои плоды, и эта информация давалась мне легко. Я сразу просыпался и записывал её, чтобы не заспать. Последние данные пришли ко мне вчера ночью. Я заказал билет на самолёт и стал думать, каким образом мне проникнуть в квартиру. Судя по величине пирамиды, унести её незаметно прямо из-под носа хозяина не удастся, поэтому нужно действовать, когда в квартире никого не будет.

IV

По прибытии я взял напрокат автомобиль, открыл карту города и вскоре уже оказался на месте. Дом был стандартной пятиэтажкой старого типа, и высчитать число квартир, приходившееся на каждый этаж и подъезд, не составило никакого труда. Я припарковался напротив нужных окон, решив немного понаблюдать за ними. Перебравшись на задние сиденья, я устроился в них так, чтобы окна были в поле зрения. Похоже, что в квартире кто-то есть — то занавеска шелохнётся, то силуэт проплывёт мимо окна. Чтобы не рисковать, я решил подождать до вечера.

Когда стало темнеть, в квартире включили свет. Отлично, теперь можно нормально поужинать. Как показала карта, недалеко есть кафе.

Возвращаясь, я припарковался прямо около подъезда, чтобы можно было разглядеть лица выходящих. Надеюсь, владелец пирамиды не сидит неделями дома, и утром у него будут какие-нибудь дела за его пределами. Завёл будильник на шесть утра и устроился для сна.

После пробуждения прошло уже несколько часов. Из подъезда выходят люди, но всё не те. Пока ждал, сложил всё необходимое в барсетку. Ещё час. За ним другой. Наконец-то! Это именно то лицо из снов. Отвожу взгляд, чтобы не выдать заинтересованности. Когда человек скрывается за углом дома, подхожу к двери и набираю на домофоне номер его квартиры — один раз, затем другой — молчание повторяется. Достаю домофонную отмычку и захожу как в свой подъезд.

Дверь в квартиру точно та, что я видел. Прислушиваясь к посторонним звукам, надеваю перчатки и нажимаю на квартирный звонок для очередной подстраховки. И снова прислушиваюсь. Достаю свой универсальный набор отмычек, и дверь легко открывается — нет замка, который не выйдет открыть, не имея ключа от него. Тихонько закрываю дверь. Теперь настал черёд бахил. Сразу захожу в гостиную — места для осмотра: книжные и бельевые шкафы. Зачем прятать вещь, о которой знает лишь узкий круг избранных?

Первый шкаф — книги; второй — простыни, полотенца; третий — посуда; четвёртый — опять книги и писчие принадлежности... ага, какая-то шкатулка — слишком громоздкая. Открываю — и точно: та самая серебряная пирамида. Достаю из шкатулки, оборачиваю материей и убираю в пакет. Быстро перемещаюсь к двери, прислушиваюсь к звукам подъезда, снимаю бахилы и выхожу из квартиры. Перчатки снимаю по дороге — всё в пакет. Сажусь в автомобиль и быстро уезжаю.

Хладнокровно. Легко. Будто я не помогая людям деньги зарабатываю, а обворовывая их.

V

Неподъёмная апатия водрузилась на меня по возвращении домой.

Ощущение «не того места» теперь уже перекинулось на всё вокруг. Это больше не был полицейский участок или место преступления, теперь это был и супермаркет рядом с домом, и целый город, и даже родная квартира.

Любимая Мария была свидетельницей многих моих странностей, и даже после моей миссии, казавшейся ей опасной, она осталась, хотя предел непонимания уже был достигнут. Но как можно оставаться с человеком, который стал каждый день прозябать, и ничего не хочет с этим делать? Моя любимая Мария ушла. И даже на это мне было наплевать.

Где оно, «моё место»?! Куда мне податься, чтобы на душе стало светло? Чтобы каждый день встречать с радостью? Неужели нужно стать отшельником? Уйти в лес или в горы... Только так я смогу стать счастливым?

VI

Просматривая сообщения на своём сайте, которых стало больше, чем обычно, из-за недоступности моего телефона, я решил поискать в интернете хоть что-то о тех тварях, которые должны были прорваться в наш мир. И нашёл! У них даже название имеется: лярвы. Было написано, что они, как я и видел в своём заказанном сне, питаются энергиями, исходящими от людей, только с небольшим уточнением — негативными энергиями.

Но если есть те, кто такими энергиями питается, то что будет, если энергии останутся, а питаться ими будет некому...?

Что же я наделал?!

Нет, нет, погодите-ка. Если в некоторых кругах об этих тварях известно, значит, они давно существуют в нашем мире? И я лишь предотвратил прибытие ещё одной партии... Надолго ли...? И стоило ли...

Дурнота подступила к горлу, мне нужна пара глотков воды. Я вышел из-за письменного стола и направился в кухню.

В следующее мгновение я умер. И это не аллегория. Где-то в глубине моего тела, в районе солнечного сплетения, словно что-то расширилось. Органам стало невыносимо тесно, и волна боли прокатилась по всему телу. Затем она перешла в тупую боль в районе сердца.

Мой дух молниеносно вылетел из тела и завис под потолком. Мне больше не больно. Я наблюдал, как ноги мои подкашиваются, а изо рта огромным, не прекращающимся роем вылетают тёмные сущности, те самые, медузообразные, и разлетаются сквозь стены.

Моё собственное тело стало проводником для них...

И они всего лишь следствие...

ДИКАЯ ОХОТА

Светит в небе Луна Охоты:
Это значит — ночью работа!
Значит, ждёт Колдовства Дорога,
На которой видений много.
Ветер волосы весело треплет
И полощет листья под ветром.
А вначале — чёрные звери
Пролетят мимо вашей двери,
Кавалькадой проедут люди —
Отголосками бывших судеб:
Шлейфом бурю несут за собою,
Листья в танце летят за спиною.
Топот лошади ясно слышен,
Мчатся всадники выше крыши:
— Хочешь, будешь с нами однажды,
Поднимаясь над старой башней?
Кобылицею с гривой пышной —
Ночью топот копыт услышишь...
Открывать по небу дорогу
Ты сегодня с нами попробуй!
По воде, по дорожке лунной —
А внизу тёмных вод буруны,
Грива плещется, словно волны,
Ветер свищет и гонит стоны.
И деревья летят под тропою —
Под тропою моей ночною,
И в тумане мелькают тени —
Что им надобно от видений?
Звука нету — туман клубится...
Видишь, конь на дыбы взвился?
Видишь, морда и зубы в оскале?
Я копытом чужого ударю!
Пролетит порывистый ветер,
И закончится этот вечер.
Было ль, не было — показалось?
Показалось — иль помечталось?
Над водою и над Невою,
Вдоль огней и лунной тропою
Вереница коней уходит,
Ветер шквала за нею бродит...

Я — ЛОШАДЬ ДИКОЙ ОХОТЫ!

Хватаешь ты жизнь за гриву?
Я — лошадь дикой охоты!
По-своему я красива,
За Смертью летя намётом.
Схватился? Успел?! Погнали!
За всадниками и псами,
Дорогой из бездны — в дали:
И бойся тот, кто не с нами!
По небу стучат копыта,
И воют гончие стаи.
Кто были мы — уж забыто,
Звук рога задачи ставит.
Людей превращаем в тени,
А тени гоним на запад:
Скачу в кавалькаде духов,
И — мне наплевать на завтра!
Я — лошадь дикой охоты,
Соблазн для рискнувших смертных!
Могу я поймать кого-то,
Кто хочет гоняться с ветром...
Упал — не моя забота.
Я — сказка, ставшая былью:
Кобыла дикой охоты,
Скачу я по звёздной пыли.

ВЕЧЕР У МОРЯ

Дочке

Кружево пены по песку —
Снова сижу на берегу,
Снова смотрю в морской простор,
А сбоку бухты — гребни гор.
Ласковый вечер, нежный свет:
Ничего лучше моря нет!
Через седых веков вуаль
С берега люди смотрят вдаль,
Как за окном шумит прибой.
Счастлива сказку делить с тобой,
Море, обеды и древний храм —
Всё, что захочешь, тебе отдам!

ОТТЕНКИ СЕРОГО (ОСЕННИЙ ДОЖДЬ)

Небо синее — было летом.
Снова листья танцуют с ветром,
Дождь небрежно шуршит по веткам,
И гуляет по крышам ветхим.

Сверху серые тучи давят,
Морось взглядам завесы ставит,
Цвет свинцовый воды в каналах,
И асфальт мокрый на причалах.

Больше солнца в золоте листьев,
Ярких красок — в рябиновых кистях.
Все оттенки серее стали,
Словно мир накрыло вуалью.

ДОРОГА НА СЕВЕР

Дорога ниткой, дорога лентой —
Лишь циферками километры,
Луч солнца яркий и темень тучи,
По рации русский язык могучий.

Гладь моря — справа, даль леса — слева,
Всё будет так, как я хотела!
И светом фар через тьму ночную
По грани Мира пройду, колдуя

На день и тени, на тьму и ветер,
Что с моря дует на этом свете,
На жар костра и огонь заката,
На новый путь, что пройду когда-то.

МОРЕ — ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Море — аквамарин и изумруд.
Море — все проблемы утонут тут.
Море — из-за туч льётся света столб.
Солнечная дорожка на ряби волн!

Море — полной грудью вдохнуть запах брызг...
Море — даже скалы прибой изгрыз.
Море — счастье видеть, касаться, плыть.
Море — буду вечно тебя любить!

НЕПОДАРЕННЫЙ ПОДАРОК

А.Х.

Неподаренный подарок:
То, чего ждала когда-то...
От свечи кривой огарок —
За любовь мою расплата.

Пару лет ждала та штучка —
От обиды до обмана:
Ничего не помнить — лучше!
И уйти тропой туманной.

Неподаренный подарок
Отдала — прощанье ль это?
Неподаренный подарок...
Брошенная сигарета...

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ

А.Х.

Осталась память и отзвук снов.
Не стало встреч, и нет больше слов.
А где-то лес шелестит листвой.
Возможно, ждёт нас вдвоём с тобой.

Ещё есть память и отзвук слов,
Неверное пламя мокрых дров.
А где-то шепчет прибой морской,
И по воде я хожу босой.

А есть ли память? и отзвук снов?
Нет больше встреч... и не стало слов.
Но где-то летит дорога вдаль,
И над дорогой — позёмки шаль...

Пока есть память и эхо снов,
Возможно, есть ожерелье слов.
Ведь где-то воздух звенит струной,
И Сила послушной идёт волной.

* * *

Фотоны астрального света,
Молекулы мифа в горсти —
Ну что вам ещё от поэта?
Приёмный час — после шести.

А шесть наступает раз в месяц
(Что длится четыреста лет)
На странной и дальней планете,
Откуда свалился поэт.

Раз в месяц — открыт для гаданья,
Что к лучшему — зло иль добро,
Для зависти, скуки, стяжанья
И сплетен в московском метро.

Таким я вам нужен, ответьте?
Таким я вам сдался? Ах, нет?
Тогда славословьте же сеттинг,
Что шесть — раз в четыреста лет :)

* * *

Тебя я о любви не умолял,
Любил, как любят звёзды — безутешно.
Я не терял... Я лишь не обладал.
Но был в тебе, мой дивный сон нездешний!

Я был в твоих мечтах, что ярче гроз,
В садах твоей души, святых и диких,
Знал вкус безумных грёз и тайных слёз
И видел маской скраденные лики.

Любить меня — не доставало крыл
Твоей душе в плену понятий чести.
Но я делил тебя, как не делил
Никто из тех, кто был с тобою вместе.

Кто любит — тот постигнет до глубин,
Обнимет до исподнего наитья!
И ты со мной — как не дано иным:
Через меня ты вьёшься — светлой нитью.

* * *

Любви моей я вспоминаю Имя
В финальных муках перехода звёзд.
Откройся! Как зовут Тебя, богиня?..
Но нет ответа на простой вопрос.
Моей Звезде, что скрыта взоров праздных,
Не я ль давал обет пред алтарём?
Не я ль ходил путями Сопричастных
На величавом шествии Твоём?
Но минули и клятвы, и проклятья,
От пыли праха к солнцу путь далёк...
Где вы теперь, возлюбленные братья,
Где я теперь, не вынесший урок?..
Дорогой через Солнце, к светлой сини...
Взбираться вверх, цепляясь за ветра...
Ну а пока... Я вспоминаю Имя,
Гадая руны в пламени костра...

СВЕРХУ ВНИЗ

Я слышу, ты плачешь... Холодную ночь напролёт,
О боли, о грязи, о тяжести смертной невзгоды,
О том, как безжалостно быстро проносятся годы...
О том, как уходят — навек, и не в свой же черёд...
Я слышу, ты плачешь, мой друг, в одиночестве стен.
Позволь мне прийти и побыть в этот час с тобой рядом,
Войти осторожно, незримо для смертного взгляда,
В твоих сновидений кошмарных мучительный плен.
Не плачь, слышишь, Солнце, не плачь! Я разрушу кошмар
Одним лишь ударом по зеркалу. Бьются знаменья
Жестокой судьбы. Я сильней твоего невезенья!
Измученный дух исцелит тайный свет моих чар.
И ты позабудешь о боли полночной поры,
Проснёшься под утро, восход поприветствуешь танцем,
А город, рассвеченный златом, залитый багрянцем,
Откликнется музыкой вечных созвучий Игры.
И в путах путей вспыхнут чёткостью вехи Пути,
Иллюзия плена случайностей стает от Знанья,
И сложится паззл предвестья и предначертанья,
И мир, обновлённый неистовым светом желанья,
Окажется раем...
Ты только позволь мне войти.

МОЙ КЁНИГСБЕРГ

Калининградом — нет, не назову тебя,
Мой Кёнигсберг задумчиво-багряный!
Закат на бастионах — старой раной,
И чёрки птиц — ликуя и скорбя...
Непокорённый, верный, самозваный!
Как величава странная стезя...
О, как я брал тебя — смешно, упрямо,
До крика ненавидя и любя!
Как, наконец, ты отдал мне себя —
Так исподволь, двусмысленно, не прямо,
С немецким русский пополам деля...
Калининградом? Нет! Не назову тебя.
Ты — Кёнигсберг! Догматикам — ответ.
Тебе давно так хорошо известно,
Как имена бывают неуместны
И запись о гражданстве в документ!
Ты выше их — улыбчивый и честный
Двуликий город баек и легенд...
Тебе к лицу багряно-красный цвет,
Зари янтарной перелив прелестный
С инклюзом капель крови древних лет...
И не избыть немецкий твой акцент
Великим и могучим повсеместным...
Мой Кёнигсберг! Родной и неизвестный.
Орёл РФ несёт тевтонский крест...
Мой Кёнигсберг, суровый и чудесный...
Хранишь свой дух, как рыцарский обет.
Чтоб звать тебя Калининградом?! Нет.
Ты — Кёнигсберг! Величие храня,
Брусчаткой стелешь прусские закаты,
Глядишь с ворот очами короля,
Навеки помня замки — не палаты,
Не церкви — кирхи к небесам стремя!
Ты — город королей с душой крылатой,
Несгинувший, несдавшийся, невзятый...
Мой Кёнигсберг — не ты ли взял меня?

ОТ МЕНЯ НЕ СПАСТИСЬ...

Нет, я НЕ собираюсь учиться молить о любви.
Нет, я НЕ собираюсь учиться просить о признанье.
Я достану тебя — сколь крутых виражей ты ни рви,
Сколь ни вей витых петель пути —
Твой путь — ожиданье.

Ожиданье, мой друг, неминуемой встречи со мной.
Я достигну тебя слов сплетённых плетёным извивом,
Я достану тебя моей жгучей, холодной волной —
Ты же знаешь морские приливы...

От меня не спастись... Я заставлю поверить в себя.
От меня не уйти... А уйдёшь — что ж, скажу: обознался.
И отхлыну, отлыну, отпряну — навеки любя,
Отпущу тебя в вихрь твоего непостижного танца.

ТВОРЧЕСКИЙ КРИЗИС

Склонившись вновь над письменным столом,
Вотще я медитирую на Алеф.
Свет слов оставил знаки букв, истаяв,
И в форме смысл спутался узлом...

Ещё вчера был искрой воли дня,
Сегодня я — безвиден, пуст, и просто...
Так холодны ноябрьские звёзды,
Дыханьем зимним выстудив меня.

О ядовитый гад ночных небес,
О кризис творческий, проклятое сомненье.
Ответы смутны, робки утвержденья,
И страх несовершенства — хитрый бес

Из междустрочья смотрит, как из бездны...
Ну что за день! Напиться. Так, чтоб в хлам!
А за спиной, из-за оконных рам,
Звезда смеётся радостью небесной...

* * *

когда космонавт
мчится в лифте
прямиком на девятый этаж
его душа лёгкая как облако
испаряется
вместе с дымом сигареты
которую моет ветер
которую ласкают губы
притворяясь хищной собакой
из чьей зловонной пасти
вытекает река
забвения
по прозрачным равнинам осени
текущая вспять
в сторону севера
и горящих могил
туда где харкающая кровью луна
хочет придавить космонавта
студёной глыбой
сиреневого тумана
в ненаступившем утре
возле карликового дерева
на безымянной звезде
космонавт потирая руки
поеживаясь
созерцая тысячи таких же как он
безымянных звёзд
закурит новую сигарету
и проглотив весь космос
упадёт в объятия
смерти
а потом ещё дальше
и ещё
в голубую бездну
в разверзшийся рот
в неподвижность трамвая
где угрюмые дворники
изучают фактуру ночи
и станет
красным цветком под снегом

РЕВОЛЮЦИЯ

революция — мы дети
мы смотрим в твои пустые глаза
там где кончается я
и начинается не я
я иду искать
по твоим прошлогодним следам
что пахнут корыстью и смертью
осенью и обрывками неба
того самого, под которым
мы держались за руку
пока ты не утратила своего
млечного очарования
то есть не стала блядью
истеричной либеральной
кокеткой скучной
как петербургская слякоть
я конечно же знал, что ты дура
и дашь первому встречному студенту
на ресницах которого ты увидишь цветы
да, какие к чёрту студенты! ты давала банкиру,
матросу, гопнику и фсбешнику, изменявшему с
тобой жене, продавцу металлолома,
возомнившего себя патрицием
сперма выливалась у тебя из-под юбки
и твой нежный запах превратился в слова, которые
воняли всякой попсовой хуйнёй
нет уж! лучше бродить одному по парку
с бутылкой водки
слушать ночные огни и музыку
революция — мы дети
мы смотрим в твои пустые глаза
слушаем музыку грёз
и снег, что скрипит под ногами
говорит мне, что я живой
что я, как в детстве, иду тропой мёртвых
на поиски пёстрого мая
революции и повсюду
стучат барабаны
негры танцуют на палубе захваченного корабля
лёгкий запах гашиша поднимается ввысь

сквозь руки деревьев
и этот дуб на краю вселенной
то есть в конце аллеи
становится голубым
но его больше нет
на месте дубка — ресторан
там танцуют менеджеры и студентки
все эти лживые суки
опора устойчивого экономического развития
воняет жареным мясом
воняет сыростью и людьми
которые не могут тебя увидеть и не знают, что
КОКТЕЙЛЬ МОЛОТОВА —
ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ ФИЛОСОФИИ

ЗАГОВОР

деревянная лошадка
забытая на площадке для игр
скачет прочь из тюрьмы
глаза
уморенные голодом
вспоминают запах хлеба
мучительный сон
в стране отравленной ядом
душа остывает
больше похожая на вошь
в конвульсиях
на чёрных уродливых лапках
в зеркальном хохоте
в брызгах скважин
обёрнутых
нежной
наволочкой
лицемерия
в тишине первозданного утра
закусывая водку снегом
прикоснись пальцами
к холодной корке
потаённого времени
а под ним
ЗАГОВОР ОГНЕННЫХ ЯЧЕЕК

ЗВЁЗДЫ

Звёзды останутся здесь
в небе новой России
им приказали гореть
наши друзья фронтовые
обычные пацаны из Питера и Донецка,
которые не за рубли —
по зову своего сердца
с пулей во лбу засыпают
в лесу, у тёплой реки
и защищают нас,
которые за рубли
за компьютерами, в постели
в кафе, в какой-то свинской
самоуверенности,
вилочкой ковыряют новости
очередной недели
а звёзды это ведь не просто огни
в далёком бездушном небе
это выпавшие мозги
из черепов человеков
рука, сломанная в трёх местах
канонада вместо будильника
дети сожжённые Градом,
спрятавшиеся за холодильником
и кажется, что что-то должно измениться
и уже точно изменится
вот только ещё чуть-чуть
только бы лучше прицелиться
и чтобы наверняка
души горели синим
звёзды останутся здесь
в небе новой России

ПАПА РИМСКИЙ

папа римский из трубочки попивает вино
33-летней выдержки из бутылки
одним глазом смотрит на окно
еле различая на стекле солнечные блики
перед ним на четвереньках
темнокожая путана
искупает свои грехи
перед белым властелином
на голой попе следы от плети
а отпущенье впереди
папа римский и его сучка
в этой комнате одни
целый месяц тяжёлый график
с тех пор как папа наш
начал жарить мулаток
за слишком яркий макияж
и в конце по воле бога
отпускались все грехи
член священный жезл бога
прятали епископа штаны
папе нашему уж скоро сотня
но долг священный исполнять надлежит
папа наш спустил штанишки
а хер его как говно висит
бедная девушка изощрялась как могла
и поняв всю безнадёжность церкви
взяла одежду и ушла
уставший папа плюхнулся в кресло
лоб почесал подтёр слюну
вот и кончилась вся потеха
все дыры твои но не вставить ни в одну
папа принялся читать газету
вернее не газету а плейбой
читал статью что на странице первой
мол папа римский уже не крутой
мол старику в дом престарелых пора
а не искать где поуже пизда
старичок наш немощный набрал
из трёх цифр номер
и принесли ему револьвер

но папа не хотел уходить без последнего слова
к люстре он подвесил нитку
и привязал к ней свой хер
пусть мол знают что любовь бога
не угаснет никогда
щелчок раздался — папа упал
а подвешенный хер указывая путь в небеса
как и раньше стоял

ЕВА

чуть прикрытое тело
и сочится душа из щели
бог создал нас без цели
твоё тело было моим телом
пока я не лишился ребра
за тобой идут толпы
твоё тело райские земли
и ползут райские змеи
чтобы вкусить твои стопы
я твой раб я жажду тепла
распущенные чёрные волосы
если в жизни есть полосы
то ты чёрная полоса
бог создал нас голыми
ты вкусила плод с дерева
а я вкусил тебя
ты стонешь вполголоса
лёжа на земле таллоса
рабыня моего фаллоса
и мы опускаемся в ад
бог создал нас без цели
твоё тело райские земли
если в мире есть рай
то это твоя тёмная душа
и она сочиться через все щели
о которых мечтают райские змеи
в которых был я

ЖЕНЩИНА АЛЛАХА

здравомыслие моё пропало
когда твой образ явился мне
без паранджи и вообще
нагая на скакуне скакала смело
наравне с джигитом верным
аллаху и своему клинку
долго скача на кобыле
об седло ты натёрла пизду
всё написано на смуглом лице
с груди стекает всё потом
отвёл я взор свой на твою тень
солнцем опрокинутую на песке раскалённом
а следом и ты упала со стоном
поражённая карающим солнцем
за оголённые соски и бёдра
без накидки сознания и чести
раскинулась ты на песке
и пояс шахида для мести — на животе
на миг ты пришла в себя и простонала
«не донесла» и мигом скончалась
слизав весь пот с её тела
и с натёртой пизды
утолил я жажду дня на три
на четвёртый день зазудело тело
и захотелось любви
раздвинул её ноги несмело
смочил всё бесценной слюной
аллах свидетель не в силах раб божий
устоять перед сатаной
пронзив её тело своим изогнутым клинком
достиг я райского сада
одним резким рывком
и в самый пик экстаза
задёргалось тело подо мной
«прости» прошептал я капая на лоб её слюной
но не нашёл я жалости в её глазах
будто через них на меня смотрел сам аллах
широко раскрытые глаза

губы дёрнулись и тогда
прозвучали в голове моей посторонние голоса
«смерть неверным» и дёрнув шнурок
красным стал песок
вскарабкалась на скакуна своего
жена Аллаха как рысь на козу
и послал он ей дождь
неверного смывая кишки и кровь
с невинных бёдер и грудей
чтобы дальше испытывать в пустыне своей
неокрепших верою червей

ГАЙГЕРИН

Твоя музыка заставляет меня раздеваться.
Оставляет у меня между ног синяки с космос
размером, ты же понимаешь, тут не до члена.
У меня от твоих нот порой так немеет голос,
что, кажется, вырвется на свободу в виде
чего-то пугающе-прекрасного, волнующего
моря и океаны. Я даже помешать не в силе.
А ты продолжай играть, не смотря на Его
и мои огромные, чёрные, полные злости глаза.
Мы просто завидуем твоим ручкам и струнам.
Мы так хотим с Ним (моим либидо) тебя.
Тебе звонит один и тот же человек, и ты: «Да, мам».
Так отвечаешь на всё. А у тебя потрясающая игра!
Можно мне твоей луны забрать? Солнце уже тут.
Спи, моя ласковая. Я постараюсь не будить.
«Майн либер Мэдхен. Дайн Гайге ист зер гут».
А струны твои — с моим сердцем нить.

,,

ТТШШ...

Ттшш. Остановись, солнце. Встань здесь и оглянись. Путей — как страниц в книгах. И у их ног целый мир. Мне недавно на глаза попалась статья — мол, читающие живут секунды. Сознание сразу оступилось. Я знаю, кто пишет подобное. Тот... тот, кто будет лежать без руки, терпеть боль, тонуть в крови, но продолжать играть роль палача, а не жертвы. Он станет смотреть на убийцу с таким видом, будто это он загубил губителя. Сам бог будет кричать ему: отомсти! Но он не шелохнётся, его взгляд будет пронзать тысячи самых каменных сердец, говорить, даже когда рот окажется порван и изрезан. Его слова не несутся из горла. Он, наоборот, внимает всё в себя. И даже что-то плохое до самого конца он будет помнить. Его балкон — это единственное, что горит ночью, единственный свет на весь мир: луна устала, звёзды упали, фонари просто выключились, и его окна — они освещают путникам дорогу. Но утром, когда солнышко выйдет, и вдруг разгорится пожар в той самой маленькой уютной комнатке, пожарные обольют водой все дома, все окна, все улицы, но оставят нетронутой его. Людей будут ограждать от его пламени, но вот о нём никто не хочет думать. Это что-то вроде кармы за молчание. Но ведь его молчание — золото, у других даже умные слова не тянут на песок. Его место где-то далеко, но он никогда не уйдёт. Потому что его задача — помогать убогим. И он сам выбрал эту гнусную роль. Он мог бы стать Великим. Но выбрал путь великого в мелочах.

ЧЁРНЫЙ. КРАСНЫЙ. ЖЁЛТЫЙ

Милости излей!
Злей, злей! Зли меня!
Как река Рейн,
что так далека
от моих рук.
Скучая по стране,
не слышу я «тук-тук»
и плачу, как от ран.
Моё окно закрыто,
там ветер и Россия,
а мне охота виды
открыть для ФРГ.
Скучаю по краям!
Каким и где?
«Мы знаем,
каково тебе!» —
кричат чужие люди
и правда понимают.
Ношу чужим на блюде
свои же ароматы.
Я так хочу в свой дом!
Которого нет в мире.
Я не хочу, как вол,
быть съеденно-убитым.
Пока я не в Берлине,
мне стыдно умирать.
Путь флаг мой бело-синий,
но общее у нас — краснеть.

ИМ

Живые струны, словно змеи
Печально-пахнущего грифа,
Обвиты томно вокруг шеи,
Несут меня всё дальше в Дельфы.

И Греция любит мои пороки.
Она восхваляет мои стихи.
Гермес в Германии — просто Локи,
Орфей в России — мои мечты.

В своих историях я похититель
Чужих обид и мечтательных снов.
В своей Вселенной ищу я обитель,
Мечтаю вырваться из оков.

Но только воля меня спасает,
И завтра снова бежать из подвала.
Орфей томится во мне столько лет,
Что Лира раньше слегка ревновала.

Теперь мне осталось вперёд.
Вечность и больше. И всё развиваться.
Буду глаза закрывать и рот
Так мечтательно открывать, и пальцы

Будут перебирать струны душ
Кифары и Лиры, и Арфы. Гитары!
Чего угодно я буду м у ж е м.
И собирать буду почестей лавры!

ВЕРЬ УШАМ

Струны держат шею,
обвиты вокруг грифа.
Я от звука млею.
Как он её! Лихо.
Волшебные пальцы внизу.
Уши, крепитесь!
Глаза, держите слезу!
Идёт гитарный витязь.
Маг и бродяга,
я слышу шаги, замираю.
Грядёт рок-атака,
люди полюбят твою игру.
Звуки — призыв!
Люди услышат, очнуться.
Твоя дорога — ввысь!
И ты будешь лучшим.
Пока живу.

ПРАВОСЛАВИЕ

Я при смерти.
Как банально —
быть при жизни
забитым бранью.
И убитым,
душой и телом,
всем своим видом
не выдать это.
Никто не верит.
Все ходят в церкви.
Их божья кара
одета в цепи.
Все люди — гномы,
любят платья.
Их бы ломом
по белой знати.
Смысл в баснях,
а не в жизни.
Зло не в казнях,
а во Всевышнем.
Мне не больно,
а только жаль —
быть на воле,
где пожар.
Такой я человек.
Вчера был в церкви.
Сегодня с петлей на шее
в слезах.

КРАЙНЕЕ

27-летний гитарист продал душу. Продал около 9-и лет назад. Это было почти зимой, почти любимое время года. Гитарист продал всё, что мог. Талант, гитары, душу. Гитарист падал каждую ночь, мечтая не проснуться. Он продал всё, что было, за счастье виолончелистки. А она уехала со своей виолончелью. Гитарист умер. Ему было 27.

ЗАКАБАЛИЛА

Кристине Сидорок

Закабалила ты меня, закабалила!..
Кривая тень заката на изломе губ,
Январь рассыпал снежные белила,
А я... А я так больше не могу.

Скользнула лезвием Луна по голому посёлку,
Пьянит шампанское — пузырчатая муть.
Ознобом веяла рождественская ёлка,
Но мне уже не холодно ничуть.

Расправишь крыльями в полёте нервную улыбку,
В глазах сатурновых твоих горит Содом.
Сургучный поцелуй в двери горяч и липкий,
И клятвы снова — как перед судом!

И бровь твоя одна — ну тёмный лес дремучий...
Летучей мышью в дверь крылом забьётся гнев.
Изнемогаю и прошу — не мучай!
Сожжём мосты — за нами всё в огне!

ПИСЬМО

Кристине Сидорок

Ты всё реже мне снишься во сне —
Сны другими людьми запестрели.
Только взгляды их ранят, как стрелы.
Только вздохи их падают в снег.

Но кошмаров ночных лабиринт
Ты безумьем наполнила, краля.
Ты мой здравый рассудок украла, —
Так и душу мою забери,

Милый демон людской простоты!
Пусть мои предсказанья не сбылись,
Знай, что я о тебе не забыла
Ни на миг! Хоть бы помнила ты...

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!», —
Ты меня так порой называла.
В стоголосой толпе карнавала
Те слова адресованы мне.

* * *

Ничто не нащупает нечто,
Покуда ощупывать нечем.
Верховная тайна и честь
Лишь в том, чтоб не знать, что ты есть.

Но вдруг, как зигзаг, сквозь седины
Младенческий вскрик: «Я единый!».
Я — кроны раскидистых пальм;
Я — порох и жгучий напалм!

...Туда, где табличка «Не лазай!»,
Лез, напряжённо сопя,
Увенчанный мыслью, трёхглазый
Бог, познающий себя.

STELLA MARIS

Есть море во мне. Вам знакомо оно? —
Послушное море до первого грома.
В пучине, в которой от скорби темно,
Я вам покажусь по-другому.

Открою, как вы обманулись собой
И теми, за кем вы пошли, как за светом.
Да только молить, чтоб не шли на убой, —
Равно, что кричать против ветра.

Я слёзы свои иссушила, и вот:
Морем в себе отвела вас от гнева.
Я Stella Maris, Владычица вод.
Бесслёзная вечная Дева.

* * *

Я скульптор собственного мира.
В слепом скоплении светил
Его я выткал из эфира
И вслед за тем — поработил.

Не центр в круге арифметик,
Но множитель высоких числ,
Я сам себя увижу в свете,
И всё сомкнёт единый смысл.

НА БАЛУ

Моей Лолите

Он протянул мне леденец
И пригласил на танец.
Над головой блистал венец,
На скулах цвёл румянец.

И юность чествовал, как жрец,
Галантный самозванец.
Искрился бал, сиял дворец,
Пьяня своих избранниц.

Но чуть лишь музыке конец —
Угасли цвет и глянец,
И предо мной застыл мертвец,
Бродяга-оборванец.

БААЛСЕНОТ

В химерном вальсе нот
Кружусь я на эстраде.
Явись, Баалсенот! —
Я жизнь свою растратил.

Сотри моё лицо
В Аду для одиночек.
Пусть был я подлецом —
Здесь все равны для Ночи.

Сорви с меня позор
У погребальной урны.
Пусть жил я как позёр —
Над всеми власть Сатурна.

Меж Тёмными детьми
Я не был ренегатом.
Пред ликом Князя Тьмы
Я неделим, как атом.

ВАМ

Первый луч, что по утрам —
Это Вам.

Лунный луч по облакам —
Тоже Вам.

Самый чистый звук струны,
Самый честный гимн страны
Или просто гимн души,
То, что к слово не пришить,
То, что греет и зовёт,
Что похоже на полёет
К непонятным берегам —
Это Вам.
И только Вам.

Остальное — просто так,
Просто в голове бардак,
Просто бродит настроенье —
Не имеет отношенья
К Вам ни капли,
Ни чуть-чуть.
Не пытаюсь обмануть,
Не пытаюсь плести лесть —
Всё, что Вам —
Оно всё здесь.

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

I

Я сижу в туалетной кабинке, где слышен шум из бара, и втираю порошок в дёсны, мне не хочется, чтобы кто-нибудь застал меня за этим процессом. В наших кругах этим балуются абсолютно все, но не стоит лишний раз это публично демонстрировать. Обычно мне порошок помогает не задумываться обо всей вакханалии, которая начинается уже на соседнем толчке.

— Не хочу тебя отвлекать, но... Не задерживайся. Там пришла Зубочистка, — сказал мой пиар-агент, поправляя свой галстук напротив зеркала.

Этого семейного человека зовут Кларксон, работает на меня уже пару лет. Каждый день я его вижу в ярких пиджаках, но ни разу в тёмном. Зубочистка — мой спонсор, Кларк, как я его обычно называю, любит давать прозвища, если какое-то имя трудно произносить или запомнить; такой тип людей общается со всеми одинаково, что меня в нём и привлекает.

Я вышел из толчка, и передо мной снова это накуренное помещение, которое со стороны похоже на котёл с грязными душами в эмпиреях, думающими только об удовлетворении своих желаний, да как подороже себя продать, все стены пропитаны пошлостью, которая царит здесь постоянно.

За высоким столиком стояла Зубочистка, особо выделяющаяся на фоне трёхзначного числа оттенков спиртного, и, выкуривая сигарету через мундштук, провожала всех мужчин взглядом. Я фривольной походкой подхожу к ней, смотря ей в глаза.

— Ма-а-рч, дорогой, — сказала она протянуто, слегка наклоняя голову влево, будто наслаждалась каждым моим движением. — Наконец я нашла время посетить вас. Как вы ещё не получили сердечного заболевания? — продолжила она с искусственно-озабоченным видом.

— Не стоит считать писателей пассивными. У меня, например, нет никаких проблем со здоровьем, я почти каждый вечер провожу в заведениях такого рода. Общаюсь с коллегами, потом мы отправляемся к кому-нибудь домой, а не сижу один за столиком и рассматриваю проходящих мимо парней, — язвительно ответил я.

— Ну, что ты, — пуская дым мне в лицо, начала она. — Постой со мной, видишь этого мужчину? — она выпустила дым в сторону мужчины, который стоял в паре метрах от нас и всё слышал.

— Ты же не собираешься с ним...? — изображая гримасу, я смотрел то на мужчину, то на неё.

— Не-е-т, такой типаж не для меня. Ты только посмотри на его пепельные волосы, сколько в ней седины. Бедняжка, явно выкуривает по пачке в день.

— Что... что, — пытался я вставить, но Зубочистка продолжала, не отрываясь от него взглядом. Казалось, что пара неодимовых магнитов сцепилась, и их теперь ничем не разъединить.

— А его нос такой жирный, он итальянец, нет, скорее армянин, — прикусывая губы, продолжала она.

— Мне напоминает еврея, — сказал я, выпивая содержимое бокала и прикидывая приблизительный его рост.

— Возможно, ты прав, — запнулась она, механически поднеся указательный палец ко рту. — Посмотри на его туфли, знаешь историю про бедного старикашку?

— Сейчас узнаю, — с ухмылкой произнёс я и перевёл глаза на неё.

— Пришёл старик домой, а бабка ему сует последние пятнадцать долларов в руки и говорит: «Купи себе на день рождение туфли, твои уже никуда не годятся». — «Хорошо», — ответил старик. Прогуливаясь по улице, он увидел молодого господина, который продавал туфли по низкой цене. «А почему так дёшево?» — спросил он. «Та, вот поношенные слегка, поэтому и дёшево», — ответил господин. Недолго думая, бедняк купил их, а остальное потратил на выпивку. Старые туфли он выкинул и решил пройтись в новых, назревал дождь. По приходе домой, его туфли полностью расклеились. Оказалось, что эти туфли покупают для кремации, и даже маленький дождик превращает их в тряпку, — закончила она.

— Забавно, — сказал я.

После этого мужчина взял телефон в руки и второпях ушёл, не посмотрев на нас.

— Вот видишь, что меня заводит, — направила она свой взгляд на меня. — Ты получаешь много адреналина, когда знаешь, что тебя слышат, но всё равно начинаешь за спиной кого-то обсуждать. Люблю ставить людей в неудобное положение, — стряхивая пепел с сигареты, призналась она. — Кстати, по поводу вечеринок. Дома у моей подруги начинается коррида, не хватает такого матадора как ты. Загляни к ней после вечеринки, — сказала она, приподнимая подбородок и смотря на меня как на произведение искусства.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил я, с улыбкой попивая просекко и рассматривая окружающих.

Я допил вино и решил собраться с мыслями у французского окна. За моей спиной было общество с чёрной дырой внутри; их постоянно голодающий Асмодей затмевал им голову и нашёптывал, чтобы они срывали плоды удовольствия. Мой океан внутри давно замёрз, но даже он стал уменьшаться, разламываясь на айсберги, которых со временем становится только больше; котёл уже нагрет до такой степени, что подошва прилипает к полу. В эту ночь произойдёт много перемен, но смогу ли я измениться? Я слишком долго варюсь в этом соку и достаточно привык заигрывать со всеми, их вечными разговорами о тех игрушках, с которыми они отлично проводят время.

«Устал, пора с этим кончать», — вертелось у меня в голове. С этой мыслью я отправился на сцену.

II

Ещё немного времени, и я увижу его. До сих пор не могу поверить своим глазам, что действительно еду туда.

~ Немного ранее ~

Телефонный звонок. Я неохотно открываю глаза, на часах 3:15am.

«Господи, да кому не спится в такое время?!» Не смотря на имя абонента, поднимаю трубку.

— Да. Алло. Это кто? — сонным голосом сказала я.

—Эми, это Мэл, — голос подруги взрывался от постоянных всхлипываний.

— Дорогая, что случилось? — испугавшись, спросила я.

— Сэм! Будь он проклят! Будь проклята вся эта жизнь! Все эти женщины! Вся эта чушь о том, что он разведётся со своей женой!

Мэлани не была особо порядочной девушкой, своей чистоты она лишилась очень давно и никогда об этом не жалела, собственно, как и в вопросе об уходе из школы в старших классах.

Новые любовники каждый третий месяц, дорогие подарки и постоянная чушь, которую ей вешали на уши мужчины; ничему не учась, она в который раз наступала в то же болото. Подруга была отчасти глупа, и это единственное, что её оправдывало. Но я верила, что однажды все изменится: Мэл возьмётся за голову, окончит обучение в школе, поступит в колледж. Однако это были лишь мои мечты.

— Мэл, давай всё по порядку, я ничего не понимаю.

— Сэм меня бросил, что непонятного? Он вернулся к своей жене, а сегодня вечером мы должны были идти на презентацию какой-то книги твоего этого Марча! — вопила сквозь слёзы она.

— Так, девочка. Для начала успокойся, во-вторых, Марч не мой, просто мне нравятся его романы, в-третьих, в чём проблема? Сходи одна.

— Я не смогу одна, он тоже туда пойдёт, только со своей женой. Мне нужна пара! Но мне не с кем идти. Амелия, пожалуйста, пошли со мной. Тебе ведь Марч нравится, вот и познакомишься, а там глядишь и..., — сказала Мэлани.

— Мэл хватит! — прикрикнула я на неё. — Я не такая, я... я... — начала оправдываться я.

— Да знаю я тебя, можешь не продолжать, все понимаю. Уже и пошутить нельзя, — с укором сказала она. — Ну, так поедем? Пожалуйста, — умоляюще произнесла она.

~ Вечер того же дня ~

— Мэл, я очень волнуюсь, вдруг что-то пойдёт не так.

— Все будет очень хорошо! — улыбаясь своей голливудской улыбкой, одобрительно произнесла Мэлани.

Я немного успокоилась, но всё же что-то не давало мне покоя. Мы уже подъезжали к клубу, у которого толпились люди, и тут я поняла масштаб события. Нам пришлось проехать ещё квартал, чтобы найти хотя бы одно место для парковки.

Небо сегодня явно прохудилось, вся моя причёска, пока мы дошли до клуба, превратилась в нечто под названием «Хаос».

Зайдя в клуб, мы попали под вспышки камер, я ничего не смогла понять, но Молли с удовольствием начала позировать им. Я при первой же возможности убежала искать этот чёртов туалет.

В клубе было темно и накурено, а вдали виднелись окна во всю стену. Я немного застыла в наблюдении за прекрасным, совсем забыв о том, куда направлялась, но задевший моё плечо мужчина быстро вернул меня с моими мыслями в реальный мир.

Я быстро побежала поправлять свою причёску. Когда я зашла в уборную и, наконец, увидела, в каком состоянии находятся мои волосы, в сердце начала нарастать паника, мне казалось, что хуже ситуации не придумаешь. Я вытащила шпильки, и волосы рассыпались волнами по моим плечам. Жалкая попытка их расчесать не привела к ожидаемому эффекту. Пощипав себя за щёчки, чтобы добавить румянца, я вышла из дамской комнаты.

Осмотревшись по сторонам, обнаружила Мэлани, которая нагло флиртовала с какими-то парнями. Закатив глаза, я увидела, что, чуть не подавившись чем-то коричневым в стакане, она ринулась ко мне.

— Ты куда делась?! Я испугалась! — выпалила она.

— Ага, как же. Я заметила, — укоризненно произнесла я.

Мэл в ответ только рассмеялась.

— Пошли, скоро уже начнётся, надо места занимать, — серьёзным тоном произнесла она.

Мы подошли к той части клуба, где находилось большое количество стульев и сцена, а также лежали какие-то буклеты. Девушка, стоявшая у этой зоны, проводила нас к нашим местам.

Подойдя к нашему столику, я обернулась и застыла в наблюдении за прекрасным мужчиной, о котором могла лишь мечтать. Он стоял у окна — по всей видимости, как и я, решил полюбоваться видом.

Как только мужчина обернулся, я потеряла дар речи. Это был он, Холланд Марч, такой, каким я его себе и представляла.

Высокий, статный, красивый.

Подойдя ближе к сцене, я смогла разглядеть его ещё больше.

Его стиль отличался от всех здесь присутствующих. На нём были темно-синие джинсы, которые идеально сидели на его бёдрах, серая футболка, выделявшая его мужественную грудь, коричневые ботинки с грубой подошвой и такого же цвета куртка, которая висела на стуле.

Внешность его я изучила давно: темно-коричневые волосы с тёплым отливом, карие глаза, в которых можно было утонуть, прямой нос с небольшой горбинкой, очки и пухлые губы, словно их очертили карандашом. Сложно было не заметить его в толпе. Чёртов красавец!

III

Ночь длиннее дня. Сиэтл уже погрузился во мрак. Хорошая была идея пойти прогуляться. Я направился в ближайший бар. Хотелось забыться, а в эту сумасшедшую погоду ещё и согреться.

Зайдя в бар, я подошёл к барной стойке, на сцене в это время девушка пела о своей несчастной любви. Возвращаемся во мрак.

Усадив свою задницу на табуретку, я попросил рюмку кальвадоса. Неожиданно ко мне подошла одна из здешних барышень.

— Ты выглядишь уставшим, — заметила она.

— Да, есть немного, — сухо ответил я.

— Не поделишься?› — с улыбкой произнесла она.

— Тебе?! С чего?› — возмутился я.

— А что тут такого?› Ты ведь меня больше не встретишь. Может, я чем-то смогу помочь?›

— Единственным, чем ты сможешь мне помочь, так это станцевать у меня на коленях, — заявил я, ставя наглую девчонку на место.

— Ты грубый..., — сухо заметила она.

— Многие так говорили, возможно, они правы, — ответил я с лёгкой, наглой улыбкой.

— Я знаю, почему, — уверенно произнесла она.

— И почему же?› — широко улыбаясь, спросил я.

А девчонка не так проста, как кажется.

— Это твоя защитная реакция. Ты носишь маску, как и все здесь собравшиеся. Никто не хочет, чтобы их видели со всей болью. Все боятся правды, поэтому и грубо себя ведут.

— Как твоё имя?› — восхищённый её речью, спросил я.

— Мисти, — застенчиво произнесла она...

IV

Мне бы стоило подготовить речь, вместо того чтобы раздумывать об остальных. Я уже на сцене, а алкоголь с наркотиками в моей голове.

— Спасибо всем, что собрались сегодня, седьмого ноября, — сказал я и сделал небольшую паузу, подготавливая слова о моей книге. — Мне, как и всем писа-

телям, хочется оставить след в истории, литературе, искусстве, поэтому в моём романе «07.11.1981» я создал полный прототип себя — Бокора.

— То есть, вы намекаете, что пошли бы на убийство, или вы уже убивали? — спросила одна из журналисток, приближая диктофон ко мне.

—Только тех, кто задаёт слишком много ненужных вопросов, — ответил я.

Все рассмеялись, шутка явно зашла.

— Но как вы объясните ситуацию, которая сложилась в вашей книге, если ваш «прототип» просто повязан на всём извращённом?

Я взял её за руку и, провожая к выходу, говорил:

— Да, это так, но вам не понять, что значит писать книгу. Порой нужно отходить от моральных рамок, и перед вами открываются десятки, нет, сотни возможностей развития ситуации, а выбрать вам надо всего одну, и я не позволю, чтобы какие-то дилетанты задавали глупые вопросы.

— Постойте, я тоже пишу книги, я...

— Да мне плевать, — сказал я и захлопнул перед нею дверь.

Я пару раз выдохнул и начал приходить в себя. Мне не хотелось продолжать рассказывать историю создания, и я попросил Кларка ответить на общие вопросы, которые возникали после прочтения романа.

Чтобы избавиться от негативных мыслей, вызванных журналисткой, я отправился к Маркусу, он стоял за высоким столиком.

— Привет, братец, не выбрал ещё, кому хочешь подарить счастливый вечер? — игривым голосом спросил я.

— А-а-а-х, как хорошо здесь, а хороших баб ещё больше, — сказал он, ставя бокал на столик и осматриваясь, словно подтверждал свои слова.

— Ты прав..., — мы затронули ещё пару тем, прежде чем подошли Кларк, отделавшийся от журналистов, и его приятель.

— Такая фигура..., — говорил Кларк, подходя и изображая, будто между его ладонями была чья-то задница.

— Кстати, — сказал Маркус, смотря каждому в глаза, — о девушках. Вон у стенда стоит одна барышня, скованная такая. Я её видел сегодня, уж её-то раскрепостить будет непросто.

— Сто долларов, что утром она будет выходить из моего дома удовлетворённой, — сказал я, с трудом найдя купюру в кармане.

Пойло берет своё.

Когда я обернулся, эта девушка рассматривала мою книгу, словно сокровище, каждое её движение было лёгкое, а волосы неопрятно распущенны. Это меня ещё больше в ней заводило. Она ярко выделялась из этой серой массы предсказуемых женщин, ей здесь было не место.

V

Когда мистер Холланд закончил свою речь, я обнаружила, что Мэл куда-то подевалась. Решив пройтись по клубу в её поисках, наткнулась на стенд с книгами.

Взяв одну из них, я начала её рассматривать, открыв на середине, прочитала: «Я предложил поехать ко мне, но для начала заехать в ресторан».

— Интересно? — спросил мужской голос.

В ужасе, что меня застукали за чем-то непристойным, я резко закрыла книгу.

— Неужели все настолько ужасно? — продолжил мужской голос.

Наконец я решила обернуться и потеряла дар речи. Это был Холланд «Красивая улыбка и не только» Марч.

— Ой, извините! Я... Я... Я не специально, — оправдываясь, говорила я.

— Всё в порядке, дорогуша. Но всё же.

— Нет, что вы. Я уверена, что он, как и многие ваши книги, прекрасен. Просто вы меня напугали, — с дрожью произнесла я.

— Напугал? Ох, детка я не уверен, что настолько ужасен, — саркастически заметил он.

— Мне нужно найти подругу, — заявила я.

Перевод темы всегда помогает в сложных ситуациях.

— Ты её видишь? Давай вместе её поищем, — выпалил Холланд.

— Мистер Марч, я сама могу её найти, не стоит, — сдержанно ответила я.

«Он что, реально собрался ходить со мной и искать эту ненормальную?! А если он увидит, как она... О ГОСПОДИ, НЕТ!!!»

Эти мысли не давали мне покоя, я решила, что мне нужно от него отделаться, а то ещё сильнее опозорюсь.

— Мистер Марч, спасибо, но не надо, — твёрдо и решительно произнесла я.

— Мистер? Малышка, можно просто Холланд, — сообщил он мне с ухмылкой.

Мне дали свободу. Я в прямом смысле убежала от него.

Господи, ну где же ты, Мэл! Но тут меня снова нагнал этот ненормальный мужчина.

— Всё-таки давайте я вам помогу, — сказал он, и я, немного растерявшись, ответила.

— Почему вы так настаиваете?

— Я всего лишь хочу вам помочь. Вы очень красивая, я бы хотел с вами поужинать, как смотрите на то, чтобы провести вечер в компании писателя?

У меня в голове всё уже верх дном, я пытаюсь думать, а он меня на ужин зовёт. МУЖЧИНЫ! Сегодня явно магнитные бури.

— Мистер Марч, давайте сначала я найду подругу, а потом мы с вами продолжим наш разговор...

Не успела я договорить, как он взял мою руку и потащил в другую сторону заведения.

Мы пошли к столику в дальнем углу клуба, у которого находились трое мужчин.

— Дорогая, познакомься — это Кларксон — мой пиар-агент, наверное, ты его знаешь,

Клаксон с заразительной улыбкой протянул мне руку и сказал:

— Привет, детка.

Далее Мистер Марч указал на парня справа от меня.

— Это Маркус, тоже писатель, но на уровень ниже, чем я, — саркастически заметил он.

Следующего парня я знала заочно. Когда ещё выходила из уборной. Его представили как Дик — фотограф-иллюстратор, который всегда ищет новые лица.

— Эй, ребята! Амелия ищет свою подругу, кто-то из вас не видел?

— Пусть посмотрит в уборной, — с хохотом сказал Дик, мужчины за столом засмеялись.

Опять направившись в дамскую комнату, я немного задумалась, но, зайдя, я услышала всхлипывания. Что-то мне подсказывало, что я понимаю, кто это.

— Мэлани?! — спросила я.

— Амелия?! Я себя плохо чувствую, — сказала Мэл. — Уходи. Мне станет получше — я приду.

— Я хочу тебе помочь. Не выгоняй меня.

— Амели, выйди отсюда! Тебе не обязательно это видеть, — ответила Мэлани.

Я, немного растерявшись, вышла из уборной, не зная, куда мне идти и что делать. Собралась сидеть и ждать её у бара, но тут мою талию приобняла чья-то рука, и голос сказал: «Малышка, что с тобой?».

Он сегодня не собирается оставлять меня в покое, да?!

— Мистер Марч, вам не надоело за мною бегать?

— Малышка, что я тебе уже говорил по поводу слова «мистер»?

— Хорошо, Холланд, вам не надоело?

— А почему? Ты здесь самая красивая и единственная, которую я никогда здесь не видел. И я всё же настаиваю на продолжении вечера, но наедине.

И тут я поняла, что у меня уже не осталось отговорок. Что мне ему ответить — «да» или «нет»? Как же Мэл? Скоро она или нет? Как я домой вернусь? Господи, ещё эта причёска...

— Я не смогу... Мэлани... она... Может в другой раз... Мне нужно хотя бы предупредить... Мистер Марч, ой, то есть, Холланд.

— Маркус уже этим занимается, — убедительно произнёс он.

— Маркус?! Он здесь при чём? — возмущённо сказала я.

— Он мой брат. Младший, по матери, — ровным тоном ответил Марч. — Он позаботиться о твоей подруге, я обещаю.

— Мистер Марч! Нет, Холланд! Вы не в себе, я вас себе предоставляла другим. Сейчас вы похожи на типичного парня с плохой репутацией, который меняет партнёров каждую неделю. Вы упали в моих глазах! Вы такой же, как и те парни, что в пьяном угаре хотят снять девчонку для забавы! Мне стыдно общаться с таким человеком, как вы! Лишённым морали и этики! — чуть ли не крича на него, заявила я.

В его глазах была злость и дикая ярость, я поняла, что лучше будет уйти и оставить его один на один с его демонами.

VI

— А как тебя зовут? — заинтересованно спросила она.

— Не важно.

— Тогда буду звать тебя Бокор.

— Ладно.

Меня очень удивило, что она выбрала именно это имя — имя жреца Вуду. А может, просто услышала где-то.

— Долго стоять собираешься? — вырывая меня из своих размышлений, произнесла она.

— Э... что, прости? — немного припоминая, о чем она говорит, спросил я.

— Долго стоять будешь, говорю?

— А, нет. Кстати, что это за имя — Бокор? — садясь на софу, спросил я.

— Бокор — это жрец Вуду. Думаю, объяснять, что такое Вуду, не надо? — с колкой ухмылкой произнесла она.

Теперь я точно заинтересовался этой девушкой.

Каждое движение она совершала уверенно, она явно знала, насколько велико её обаяние, и пользовалась этим. Красивые, ухоженные руки с длинными пальцами, на которых был маникюр. Волосы были каштанового оттенка с отливом красного дерева, глаза напоминали берег Карибского моря.

— Не хочешь поужинать со мной? — неожиданно для себя выпалил я.

— Хочу, — с манящей улыбкой произнесла она. — Где?

— Ночная гавань.

VII

— Ай, ну и чёрт с ней! — сказал я, с бешенством направляясь к выходу.

На улице дождь начал лить ещё сильнее, всё действовало против меня. Я вступил в яму, которая была здесь полгода, и никому до неё не было дела. Как только я захлопнул дверцу и повернул ключ в своём Камаро 66 года, барабанщик Ларри Маллен словно очутился со мною на переднем сиденье.

— Когда я тебя уже продам? — сквозь зубы произнёс я. — Не машина, а развалюха, на каждой миле какая-то оказия!

Я со второго раза попадаю в выключатель, теперь только я со своими мыслями, Камаро и ливень снаружи.

С полной силы давлю на газ, я не знаю, куда еду, но у меня такое чувство, что опаздываю куда-то. «Я ей покажу, что значит падать в чьих-то глазах», — думал я.

Моя голова начинает казаться невыносимо заполненной, мне трудно фокусироваться на дальних объектах. То ли туман начал опускаться, то ли у меня в глазах темнеет. Я не решаюсь остановиться, ярость всё ещё в моих глазах. С мыслью: «Ну, вот ты и закончил карьеру писателя», — вспоминаю я весь сегодняшний вечер. В моей голове был белый шум, я долго смотрел в два белых пятна, которые приближались ко мне. По моим рукам будто прошёлся электрический разряд, я потерял концентрацию на дороге, резко вывернул руль...

VIII

— Мне нужно в душ, — резко выпалила она.

— Хорошо, — сухо ответил я. — Я подожду.

Как только закрылась дверь, мною овладела паника. В голове всё смешалось. Что я буду делать? Зачем я привёл её? Моё сердце бьётся, как поршни в двигателе, из-за этого я не могу разобрать свои мысли. Я встал, в надежде на ошеломляющее решение, но мои ноги не слушались, словно меня пытались раздавить пальцем.

Я вышел на балкон, большая высота меня напугала, я смотрел себе под ноги, но время прошло слишком быстро. Мисти вышла из душа и направилась ко мне со словами: «Мой тайный жрец, ты готов? Сегодня я буду главным компонентом в твоей постели».

Я полностью потерял контроль над ситуацией, и мною управлял инстинкт животного, которого загнали в угол, ему ничего не остаётся, кроме как бороться за свою жизнь.

Каждый мускул моего лица был напряжён, я схватил её мёртвой хваткой за шею и приподнял. Её лицо стало бледно-пурпурного цвета. Она пыталась ухватить меня за лицо и оттолкнуть, пытаясь найти землю под ногами. Кто знал, что после мгновенного возвращения рассудка я её отпущу, а Мисти полетит вниз...

ТЯГА К ИСКУССТВУ

Катя не поступила в академию искусств с первых трёх попыток. Летом, в канун последнего провала, ей исполнился 21 год, в то время как сдавать экзамены приходилось с едва оперившимися вчерашними школьниками. Это расстраивало и подрывало веру в то, что жизнь будет проложена тропами искусства.

Каждый раз строгая комиссия ставила на ней крест, чуть ли не заливая ведомость целиком маслянистыми чернилами. А всё из-за того, что Катя сдавала не тот экзаменационный рисунок.

— Что ты здесь изобразила? — спрашивал седой художник с необычно толстыми, как малярные кисточки, пальцами. Рисунки этой настойчивой девушки вызывали в нём нездоровое возбуждение и фатальную тягу к сношению. Но ничего подобного в его жизни уже никогда не случится. В таких ситуациях первичное удивление сменялось глубинной злостью и приступом, двигающим на криминальные поступки с телесными повреждениями.

— Я изображаю демонов, — опустив глаза, говорила Катя. На её картинах чёрной краской были нарисованы отвратительные кляксы, подобные носовой слизи с вкраплениями свернувшейся крови. Как на прокладках при менструации или на метрах бинта, скрывающего глубокую рану в предплечье.

Не поступив в четвёртый раз, она пошла пить водку в компанию малознакомых людей. В разгар торжества, после тоста за непорочное искусство и добродетель, Катя сказала, что ненадолго отлучится в туалет.

Зайдя в уборную и закрывшись изнутри, она уселась на унитаз, достала из кармана лезвие «Спутник», завёрнутое в бумагу, и сделала несколько глубоких порезов. Обмокнув указательный палец в кровь, Катя вывела три числа на белой настенной плитке:

678
326
212

Ей нравилось, как кровь ложится на белую плитку. Если бы был молоток, она бы разбила стены туалета и отнесла фрагменты плитки прямо старым снобам в комиссии. Тогда бы они разрешили ей посещать занятия и мечтать о дипломе художника в синей обложке.

Просидев там ещё около получаса, она бледная вышла к людям и упала в обморок.

Ровно через неделю Катя положила все свои холсты в спортивную сумку и закопала на земельном участке одной бесхозной дачи неподалеку от города.

Следующим летом она поступила на учебу в кулинарный техникум и больше не думала про искусство и созидание.

ЕЩЁ ОДНА КЛЯТВА BABALON

С забытых времён мои братья глядели
в эти чёрные глаза с золотыми блёстками,
с неистовым спокойствием смотрящие, палящие с удовольствием,
непокорённые — покоряющие
Нас, отрепья Неведения сорвавших...

О прелестная из красивейших, проститутка вечности в алых одеждах!
Я насилую тебя ежедневно, издеваюсь,
наслаждаюсь сладчайшим нектаром твоего лона,
в преддверии судорог ощущаю страх,
раскаиваюсь в молитве, ниц простираюсь,
в надежде увидеть своё отражение в твоих глазах...
Ты покорна... и в этой чаше бессмертия
нахожу священное успокоение,
мои слёзы страсти на отточенных похотью губах,
трепещет грудь, в молчании, в оцепенении,
вкушаю запретный плод дерзкого преступления,
соединившего в тот час...
Нас!.. Ты разожгла всепожирающий огонь желания в душе,
заставила её гореть... Гореть!!.. Теперь я Зверь, и имя мне...,
в агонии рыдаю, я имена произношу, связующие небо и землю,
дрожу, и Откровением клянусь всю кровь в орудие твоё в руке твоей пролить...

Никто не слышит твой зов... Стон...
Бабалон, Бабалон, Бабалон...
Тень людского безумия скрывает твоё лицо,
о отвратительная шлюха падших,
спасение вновь нашедших,
алая проститутка вечности,
очаровательная девственница для не познавших...

СУББОТНИЙ ДЕНЬ

Субботний день, спокойствия благословенье.
Субботний день, учение и снисхожденья сон.
Даёт он время к размышленью нам,
и суток ровное и тихое теченье.
То чувствуешь серьёзное молчанье — то
светлого познания пронзает чудный свет, то
тихо радуется всё, и в теле долгожданное отдохновенье,
то в мудрости исконной крепнет дух, и мух
домашних он жужжанье прекращает.

Печали нет, и кислое поенье,
И жажду в голове умолит тайное вино.
Как хорошо тянуть по чёрной ниточке дурманящее настроенье,
Открытых знаний поглощать истому просвещений.
И вдруг на звонких струнах взмлеет
пробуждённый дух — то человек, что ножками жука
терзает клавесин, то звуки фуг и менуэтов ходы,
рождает разума блаженные экстазы,
и в рот души вливается прохладный дивный мёд,
который должно, как прозрачен,
прогресса серы Высшей душу умащает, и
Высшей касте предназначен...

Как мох курчавый, поведенье,
Как непонятный мул, гуляю по дорожкам.
То светлый день, спокойный день,
то тихо изучает Бог своё творенье;
я в мирре нахожу непроходимую усладу,
и как поэт я воспеваю мирру.
Как можжевельник он стоит, под сению
ветвей, как тёмных укрывающих врачей, я
воспеваю гриб во вдохновенье им же
и жду субботы следующей недели.

БРАТ

Я слово зачёркиваю, я слово зачёркиваю

«Брат», этого заголовка, заголовка этих строк.
Я написал «Брат», поставив его в кавычки.
Я снова пугаюсь, когда моё дыхание замирает на полувздохе;
это всего лишь небольшая отдышка,
но я действительно как будто бы не мог;
теперь я пишу по обычной своей привычке.

Знаешь, я почесал лоб, но тебя нет,
это, возможно, глупо, но почему же
наивность ставить себе вразрез, я опять
ткнул ручкой себе в лицо, ну что же — я
немного справился, и этого комплекса
как будто бы, как будто бы больше нет.

Я чувствовал тепло, я чувство вал его,
но теперь не хочу соглашаться с этим,
это, наверное, моя ошибка
расставлять плавному наслаждению Тобой
запутывающие нас до нервов сети.

Где ты живёшь? Там, где живу я.
Бездонное одиночество. И вдруг сейчас
меня наполняет скрипичный концерт, и
я был полон экстаза доверху.

Наверное, Ты как благоприятный, но уже
завязавшийся липовый цвет сейчас, перед моим городским окном,
И Твоё настроение — такое же
сизое и странное, как эти скопления
успокаивающих масс в небывающих такими облаках.
В «небывающих» такими. Я уже ничего не понимаю... Облаках.

Ты же «Брат». А передо мной нашатырь.
Сегодня будет «вроде бы ничего». И я немного
овеян светло-серо-голубой и пасмурной
шизофренией, всё также глядя в окно;
Фортепиано. Рябина и Тополь.
Я взял в руки скляночку и поставил её перед собой:
в ней очень магнетичные, светло-болотового цвета
таблетки валерианы.

ТАК ЗАПОВЕДОВАЛ ЛЕОПАРД

Ходите, жрецы, по подворотням, ходите в поисках женщин,
В поисках юбок изворачивайтесь, восхваляя себя и женщин,
Строки рисуйте, петляйте змеёй, закручивая Послание, разжигая тонкие страсти,
Считайте, обвиняя себя, минуты «только что познакомились», минуты проклятия,
ваш грех — ожидание, старайтесь, языком старайтесь, целуя как можно быстрее,
объятия образуйте как можно более сексуальные —
губы ещё не сомкнулись — пусть гаснет плоть.
Так заповедует Леопард, так заповедует Леопард.

Красьте губы и брови рисуйте, о шлюхи, в ожидании течки,
Облизывайте мужчин в молчании и будьте истовы, как умывающие себя кошки,
Хрипите от страсти и трогайте своего жреца, или их,
и будете прозваны великолепно — Небесные шлюхи, девственные брошки,
божие крошки, я вижу — вы раскинули снасти, вы внимательны и настороже?
Так заповедовал Леопард, так заповедовал Леопард!

Пусть трепещут ваши сердца, и слова — уже сбиваются,
и вы замолкаете долесекундно, о дамы — где ваши глаза,
ваша плоть уже бьётся, скорее, скорее, бегите, скрываясь людей —
так заповедовал Леопард, так заповедовал Леопард!
Скрывайтесь и лижите друг друга, и проникайтесь, и будьте настолько;
пусть будет ещё один кто-нибудь...
Так заповедовал Леопард, так заповедовал Леопард.

Пусть небо льёт вино, и облака сыплют для вас мерцающей и сказочной негой,
сладострастие пропитает вас, возбуждение кажется интересным снегом,
альков любви — божественной слюной, она не сдерживает трещину...
Да, и нежно между собой пусть остаются мужчина с мужчиной, рождая страсть,
и женщина пусть трогает женщину.
Сияй, как лесбиянка, о могущественная одежда этих двух вожделенцев,
пусть они как-то договорятся и сделают порнофото.
Так заповедовал Леопард, так заповедовал Леопард.

Мы всё-таки кошки, мы всё-таки птицы, славные самки,
Зажмись в броске, сексуальная львица,
рвись, похотливый пёс, уже лижа её, животную кунку;
ваши слова — не изнанки, делай намёк на половое сближение.
— Лижи меня, о похотливая сука.
— Засунь мне палец в отверстие.
Так заповедовал Леопард, так заповедовал Леопард.

СТРЕЛОК

Сигналы о начале урока во всех учебных заведениях нашего города разные: например, в девятой гимназии — это мелодичное пение птиц, в шестом лицее — мелодия ксилофона. А у нас это старый трещащий звонок, прямиком из XX века. Но сигнал есть сигнал, и он означает, что начался шестой, крайний на сегодняшний день, урок начальной военно-космической подготовки. Не теряя времени, мы всем классом вывалили за порог кабинета и спешно построились в две шеренги. За поворотом послышалось лязганье самых дешёвых автопротезов. Все моментально замерли и замолкли. Через несколько секунд в рекреацию, где мы стояли, вошёл наш преподаватель. Он медленно и чинно прошёлся вдоль строя до середины, затем остановился и коротко, почти незаметно, кивнул мне. Это было своеобразной отмашкой, разрешением к совершению действия.

— Становись! Равняйсь! — скомандовал я и чуть подался вперёд, осматривая строй.

Все стояли вызывающе правильно и аккуратно. Хоть в учебник заноси. Выпрямившись, я продолжил:

— Смирно! Равнение на середину! — сделав шаг вперёд, я развернулся и зашагал к преподавателю. — Товарищ преподаватель, девятый кадетский класс к проведению урока НВКП построен и готов в составе двадцати пяти человек. Рапорт сдавал командир класса сержант Павел Летягин, — отрапортовал я, остановившись в двух шагах от учителя и отдавая воинское приветствие.

— Здравия желаю, товарищ сержант, — сказал он, протягивая правый протез руки.

— Здравия желаю, — ответил я и пожал протянутый протез.

Затем повернулся лицом к строю.

— Здравия желаю, товарищи кадеты!

— Здравия желаем, товарищ преподаватель! — поприветствовали все хором.

У меня аж уши заложило от переизбытка децибел.

— Встать в строй.

— Есть! — ещё раз козырнув, я быстро вернулся в строй.

— Сегодня ваш крайний урок в этой школе перед вашим убытием в спецлагерь на Азимандусе, так что предлагаю вам решить, чем мы будем заниматься весь этот час.

— Товарищ преподаватель, разрешите обратиться! — послышался женский голос из строя.

— Слушаю тебя, Мензуркина.

— Расскажите, пожалуйста, как вы лишились рук и ног. Нам всем очень интересно!

Судя по интонации ефрейтора Софии Мензуркиной, она очень смущалась. Оно и не удивительно. Ведь наш преподаватель тот ещё красавчик: длинные блондинистые волосы, тонкие черты лица, гладкая кожа и большой шрам через правый

глаз. А также внушительный для его двадцати шести лет послужной список. По нему сохли все девушки на параллели девятых-одиннадцатых классов. А уж наши, кадетские, так вообще несколько раз предлагали ему встречаться, но он им всё время тактично отказывал. И правильно делал.

— Хорошая идея, товарищ ефрейтор. Сержант!

— Я! — крикнул я.

— Сопроводи класс в актовый зал. Я подойду чуть позже. За дисциплину отвечаешь лично!

— Так точно! Класс! Общая команда, нале-ВО! — все синхронно повернулись в указанную сторону. — В актовый зал, строевым шагом... марш! — класс немедленно застучал каблуками по полу и безупречным маршем двинулся к месту назначения, отмеченному на подсоединённом к сетчатке глаза нейрошунтовом визоре белой точкой с дальномером.

Учитель появился минут через пять после того, как мы все расселись по местам. В руках у него было несколько голоматриц, которые он немедля загрузил в проектор, затем сел рядом, лицом к нам, и начал:

— Произошло это почти полгода назад. Я тогда командовал пятой ротой космопехоты. И нас отправили на планету Псикамерон.

В воздухе появилась голограмма небольшой планетёнки. Свет в зале незаметно для всех погас, отчего здесь воцарилась приятная полутьма.

— Накануне шайка пиратов из гильдии «Уберменше» напали на резиденцию императора на Эдеме. Но оказалось, что там был ещё кое-кто. «Тёмный Дракон». Их прихвостень зверски убил предводителя отряда из гильдии «Уберменше», сначала отстрелив ему причинное место, а затем и отрубив голову. После этого они сбежали на украденном катере. С собой они прихватили дочку императора — Азмарию. После этого император дал указание вернуть княжну любой ценой. Для этого он отправил нас в тот ад.

Картинка сменилась на герб гильдии «Тёмный Дракон»— зубастую безногую тварь с расправленными крыльями и скрученным в один оборот хвостом.

— Поначалу всё шло как нельзя лучше: мы высадились и начали наземную операцию с привлечением тяжёлой бронетехники, при поддержке планетной авиации и космофлота. Целью высадки, как вы уже могли понять, были поиски, спасение и эвакуация княгини Азмарии. Но в один момент моя рота лицом к лицу встретилась с отрядом, укравшим княгиню, и его предводителем — Драгуном. Он чуть старше вас, но с мечом он управляется получше некоторых фехтовальных дроидов, что уж говорить о человеке. Но тогда я этого не знал и сдуру вызвал его на Дуэль Чести. И вот мы скрестили клинки. Мне казалось, что моя победа близка, но Драгун провёл удачную комбинацию ударов и, завладев моим клинком, одним ударом лишил меня конечностей. А затем ещё и пощадил как не достойного смерти. Когда они ушли, меня отправили в госпиталь. Там я узнал, что заместитель Драгуна, не помню его прозвища, вернул княжну императору с тем уговором, что войска Импе-

рии покинут планету. Император подчинился. После того, как мои родственники узнали, как я стал калекой, отец отказался от меня, сказав: «Коли ты якшаешься с отбросами, то тебе нет места среди членов семьи Кафка». Вместе с моим знатным именем он отнял у меня моё положение и состояние. В итоге денег у меня еле хватило на то, чтобы купить комплект самых дешёвых автопротезов да оплатить операцию по частичной киборгизации. Потом я выписался и устроился учителем к вам в школу. Как-то так, — закончил он.

Невольно посмотрев на девушек, я увидел, как они млеют от его рассказов. А вот пацаны, похоже, уже точили зуб на этого Драгуна. И тут вновь прозвучал звонок.

— Командуй, Летягин.

— Класс! Встать! — все сделали, как я приказал. — Смирно!

— До свидания, товарищи кадеты!

— До свидания, товарищ преподаватель!

— Вольно! Разойтись! А тебя, Летягин, я попрошу остаться, — сказал учитель, включая свет и выключая проектор. — Поможешь мне прибраться тут после вас. Как приберёшь, зайди ко мне доложиться.

— Так точно! — ответил я и полез в потайной шкаф за дроном-пылесосом.

Поставив стулья на столы, я оставил дрона пылесосить, а сам пошёл докладываться учителю. Постучав в его дверь, я нажал нужную кнопку, и дверь молниеносно уползла в стену.

— Товарищ преподаватель... — начал докладывать я с порога.

— Просто Антон Валерьевич, курсант Летягин, — перебил он меня. — Входи и дверь за собой закрой. Нечего с порога разговаривать.

Я сделал, как мне было сказано. Войдя, я сразу же занял предложенный мне стул.

— Антон Валерьевич, я всё прибрал... — неуверенно окончил я доклад.

— Отлично. Как думаешь, зачем я тебя сюда позвал?

— Даже не знаю... — растерянно промямлил я, уставившись себе под ноги.

Никогда ещё я не разговаривал с учителем так... неофициально, что ли...

— Я позвал тебя сюда, чтобы отдать тебе одну вещь, которая вскоре может тебе пригодиться.

С этими словами он достал из угла, между его столом и стеной, длинный продолговатый предмет, завёрнутый в ткань, и протянул его мне.

— Что это? — недоумённо спросил я, принимая дар.

— Это мой клинок. «Пламя дракона». Именно этим клинком Драгун отрубил мне в той дуэли правую руку и ногу.

Когда я развернул ткань, то увидел тёмно-рыжий меч в ножнах. Судя по внешности, это была японская катана.

— Спасибо, конечно. Но, Антон Валерьевич, чем я заслужил такую честь?

— У тебя максимальный балл на прошедших недавно экзаменах ГТО по фехтованию. Ты единственный из твоего класса, кому я могу полностью доверять. И я больше не в силах хранить его у себя. Он напоминает мне о моём отце и о том, что я больше не могу сражаться, как раньше...

В его голосе я явственно услышал горечь. Упаковав меч обратно, я привязал к нему ремень и закинул за спину.

— Ещё раз спасибо, Антон Валерьевич. Я могу быть свободен?

— Да, конечно. Главное — помни: это настоящий меч. Смотри не прибей им кого-нибудь.

— Хорошо, — ответил я и вышел прочь.

На улице было туманно, и уровень токсинов превышал норму в десять раз. «Опять, наверное, очистительные конструкции засорились...» — думал я, проверяя исправность фильтров в своём респираторе. Левый фильтр практически отказал, а правый протекает ещё со вчерашнего дня.

— Это не очень хорошо... придётся идти окружными тропами, в обход оживлённых автострад... — сказал я вслух, сплюнул натёкший в рот фильтроген, натянул на лицо маску респиратора и вышел в объятья буро-зелёного тумана.

Глаза тут же начали слезиться и чесаться. Угораздило же меня разбить защитные очки на полигоне... Мирясь с невыносимым зудом в глазах, я медленно продвигался сквозь пелену токсина, исходящего из труб близлежащих заводов по производству комплектующих для двигателей гипердрайва. Вскоре я дошёл до искусственного парка с биодеревьями из фотосинтезирующего материала. Здесь было чуть свежее, и я с удовольствием снял респиратор, ещё раз сплюнув фильтроген. Сделав глубокий вдох, я почувствовал вкусный фруктовый запах воздуха. Чуть постояв и понаслаждавшись этим сладким ароматом, я продолжил свой путь в общежитие.

Здесь всё было неизменно: всё тот же дроид-консьерж, давно сломанный и заросший токсичным мхом, всё те же рухнувшие перекрытия и провалы в полу. Я был здесь единственным жителем, так как дом этот был признан аварийным и готовился под снос. Но, несмотря на это, здесь было уютно. Преодолев несколько дыр, я, наконец, ввалился в свою комнату. Здесь всё тоже было без изменений. Сев на кровать, я скосил глаза в правый верхний угол комнаты, и покорный визор показал мне, который сейчас час.

— Без пяти минут восемь... — обречённо сказал я вслух. — Пора уже и спать ложиться. Завтра вставать рано.

Аккуратно повесив форму на вешалку, а вешалку вместе с мечом на гвоздь, я почистил зубы и лёг спать. Но ещё минут десять я бесцельно ворочался с боку на бок, пока не уснул.

*

За стенкой что-то жужжало и стучало, рядом лежал парень, на вид моих лет, и копался в своём комме. Что-то меня в нём тревожило, но я не знаю, что именно.

— Хэй, чел, — вдруг произнёс он. Похоже это было адресовано мне. — Не занят?

— Как раз собирался поваляться и побездельничать. Но ты меня заинтересовал. Что ты предлагаешь?

— Давай сходим на палубу, а то мне ой как хочется ноги размять...

Сказав это, он спрыгнул со своего койко-места и несильно толкнул меня в бок. Я тяжело вздохнул, нехотя поднялся с кровати и пошёл за ним следом.

— Костян, — представился он, протягивая мне руку.

— Пахан, — я приветственно пожал его руку.

— Ох ты, какое имя... Мощное! Под стать оружию.

Я невольно положил руку на рукоять меча, что висел у меня на поясе.

— Если не ошибаюсь, это катана «Пламя Дракона».

— Я вижу, ты знаток... — с неподдельным удивлением сказал я.

— Да, по долгу призвания приходится.

Мы вышли в более освещённый коридор кают второго класса, и я, наконец, смог рассмотреть Костяна получше. Рядом со мной шёл слегка небритый, взъерошенный парень, на вид чуть старше меня. Одет он был в чёрную футболку, чёрную с серо-жёлтыми вставками и капюшоном жилетку, армейские камуфляжные штаны и такие же берцы. За спиной у него висел гладиус в карбоновых ножнах, рукоятью указующий в правый нижний угол, а на левом бедре я заметил странный пистолет в композитной кобуре. Такая же кобура, но уже с другим пистолетом, обнаружилась сзади слева. Странный он человек.

— А какое у тебя призвание? — спросил я с нарочитым интересом.

Но ответить он не успел. Коридор сотрясла череда ударных волн от мощных взрывов.

— Чёрт! Как не вовремя... Они должны были быть в этом квадрате только через два часа... Пахан, иди к панели связи и скажи третьему-второму классам оставаться на своих местах и не дёргаться. Надеюсь, умеешь пользоваться?

Он вынул пистолет из кобуры на поясе и протянул его мне. Не задавая лишних вопросов, я взял пистолет и пошёл к панели. Панель оказалась совсем рядом. Открыв нужную вкладку, я ввёл команду забаррикадировать двери. Вылезло окно ввода личных данных оператора. Без раздумий я ввёл свои ФИО, звание и место обучения. Панель выдала «добро» и закрыла все двери кают второго класса, а третий класс был вообще забаррикадирован.

— Что же ты задумал? — спросил я воздух.

Он, к сожалению, не откликнулся. Тогда я проверил обойму пистолета и пошёл на палубу первого класса.

Оказалось, причиной взрывов были абордажные капсулы бандитов. Все пассажиры лежали ничком, в том числе и Костян, а между ними расхаживала на своих паучьих лапках самка Эльбан. Чуть поодаль неё стояла пара Леган с лучевыми ружьями и в экзокостюмах. Сняв оружие с предохранителя, я уже прицелился, как вдруг меня кто-то поднял и бросил прямо на середину палубы.

— А вот и ещё один снобий сынулька. К остальным его, — скомандовала Эльбан, дав мне ощутимую пощёчину своей когтистой антропоморфной рукой.

Мне в спину уткнулось дуло. Обернувшись, я увидел массивного Чемаг. В одной паре рук у него был гранатомёт QDW-36, в простонародье прозванный «Гренадёр», в другой он держал пару скорострельных ПП-52 «Фреза». Один из них упирался мне промеж лопаток.

— Лежать! — рявкнул он.

Я покорно занял свободное место рядом с Костяном. Недоброжелательно рыкнув, он отошёл в сторону.

— Как думаешь, сколько их? — спросил шёпотом Костян.

— Главарь-Эльбан, два эльфа-Леган в среднебронированных ЭК и один Чемаг с гранатомётом. Всего получается четверо.

— На балконе, над нами, засели два снайпера со «Зверобоями», в левом заднем углу палубы сидит сапёр с детонаторами. На каждом третьем пассажире в шестом ряду, если считать, что мы лежим в первом, закреплены «пояса шахидов». Ещё трое проводят поиски близ мостика, двое держат на прицеле экипаж на мостике. Итого двенадцать «чёрных» наёмников дважды «S» класса.

Я мог только дивиться осведомлённости этого человека. А ещё спокойствию, с которым он это говорил.

— А почему ты думаешь, что это не пираты, а «черные» наёмники?

— Настрой приёмник в своём нейрошунте на частоту шесть, дробь тридцать два, и слушай. — Я аккуратно достал до кольцеобразного бегунка и медленно прокрутил его на сто семьдесят пять с половиной градусов.

— Нэнс, вы скоро? — спросил Костян в пустоту.

Я не знал, к кому он обращался, но чувствовал — скоро я это узнаю.

— Мы на позиции. Начинаем по твоему сигналу, — послышался приятный девичий голос. Услышав это, Костян медленно поднялся на ноги.

— Эй, вы! Ротозеи! — захватчики быстро нацелили на него свои стволы. — Какой скупердяй доверил дело таким лузозёрам, как вы?! — не успел он это спросить, как Чемаг подлетел к нему, схватил за грудки и поднял над полом.

— Тебе, как вижу, жизнь не дорога! — закричал бандит, начиная сдавливать свободной рукой горло смельчака.

— А вот это уже зря... — сверкнуло лезвие, и все четыре руки Чемаг отделились от тела и безвольно упали на пол, где впоследствии оказалась двухметровая туша самого Чемаг.

Он орал от боли что было мочи.

— Пахан, пристрели сапёра! — рявкнул Костян. Рефлекторно выхватив пистолет, я прицелился и спустил курок. Раздался громкий хлопок, и отдачей оружие подкинуло вверх. Следом последовал глухой звук упавшего тела. Это значило только одно — повторного выстрела не требуется. Внутри возникло гадкое чувство угрызений совести. Я ещё ни разу до этого момента не убивал, но моё тело в тот момент действовало на автомате. И это пугало. Вновь повернувшись к Костяну, я увидел, что в него стреляют все, кто остался невредимым. А он, в свою очередь... отбивал пули?! Нет. Этого не может быть! Но назвать его высокоскоростные телодвижения по-иному у меня не поворачивался язык.

— Что дальше? — спросил я.

— Попробуй снять снайперов. А я пока обеспечу прикрытие, — ответил он спокойным голосом.

Я громко сглотнул и посмотрел на балкон. «Так, прикинем. Расстояние до балкона метров двадцать, угол подъёма тридцать семь градусов, ветра нет. Это значит — бьём прямой наводкой». Откатившись чуть в бок, я поймал голову противника в линию прицела и выстрелил. Отдача в очередной раз подкинула оружие, но мне удалось минимизировать угол отклонения, и следующий снайпер лёг уже через пять секунд. Я даже смог разглядеть, как его мозги ошмётками вылетают из черепа на стену, отчего к горлу подступила рвота, но в силу пустого желудка меня не стошнило.

— Путь свободен! Звери! В атаку! — закричал Костян, и в тот же миг по правому борту показалось судно, которое немедленно открыло огонь по неприятелю. Затем с тыла появился отряд из трёх человек в масках и занял круговою оборону. Двое неприятелей, а точнее Эльбан и раненый Леган, успели скрыться от шквального огня судна в коридоре, из которого меня выкинул лежавший на полу и уже безрукий и мёртвый Чемаг. Оттуда они вели посильный огонь по нам.

— Драгун! Ты как всегда! Нет чтобы хоть раз притвориться беспомощной жертвой и дать нам сделать свою работу!

Я не мог поверить своим ушам. Костян оказался тем самым Драгуном, с которым дрался Антон Валерьевич...

— Сид, ты же меня знаешь — я неуравновешенный псих, — сказал Драгун и криво улыбнулся, затем надел на лицо маску и накинул капюшон.

— Капитан, что делать с трупами? — спросил один из трёх вошедших.

— Всех на мясо. Кроме паучихи и эльфа. На них у меня особые виды...

— Дракош, говорит Кана. Мостик под нашим контролем. Но эти мрази пристрелили навигатора и старпома, — сказал немного кокетливый женский голос.

— Это не есть гуд. Тигрица, Альтаир, что с грузом?

— Груз у нас, в целости и сохранности. Можем уходить. — послышался мягкий мужской голос. Во мне медленно закипала злоба от той мысли, что я подружески разговаривал с самым опасным корсаром ближнего и среднего рубежей исследованного космоса и одним из Всадников Армагеддона. «Я должен отомстить

ему за учителя. Пусть я умру, но напоследок я выложусь на всю катушку!» — с этими мыслями я встал и резко, потянув из ножен свой меч, нанёс рубящий удар по диагонали. Послышался звон метала. Моя катана упёрлась в его гладиус.

— Что это ты удумал, Пахан? — с интересом спросил он.

— Я убью тебя... — сказал я, тяжело дыша от гнева.

— Чего?

— Я убью тебя! — рявкнул я и начал наносить беспорядочные удары с ужасающей силой и скоростью, но все они были блокированы гладиусом Драгуна.

Я свирепел всё больше. Но тут произошло всё, как рассказывал учитель: Драгун провёл странную, но быструю комбинацию, и мой меч вылетел из моих рук. Тогда я быстро потянул пистолет и прицелился в драгуна, но его предо мной больше не было. Ствол его пистолета упирался в мой затылок.

— А убивалка у тебя что надо. Но с таким самоконтролем вероятность твоей победы крайне мала.

Он сделал упор на словосочетании «крайне мала».

— Ты как не огранённый алмаз. Твоим навыкам нужна закалка в реальном бою, концентрация на цели и недюжий самоконтроль. Идём со мной. Я научу тебя этим вещам.

— Никогда я не буду якшаться с такими убийцами, как ты! — крикнул я, разворачиваясь к нему лицом. — Вы только и думаете, что о деньгах, а на обычных людей вам начхать!

— Капитан, может, на дно его? — спросил второй из тройки вошедших на кануне.

— Хлеборезку закрути, Струбцина, — недобро ответил Драгун.

Пистолет он с меня не спускал.

— А ты, Пахан, не зарывайся и не равняй нас с вон теми отбросами, — он указал на связанную паучиху и Леган. — Вот они — такие, как ты сказал. А мы чуточку другие. Мы не вешаем на заложников взрывчатку, мы вообще заложников не берём. Это привилегия террористов, а мы пираты. Мы грабим, ради денег, но не трогая тех, кто не оказывает нам противодействия. Правда, не сходится с общепринятым шаблоном, Летягин Павел Юрьевич — кадет-отличник по всем предметам военного блока, лучший фехтовальщик и стрелок на уровне области. Но вспомни, где ты живёшь. Не хотелось ли тебе ощутить в своих руках вес денег, да и, к тому же, ты круглый сирота. Присоединяйся к нам. Я дам тебе кров, навыки и главное — дружную семью.

«А ведь он прав...» — промелькнуло у меня в голове. — Я живу в старой общаге, работаю, не покладая рук, чтобы прокормить себя, семью мне заменила моя винтовка — приз за первое место в соревнованиях по снайперскому ремеслу. А мои одноклассники купаются в заботе родственников, деньгах и роскоши, в то время как я страдаю. И вот мне предлагают всё это, в обмен на чистоту совести...»

— Я согласен. — уверенно ответил я. — Только у меня будет одна просьба...

*

Общага всё ещё стояла на месте. Я пробрался в свою комнату, вскрыл тайник и вынул оттуда три снаряжённые обоймы и крупнокалиберную винтовку «Раптор» с гравировкой на боку ствольной коробки: «Летягину Павлу — лучшему стрелку Калининградской области». Повесив винтовку на плечо, я тяжело вздохнул и в последний раз окинул хозяйским взглядом комнату. Затем развернулся и вышел.

— Добро пожаловать в «Тёмный Дракон», Стрелок, — сказал Драгун.

Я не чувствовал, что совершил ошибку. Во всём теле была лишь лёгкость новой жизни. И новых горизонтов.

О МЕТАМОРФОЗАХ И ЛЮДЯХ

Посвящается всем тем, кто приходит и уходит, оставляя после себя целую историю, и тем, кто помогает человеку взрослеть и находить свою опору в жизни.

Запись первая. О прологе и эпитетах

В каждой истории есть своё вступление. Будь то краткая аннотация или первая глава, где нас знакомят с героями, с которыми нам ещё предстоит встретиться в дальнейшем. Как однажды мне приходилось читать критические заметки в отношении книг и их содержания, работа автора без какого-либо должного вступления похожа на неотёсанный булыжник, портящий всё качество произведения. Витиеватостью слов, лёгкой интригой и тайной, способной заинтересовать читателя, писатель должен обладать и уметь в совершенстве подать свой труд на суд немого зрителя. Мне бы тоже хотелось сделать небольшое отступление перед главным содержанием, чтобы прояснить: откуда же истоки всего, что приходило мне в голову и необъятным потоком выливалось на страницы, превращаясь в буквы, а буквы, отдельные единицы от полной фразы, — в слова?

*

Находясь в обществе, человек часто задумывается о том, что и кто его окружает. Подобные мысли появляются далеко не сразу: лишь преодолев порог беззаботности и безнаказанности, постепенно взрослея физически и духовно, люди начинают подмечать вещи, которые, быть может, принимали всегда за должное. Этот период называют «подростковым». Крушение идеалов, основ, первые проявления собственного «я», — это всё соотносят с «взрослением», с переходом от времени детства к миру «больших взрослых». Когда я задумываюсь об этом, мне всегда представляется картинка с «умными взрослыми», которые со всей серьёзностью кивают головой, мол, «всё-правильно-всё-так-и-должно-быть», но при этом не все «умные взрослые» считают полноценными личностями подростков. *В обществе* появился такой стереотип, что «полувзрослые» не могут иметь *правильного* мнения, *правильных* мыслей, что все поголовно страдают максимализмом и в целом похожи на глупых и неразумных существ. Это, конечно, немного преувеличенно, но в жизни я часто сталкивалась с живыми примерами подобного отношения. И я считаю такое отношение *неправильным.* Мне не раз приходилось видеть подростков лет 15-16, которые излагали свои мысли так, как может не каждый взрослый. Но и общество «повзрослевших людей» тоже далеко не безгрешно. Прежде всего, это проблема *безграмотности* и *необразованности*. Мне больно смотреть на банальные ошибки в простейших словах, которые с усердием и особым прилежанием допускают, не говоря уже о пунктуации и логике фраз.

Подростков часто не принимают всерьёз. Новости, СМИ и разного рода телепередачи с радостью ищут для своих программ истории с самоубийствами, с про-

явлением насилия, с жестокостью и так далее, но никогда не пытаются исправить то, что послужило причиной всему вышесказанному. «Ни для кого это не станет новостью. Все почему-то любят копаться в последствиях, но вот причины — причины почти никому не интересны», — сказал как-то один человек, и я с ним полностью соглашусь.

Итак, находясь в обществе, которое полно стереотипов и недостатка уважения к личности, волей-неволей начинаешь задумываться буквально *обо всём.* Лично меня всегда больше всего интересовал вопрос *о людях и обществе*. Что движет человеком, что является главным двигателем общества — я пытаюсь дать ответы на собственные вопросы, пытаюсь найти *правду*, горькую *истину* в своём первозданном состоянии. Я делаю выводы, смотрю, вижу, читаю. А всё вкупе постепенно образовывает собственные мысли, мысли выливаются в напечатанные слова, слова — в фразы, а фразы, в свою очередь, рождают произведения, одно из которых под моим авторством мне бы и хотелось представить — «О метаморфозах и людях» или о том, какие изменения происходят в человеке и обществе.

Запись вторая. О детстве и малом социуме

— Ты не плачешь, потому что ты взрослый? — *удивлённо спросила девочка у мальчика.*

— Конечно, — горделиво ответил тот. — Плачут только маленькие, а я теперь — взрослый. Как сама вырастешь — поймёшь.

«Вот бы побыстрее стать взрослой...» — восхищённо подумала девочка.

Детство. Столько разных эпитетов и крылатых выражений подбирают к этому слову, вкладывая заслуженно и незаслуженно в него некий светлый, добрый смысл. А как оно на самом деле?

Детство — это то *время*, когда родители отпускают своё маленькое чадо из уютного гнезда в мир *самого первого общества* — в детский сад, например. Таким образом, они приучают ребёнка взаимодействовать с другими ребятами, познавать самые-самые первые истины, находить детей своего круга, правильно дружить и общаться. Кто-то после будет вспоминать этот период счастливым и светлым, кто-то — страшным и несправедливым. Дети в школах будут мечтать о послеобеденном сне и, в большей степени, о вседозволенности в поведении без строгих правил и уставов. Притом диктованной не одной только специальной бумагой, но и окружением. Ты можешь плакать — тебя не осудят. Ты можешь шалить — тебя наругают, но простят. Ты также можешь проявить себя в роли маленького бизнесмена — обменять свою игрушку на другую у твоего друга. Да даже в роли будущего семьянина: жениться или выйти замуж за красивую одногруппницу или одногруппника — познать все тяготы сложной семейной жизни...

Детство для каждого неоднозначно. Нельзя с точностью сказать, какое оно: хорошее ли, плохое ли. Стоит хотя бы вспомнить детей в других странах: детский труд, нищета, бремя для маленьких девочек, вынужденных очень рано выходить замуж за зрелых мужчин. Или вспомнить о детских домах, которые наблюдаются в *каждой* развитой стране. Есть ли у таких детей детство как таковое? Судить сложно. Нельзя также забывать о неблагополучных семьях, об отношении родителей к своему ребёнку, — это тоже является немаловажным фактором формирования личности.

Социализируясь, маленький человек уже становится частью общества. Ребята во дворе, в детском саду — малые социальные группы, в каждой из которых свои порядки. С этими порядками приходится мириться, ведь в ином случае ребёнок может стать предметом насмешек, показателем плохого отношения к себе. Дети, несмотря на малый возраст, научились понимать сей факт, поскольку, в противовес распространённому мнению, «маленькие люди» далеко не глупые или слепые: они понимают, возможно, немного по-другому, нежели «взрослый человек», но всё-таки осознают. Родители иногда об этом забывают, делая прямо на глазах ребёнка то, что разумному родителю делать бы не стоило, и это приводит к достаточно пагубным последствиям для неокрепшего ума.

Существуют книги, очень ярко отражающие факторы и среду формирования той или иной личности. Знаете ли вы, что причины злобных деяний преступников часто кроются *именно в детстве*? Преступники, чьи имена в своё время заставляли дрожать от страха, ведь тоже когда-то были маленькими несмышлёнышами. Кому-то не повезло с матерью, кому-то — с отцом, одноклассниками, — таких примеров не один и не два: они исчисляются сотнями, тысячами... Просто представьте, как всего лишь за несколько тысяч километров от вас страдает ребёнок: впоследствии он превратится в убийцу, ненавидящего человечество, неуловимый «Мистер Х», от упоминания которого будет стынуть кровь в жилах. Это *страшно*. Это *зло*, появляющееся на свет от руки человека, от *желаний* человека, от *действий* человека. Как можно восхвалять добро, если мы сами же его и губим? Почему наш цинизм и эгоизм стоит выше *человеческих* чувств? Это тот вопрос, на который многие не могут дать ответа, просто потому что *не хотят* на него отвечать.

Ребёнок — весьма хрупкое создание. Его легко направить на неверный путь. Он слаб, но приспосабливается всегда как может, как понимает. Если родители не смогли научить ребёнка любить, творить добро, помогать просящим, не проследили за его взрослением, — им не стоит удивляться в будущем, почему их дети стали такими *бесчеловечными*. Каждому родителю стоит уделять внимание своему чаду и помнить, что корни поведения индивидуума чаще всего растут именно из *детства*.

Запись третья. О первой школе и юности

— А у нас в квартире
газ!
А у вас?
— А у нас водопровод!
Вот!
— А из нашего окна
Площадь Красная
видна!
А из вашего окошка
Только улица немножко!
С. Михалков «А что у вас?»

Радостными возгласами, ещё не зная, что ждёт их впереди, дети врывались в школу. За ними в том же темпе с букетом цветов поспевали родители, и стоит отметить, что и те, и сами первоклассники были одеты необычайно красиво, как всегда это бывает на 1 сентября: строгая чёрная форма, белая рубашка со всевозможными рюшечками, бантиками, и так до бесконечности, либо же без них, но это скорее относилось к самим родителям, нежели к их детям. Дети же, в свою очередь, были взбудоражены и напоминали бы радостные попрыгунчики, если бы не их «мама-папа-дедушка-бабушка-тётя-дядя-и-чей-то-родственник», постоянно одёргивающие своё непослушное чадо. Вот где-то заплачет ребёнок — испугался толпы и общего шума, наверное. Рядом с ним уже стоят утешители, а минут через пять он снова вольётся в общий ритм радости и праздного любопытства. И вот они все стоят одним длинным рядом, смотрят друг на друга, на тех, с кем им предстоит несколько лет учиться. Родители фотографируют их издалека, думая: «А ведь ещё совсем недавно они пошли в детский сад... Как же быстро летит время». И эта лёгкая грусть не в силах перебороть гордость родителя, не может опечалить этот знаменательный день: сегодня их ребёнок стал школьником. Сами же школьники смотрят на «взрослых детей», то есть, старшеклассников напротив, искренне недоумевая, почему те так сильно не радуются этому солнечному, замечательному и прекрасному дню? Они замирают в ожидании, волнуются, когда мимо пройдёт длинный-длинный мальчик с маленькой-маленькой девочкой и дадут первый звонок в их жизни.

Старшеклассники же, стоя напротив них, на расстоянии нескольких метров, чуть посмеиваются: «Эх, ребятки, радуйтесь этой сказке, запоминайте этот день, пока он не стал ежегодной обязанностью, означающей конец отдыха и каникул...».

*

Детство не кончается, когда ребёнок заканчивает детский сад и идёт в школу. Детство продолжается. Юности время ещё не закончено, однако появляются новые правила, более строгие и подразумевающие дисциплину, прописанную в уставе

школы. Но почему-то воспоминания о первом классе даже сейчас навевают лёгкую ностальгию, и, думаю, это оттого, что через каких-то два с небольшим года я достигну возраста, когда человек признаётся полноценным членом общества, который должен продолжить своё обучение в высшем учебном заведении, потом устроиться на работу... Детство окончательно канет в воспоминания, максимализм уступит место рационализму, порог совершеннолетия будет пройден. Признаюсь, это немного страшно. Как страшно всё неизведанное, далёкое, но и одновременно катастрофически близкое. Я не могу точно вспомнить все даты и события, но первый класс помнится мне отдельными яркими картинками, на которых изображены мои одноклассники, ныне либо ушедшие в другой класс, либо же в другую школу, переехавшие в другой город; мне вспоминается мой первый учитель, родители, которые ждали меня возле школы; мне вспоминается первая «лучшая» подруга, которая теперь просто «хорошая одноклассница». Мне вспоминается... я. Эта девочка, наивная, глуповатая и добрая, которой пока не интересны вопросы ни о людях, ни об обществе. Мне вспоминается время, когда всё начало меняться: первые предательства, ложь, обман. Не передать чувств, которые обуревают меня: все они напоминают нескончаемый горько-сладкий поток, состоящий из воспоминаний, событий и имён тех, кто так или иначе изменил меня. За это им не скажешь «спасибо», но и лелеять в своём сердце удушающую своей чернотой ненависть я никогда не стану. Ненависть не приносит ничего хорошего. Она просто постепенно сводит человека с ума.

Нужно уметь пользоваться своим детством, даже находясь в начальной школе. Это то время, где самое серьёзное правило — учись, умножай, вычитай, складывай, дели. Веселись, улыбайся, смейся, совершай глупости — пока ты ребёнок, — вздохнув, взрослые тебя простят.

Не думай о серьёзных философских вещах — они тебе пока не нужны. Делай то, что получается у тебя лучше всего — *играй в детство*.

Запись четвёртая. О школе и подростках

Homo homini lupus est.
Человек человеку волк.
Ли Виксен «Охотник на волков»

Переходя в пятый класс, заканчивая начальную школу, маленький человек уже начинает терять детские черты: они уступают место поведению, которое ближе к подростковому. Ребёнок, нет, скорее «полуподросток», стремится доказать свою значимость и то, что он уже «полноправный взрослый». Это перемежается с частицами всё ещё детских взглядов, и получается дикая, неуправляемая смесь. И тут стоит пожелать лишь искреннего терпения тем, кто пытается эту «смесь» обуздать.

Нельзя сказать, что «полуподростки», сохраняя доли ребячества, продолжают вести себя так же, как и в начальной школе. Признаться честно, период пятых-

шестых классов никогда не был моим любимым. Да и сейчас, вспоминая себя в ту пору, становится стыдно за собственное поведение, когда понимаю, как сильно я и дети моего возраста перегибали палку по отношению друг к другу.

Наверное, есть то, что я особо не люблю в этот период, — двуличность. Она, конечно, присутствует на многих этапах развития человека, но всё же именно в это время двуличность у многих буквально достигает своего апогея. «Полуподростки», пользуясь тем, что их всё ещё считают неразумными детьми, творят за спиной взрослых порой просто омерзительные вещи. И более всего встречает моё негодование тот факт, когда взрослые им *безоговорочно верят*, стоит тем ткнуть пальцем в «виновного» и горестно заплакать крокодильими слезами.

С каждым годом «новое поколение» меняется. Всё чаще я сталкиваюсь с неуважением, оскорблениями, нецензурной лексикой и многим-многим другим, произносимым устами пятиклассников, шестиклассников, из раза в раз приобретающим всё более ужасающие формы. Однажды, стоя неподалёку от скопления «полуподростков», за которыми не следили взрослые, я увидела нечто, отчасти потрясшее меня: в этих маленьких людях было столько жестокости, столько какого-то весёлого садизма по отношению к своим же ровесникам, что это вызвало оторопь. Тогда я словно увидела каких-то нелюдей: в их движениях присутствовало что-то нечеловеческое, такое, что можно сравнить лишь *со звериным*, *с животным*. И особенно запомнился взгляд самой маленькой девочки: такой злой, свирепый, ненавидящий...

Мне становится грустно за этих детей. И ещё больше — за их родителей. И это даже не возмущённый возглас «Куда они только смотрят!», нет. Дети — это зеркало поведения своих мам и пап; это зеркало отношения к ним. Когда я иду по улице, мой взгляд часто зацепляется за молодых мам с колясками, чьи лица всё ещё хранят незрелость. Я вижу отцов их детей — таких же молодых, совсем недавно окончивших школу. И этого не понимаю. Что может такой *родитель* дать своему ребёнку? Что будет делать *ребёнок*, когда его родители вспомнят, как они молоды и не познали всех прелестей жизни? Почему в обществе крепко сложилась мысль, что главное в жизни девушки — родить? Или почему нас многие забывают научить планировать свою жизнь и не совершать глупых, необдуманных поступков? Мне кажется, прежде, чем заводить детей, нужно получить полное образование, найти постоянное место работы с хорошим заработком, купить квартиру, устроить личную жизнь, дать волю своим желаниям, устремлениям, — только после этого жениться, выходить замуж, рожать и так далее, когда ты уже сформирован как полноценная и успешная личность.

Отучившись в пятом и шестом классе, подросток переходит в седьмой, затем в восьмой и девятый. Мне бы хотелось совсем немного написать о девятом как завершающим порог средней школы.

На данном этапе, заканчивая учебный год, я собираюсь поступать в десятый класс. Оглядываясь назад, я вижу, как менялись люди вокруг меня, как менялась я,

как все мы узнавали для себя что-то новое, разочаровывались и верили, смотрели и судили, были судимыми и оправданными. Всего не счесть. Отпускали и находили, теряли и создавали, — мы постепенно прощаемся с детством, как бы это не было печально. Когда я только перешла в среднюю школу, у меня вызвала недоумение традиция делать в конце года для одиннадцатиклассников «день детства». Этот сумасшедший день, где взрослые парни и девушки одеваются в детские костюмы и бегают с дикими воплями по школе с водяными пистолетами. Лишь став старше, понимаешь его суть: она в тёплой ностальгии и грустном «прощай». Не успею оглянуться, как сама стану так же резво бегать, совершая благое правосудие над «провинившимися»...

В девятом классе нельзя сказать, что подростки становятся тихими и примерными: они как неуправляемая стихия, которую учителя-родители-кудесники пытаются остановить. Но где уж там! Ведь стихия неподвластна роду человеческому с его скучными законами и порядками. Стихия сама диктует правила (хотя их в большинстве случаев никто не слушает).

Говорят, что людям свойственно меняться.

Но я не знаю, произойдёт ли это со мной в последующие два года.

Я не знаю, случиться ли за эти два года что-то важное, навсегда изменившее мою судьбу.

Но, знаете, я надеюсь, что всё свершившееся обязательно будет к лучшему.

Запись пятая, заключительная. О странном и неизведанном

Всё умирает на земле и в море,
Но человек суровей осуждён:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рождён.
Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живёт — наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает вечность,
И этот мир принадлежит ему

С. Маршак

Однажды настанет время, когда двери одного из высших учебных заведений раскроются, отпуская своих выпускников покорять новые вершины. Однажды рядом с этими выпускниками встану и я, и мои одноклассники, и все, с кем мне довелось общаться. Мы станем песчинкой в огромном, как океан, мире, станем полноценными гражданами своей страны. Что нас ждёт — прикрыто завесой тайны, ведь человек сам творит свою судьбу.

На протяжении всей моей работы я неоднократно упоминала понятие «общество». Но как я понимаю этот термин?

Общество — это то, что нас окружает. Как окружают нас растения и другие естественные элементы, в совокупности образующие природу, которая, соответственно, окружает людей на нашей планете. Только в нашем случае составляющей являются люди, среда, в которой мы живём. В дикой природе подобное называется «естественная среда обитания».

За весь мой пятнадцатилетний (почти шестнадцатилетний) опыт моё суждение об обществе неоднократно менялось. В лучшую, в худшую сторону. Сейчас же я пришла к выводу, что судить общество в одном из двух контекстов — хорошее или плохое — невозможно. Потому как общество — целое из составляющих, каждое из которых индивидуально — то есть, состоит из множества неповторимых личностей со своими недостатками и плюсами. Что плюс, что недостаток — есть дело отдельное. Один человек убивает, второй — созидает, третий — потребляет. И так до бесконечности.

Если объединить всё вышесказанное, то получится, что я отношусь к обществу как к чему-то, что может каждое мгновение меняться. И, в целом, в нём всё чаще собираются обширные «группы», которые порождают не самое верное мнение и распространяют его. Простым языком это называется «стадным инстинктом»: обесценивается уникальность личности с её собственным смелым мнением, теперь она становится кривой копией кого-то, а тот — кривой копией кого-то третьего. «Шаблонность», очень нелюбимая мною.

Также одной из самых распространённых черт нашего общества является осуждение. Например, неприязнь верующих к атеистам и наоборот. А сколько войн и распрей зарождалось на этой почве — не счесть. В этом проявляется наша истинная эгоистичная натура: «Всё, что делаю я — неоспоримо и правильно». Это даже не проблема, нет. Это, к большому сожалению, то, с чем рождается человек и с чем умирает: его истинная сущность. В одной из трактовок понятия «человек» присутствует такое краткое и точное определение: человек — это социальное животное. Самое прозаичное состоит в том, что люди, кто выбрал правдивую модель поведения, не скрывающую пороков, интенсивно осуждаются теми, кто более «социален» и лжив.

Вторая составляющая общества, угнетающая меня, — склонность к патриархальному строю. Где женщина должна блюсти покорность, скромность, кротость, в то время как некоторые «мужи Отечества» пользуются этим и живут, и ведут себя так, как может, наверное, не каждый истинно зверь. Отсюда и появляются ярлыки «жирная», «тощая», «тупая» и тому подобное. При всём видимом равноправии женщину часто ставят на ступень ниже, зарождают в ней комплексы, а при попытке смело заявить о себе появляется осуждение и пренебрежение.

Когда-то давно люди смотрели в небо и мечтали летать. Когда они полетели, им захотелось покорить Космос. Когда Космос был покорён — они стали развивать оружие, которое наводило бы страх на другие народы. Нам всегда мало того, что мы имеем. Гонимся за иллюзиями, за мечтами, за властью над себе подобными.

Истина людей — это их жадность и алчность. Не могут сильные чувства сводить нас с ума так, как это делают деньги, много денег, появившихся за короткий срок. Мы расточительны — и вместе с тем хотим больше, больше и больше, в конечном итоге просто теряя всякую человечность.

Потерявший человечность и ослеплённый жаждой наживы человек становится преступником. Он теряет грань дозволенного, полагая, что в мире всё можно уладить за деньги. И это уже в самом прямом смысле не человек, а только его жалкая оболочка.

*

Как и в дикой природе, люди борются за выживание и своё «место под солнцем». Они меняются до неузнаваемости в течение всей своей жизни. Кто-то предпочитает жить спокойно и шаблонно, кто-то — вопреки всем стереотипам и в постоянном движении.

Мир не без хороших людей, как и не без плохих. Но без зла не было бы добра, а без добра — зла. Мы можем плакать, обижаться и кричать о несовершенстве мира, а можем стать сильными. Мы носим маски, сотни, тысячи масок каждый день. Наша жизнь — вечная борьба. Снимая «розовые очки», принимая реалии такими, какие они есть, мы сможем выжить.

Наша жизнь — непредсказуемая игра.

Но знаете, *я всё-таки люблю этот праведный и порочный, добрый и злой, справедливый и жестокий, этот прекрасный, таинственный мир.*

ЖИТЕЛЯМ ВНЕЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Дорогие жители космоса! Данное письмо вам посылает не учёный и не предсказатель, а обычная девочка из небольшого городка. Если когда-нибудь оно дойдёт до вас, я, возможно, буду уже совсем взрослой, и многое в нашем мире поменяется. Но самое главное останется неизменным.

Человечество всегда хотело узнать о существовании жизни в космосе. Необъятном, огромном пространстве, покрытом тайнами и загадками. Насколько бы ни были у нас умными учёные, насколько бы ни была у нас точна техника и расчёты, у нас остаётся очень много вопросов. По мере того, как мы узнаём всё больше и больше, количество вопросов не уменьшается. В этом и есть наше главное достоинство — любопытство, желание узнать как можно больше. Люди, как губки, постоянно впитывают всё новую и новую информацию.

Читая данное послание, вы, дорогие жители космоса, явно осознаёте, что скоро станете «объектом» изучения. Ведь, в нас, людях, имеется ещё одно противоположное здоровому любопытству качество — жадность. Да, возможно, я как представитель всей человеческой цивилизации омрачаю всех нас, но считаю долгом предупредить. Если люди узнают о вас, а я думаю, что так и будет, точнее, осмелюсь предположить, то начнутся вечные вопросы, которые теперь будут направлены на вас. Готовьтесь рассказать о себе, готовьтесь постоянно быть под прицелом камер. Звучит устрашающе? Возможно. На данный момент учёные активно разрабатывают всё новые и новые способы изучения космоса. Мы с точностью можем сказать, как устроена наша солнечная система, какую площадь имеет каждая планета, примерное количество звёзд. Хотя мы и не обладаем сверхспособностями и магией. Но человеку мало этих знаний, он ищет что-то совершенно необычное и необъяснимое. Например, вас — внеземную цивилизацию.

Сколько методов и способов было придумано человеком, порой нам кажется, что мы видим вас даже в нашем мире. Удивительно, но знаете, многие из нас видели ваши летающие тарелки, некоторые как будто видели и вас самих. Действительно ли вы посещаете нашу планету? Будет очень смешно, если о существовании людей вы узнали только сейчас. Да, у людей очень богатая фантазия. Но также у нас есть чувства. Знаете ли вы, что это такое? Знакома ли вам любовь, вера, дружба. Возможно, вы никогда не слышали о таких понятиях.

Могу сказать точно, что человечество, пытаясь узнать всю правду о космосе, о жителях космоса, больше опирается на веру. Мы не всегда уверенны в своих действиях. Порой мы идём на риск. Поэтому, пытаясь раскрыть секреты неизвестности, ваши секреты, человечество ждёт от вас — тёплого приёма. Мы идём с миром. Да, все мы не без греха, и не всегда нас преследуют благородные мысли, но в данном вопросе мы абсолютно дружелюбно настроены. Разве нам нужна война с теми, кого ещё не видели никогда наши глаза. Нами движет интерес, нами движет желание изменить будущее. Сделать его более удобным для наших потомков. Сохранить род человеческий. Для этого мы открываем космос, потому что видим в нём наше

будущее. Стараемся отыскать жизнь на Марсе, потому что хотим найти новое пристанище. Возможно, не скоро, через многие века, но космос станет для нас вторым домом. Мы на это очень надеемся.

В конце хотелось бы объяснить, почему именно я взяла на себя такую ответственность обратиться к внеземной цивилизации. Я — обычная девочка, не обладающая огромными знаниями, сверхсилой или магией. Я — представитель нового поколения. Того, которое постоянно задаёт вопросы, принимая всё больше и больше информации. Написание такого письма я бы не доверила учёным, тем более просто взрослым. Пускай в данный момент они на меня не обижаются, но дети более чутко видят наш мир. В нас ещё нет той нездоровой жадности, которая порой движет некоторыми взрослыми людьми. Просто знайте, что человечество порой вторгается в чужой мир не только для того, чтобы разрушить, но и просто из-за поиска себя, поиска своего призвания. Поэтому, когда нога человека ступит на неизведанную нами планету, внеземная цивилизация — не бойтесь, мы пришли с миром!

Представитель вечно неугомонного человечества

БЮРО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВ

Просто социально-экзистенциально-психологический триллер,
или История, сшитая из канвы моих сновидений

Возвращение к вкусу жизни

2050 г. Вся медицина и образование стало полностью платным. Бедные люди мёрли, как мухи. Психотерапию могла себе позволить только элита или проститутки. Люди с нерешённым психологическими проблемами всё чаще были настолько безнадёжны, что решались на самоубийство. В современном мире появилась новая статистика. Каждый пятнадцатый умирал от СПИДА, каждый десятый — от рака, а каждый третий кончал жизнь самоубийством. Но среди тех, кто сводил счёты с жизнью, была своя статистика: 10% — из-за конфликтов в семье (из-за разводов, смерти одного из супругов, постоянных побоев и семейного насилия), 15% — из-за намеренного превышения дозы кокаина и нейролептиков, 15% — из-за невозможности повысить социальный статус и заработать много денег, 5% — наоборот, из-за слишком большого богатства, 4% — из-за того, что люди не находили одобрения у своей социальной группы, из-за того, что им было сложно найти общий язык с кем бы то ни было, 1% — по неизвестным причинам. Лидировала в списке самоубийств проблема «дефицита радости». От этого стабильно кончал с собой каждый второй, то есть 50% статистики. Эта проблема стала сверхглобальной для современности.

Бедные люди ждали мессию. Ждали того, кто спасёт их, кто не позволит им сдаться, кто подарит смысл. Вот именно, они просто-напросто перестали беременеть смыслом, вынашивать смысл и производить его на свет. Смысл стал той сладостью, которую мало кто мог себе позволить, тем более из бедных, которые не могли даже образование оплатить. Только проститутки и элита были на высоте — по уровню образования, по уровню обеспечения. Только они были вправе решать, что есть смысл, а что таковым не является. Они диктовали рабочему классу смыслы, от которых никогда не станешь счастливым и наполненным на самом деле. В моде были следующие категории смыслов: «стань обладателем 5 квартир, и всё будет ок», «купи машину нового поколения интел-стар», «покупай каждый день у проституток и элиты всякую чушь, но раз с рук лучших, то это уже осмысленное высокое хобби», «достигни 5 звёзд в карьере», «имей гарем мужчин и женщин», «имей денег настолько много, чтобы устраивать представления у нищих, где ты купишь их как рабов и будешь забавлять элиту унижением их».

Всё было настолько плохо, что каждый день радио и телевизор разрывались от хроники, где скорбели о мёртвых людях. Вместо обращения к счастью, акцента на свадьбах, новорождённых детях. Люди тосковали больше всего по ощущению счастья и радости. Они забыли, каково счастье на вкус. Их будни были серыми и безвкусными. Они были готовы отдать за счастье буквально всё, последнюю одеж-

ду с себя снять, последний кусок хлеба отдать, даже на смерть, так уж они истосковались.

И среди этого всеобщего хаоса, ужаса и безумия появилось ОНО: «Бюро экзистенциальных расстройств». Вы скажете, его открыл психолог? Нет. Психиатр? Тоже нет. Психотерапевт? Опять не догадались. Это был человек без квалификации. Когда-то закончивший юрфак и занимавшийся просто самодеятельностью, удовлетворяя своё любопытство и, о да, небольшие садистические наклонности. Криминал, вы скажете? Придут, диплом отберут, за обман и шарлатанство посадят. Но у него всегда план, как не сесть и заниматься тем, что нравится. Он знал все пролазки в законодательстве 2050 года. У него на все случаи было своё алиби. Когда клиенты спрашивали его про диплом — он говорил: «Моя гениальность — мой диплом».

Во-первых, он очень хотел спасти как можно больше людей всех сословий, независимо от социального статуса. У него был свой чёткий авторский метод борьбы с экзистенциальными расстройствами, который он как-то сочинил под парочку ароматных бальзамов, закуренных крепким до пробора горла и лёгких табачищем. И он знал, что его метод — это не болтология какая-то и сопли-слюни, а то, что безотказно помогает ему спасать бедных людей, лишённых чувства смысла. Он жил этой целью и своей работой. Он почти не спал, не бывал дома, всё работал и работал.

У него был кабинет «у чёрта на куличиках», в пятнадцатиэтажном здании, на пятом этаже, в тринадцатой комнате. Там он доводил своих клиентов до катарсиса и спустя несколько сеансов принимал роды смыслов. Смыслы иногда не хотели появляться на свет, на них приходилось давить, их приходилось стимулировать, им приходилось объяснять, какие выгоды получит носитель, если они появятся на свет белый. Работа была сложная, требующая большой выдержки, сосредоточения и милосердия, а товарищ этот имел явно выраженные садистические наклонности и наклонности к подавлению воли клиентов. Но он и это смог компенсировать, делец этакий, выбрав в своей психотерапии метод провокации и доведения до абсурда.

Юридического адреса у него, конечно же, не было. И фактического адреса. А кабинет ему сдавал в аренду забесплатно его постоянный клиент. Кабинет был у него очень своеобразным. Во-первых, кабинет был кубическим, со всех сторон одинаковый метраж. Там было одно большое окно по центру. Из мебели — шкаф, рабочий стол, стул и мягкий кожаный диван, который он раскладывал, когда предстояло спать на работе и домой не хотелось идти. Обои были нейтрального цвета, не вызывавшие никаких ассоциаций; это было специально задумано, чтобы клиенты не отвлекались на них. Он думал купить сначала красные обои, потом передумал, потом хотел зелёные в серо-буро-малиновую крапинку, тоже решил — не то, и так и остановился на стандартном выборе элиты. Большой шкаф был тоже очередным изыском. Красное дерево, вырезанный ненавязчивый рисунок, изящная дверца, которая никогда не скрипела, а только издавала томное «ля». Там висел целый набор

костюмов — все чёрные, одинаковые, ничем не отличавшиеся друг от друга, строгие, классические, всегда идеально наглаженные. Также налаченная обувь, три пары, одинаковая, расположенная на совершенно равном расстоянии друг от друга, всегда чистая и ухоженная.

У двери стояли стол и стул. На столе — удобный многофункциональный ноутбук-интел для элиты. А про имя-то совсем забыли. Его звали Джон по паспорту. Но он любил называть себя разными именами. Сегодня он был Джон, завтра Кевин, потом Брайт и так далее, а потом в один из дней снова Джон. Его деятельность требовала солидности, и поскольку только он хотел помогать людям совершенно бесплатно, ему надо было создать уверенность у народа, что в его компании много людей. Что она была такая серьёзная-серьёзная, аж на 5 звёзд. Как в глаза пыль пускать, он знал. Его знания в данной области были безупречными. Когда ему утром звонил первый клиент, он представлялся Джоном, второму — Кевином, и чтобы самому не запутаться, записывал в ежедневнике, кого под каким именем обслужил. Кабинет для него был святая святых. Сюда он никого не пускал, никого не ждал. Причины были разными.

Он любил её, свою жену. Но в их отношениях давно была ядерная зима, из которой он хотел сбежать, выбраться, но никак. Ему казалось, что она безнадёжна. Что чуть-чуть — и ему самому потребуется экзистенциональный психотерапевт из-за того, что он захочет покончить жизнь самоубийством по причине неладов с нею. Но он ждал, любил, прощал всё. Ему казалось, что он её теряет, что та звезда, что взошла в их небе когда-то давно, уже далеко-далеко и скоро совсем сгорит. Он цеплялся за эти отношения мёртвой хваткой. Он помнил её молодой и несчастной, потерянной. Он помнил, каким он был добрым, человечным, щедрым тогда, когда увидел её. Какая она была красивая, внушающая доверия, а теперь это всё куда-то пропало, как будто бы кто-то подул на этот беззащитный карточный домик. Он на первых порах искал выход, покупал ей квартиры, машины, делал ремонт. Ремонтник, скажем честно, из него ужасный, но он пытался, как мог!

Он часто думал о жизни и жене: «Каждый раз ей нужно было всё больше и больше, она загнала меня, как белку в колесе — одна работа, вторая, — и я понял, что вот-вот — и сорвусь. В итоге купил ей целый этаж в доме у элиты и дал возможность развернуться с её детьми от меня. Причём не нашими, а *её детьми*, ну от меня, это правда. Я не чувствую в них себя, мне больно. Не хочется даже об этом думать».

Один раз ему стало настолько больно, что он завязал с этими первой, второй, третьей работой, связался с элитой, претерпел много унижений и лишений от неё, как шут, лизал их пятки, и веселил, как дурачок, но это его не сломало. В итоге вышел на этого клиента, который сдал забесплатно кабинет. Добро всегда возвращается, жалко, что иногда не через близких людей.

Его личность разрывало от противоречий. Это хобби с лечением было компенсацией его глобального горя. Попытка заткнуть голос своей души и не решать проблем, которые в его семье. Сбежать далеко-далеко, оградить свой ум и свои глаза от горя. А знаете, иногда он плакал — правда, шёпотом, чтобы никто не мог услышать. А то подумают ещё, что ему тоже нужна помощь.

Деньги он наварил так чётко, что постоянно снимал проценты с инвестиций. Жене говорил, что продолжает работать там же, а не работал, просто сказал коллегам, чтобы покрывали. Элита более сплочённая, образованная. Они ценили Джона как человека и всякий раз, когда жена звонила на работу, покрывали его, говоря, что он отошёл по рабочим делам — или документы забирает, или ещё что-то.

У его бюро был сайт, где была вкратце расписана философия его работы и методы, по которым он работал. Реклама была небольшая, но правдивая. Он любил, когда нет ничего лишнего.

«Вылечу любого пострадавшего в результате потери смысла жизни. Гарантия 100%. Методы мои и только мои. Бесплатно. При оказании помощи с каждым клиентом заключаю отдельный контракт при встрече, где оговариваются все условия. Строго для людей с 18 лет. Звоните, пока не поздно, жду».

Далее был написан его номер телефона и пока нравившееся ему имя.

*

Звонки были с утра до вечера. Поездки. Джон сильно исхудал, но его глаза горели от смысла, оттого, что он видел счастье в глазах других людей. Оттого, что он был нужен другим. И себе. Наконец-то!

Он бы мог на радостях связаться с проститутками, но никого не хотел водить в кабинет. Это был настоящий храм. И он презирал гламурный мир и его ценности. У него вызывали негодование мероприятия элиты, где использовали бедных людей. Ему, конечно, нравилось смотреть на издевательства, но там, на мероприятиях, он не чувствовал сопричастности. Ему нравилось самому нажимать, он любил быть главным игроком. Искусным. Не какой-нибудь там пешкой с сюжетом психодрамы из серии «так себе». Он любил играть в игру «Я Бог, и мне пох». Вытворял с клиентами, что хотел, так что они не имели права не получить свой катарсис. Он выступал и как охотник, и реаниматор отдела патологии. Сначала ёрзал по клиенту своими концепциями, впивался в него посредством методологии, тот переживал свой символический опыт, а Джон его реанимировал, выводил из этого состояния на уровень смысла. Иногда все процессы были достаточно болезненными, но жутко эффективными.

Когда клиент его провоцировал: «Вы меня довели до слёз, я так больше не могу! — он отвечал, закуривая: «Вы пока только начали, а не выплакали море. Через слёзы душа открывается, поплачьте — и будем работать дальше».

*

Работа шла эффективно, как всегда. На этой неделе Джон уже спас от потенциального суицида троих. Он смотрел в огромное зеркало в своей комнате и гордился собой, своей безупречностью, думал о том, сколько он даёт любви и сколько получает от своих клиентов, когда те постигают смысл. Никто из клиентов никогда не видел его кабинета. И не знал, была ли его фирма зарегистрирована на самом деле. Увы, не была. Но это не лишало его контору постоянных звонков.

Он старался быть безупречным во всём. И во внешнем виде, и в работе, и в игре. В свободное время он играл в танки и другие игрушки на ноутбуке.

И, как обычно, поступил очередной звонок.

— Здравствуйте, на линии Джон. Бюро экзистенциальных услуг. Спасибо, что выбрали нашу компанию для помощи. Как Вас зовут?

— Алиса, — послышался тихий голос на другом конце, — я по поводу проблемы. Я из бедной семьи, Джон. Квартал 16. Вы знаете, о чём я. Уже три раза пыталась покончить с собой.

— Опишите кратко ваши страдания, Алиса, для заполнения заявки на выезд.

— Джон, в начале таблетки-нейролептики, причина — лишний вес 7 кг, мать откачала. Потом сильная потеря крови — успели перелить. И последнее — пыталась повеситься — но стул сломался!!! Я так больше не могу!

— Алиса, успокойтесь сначала. Хорошо, Вы описали то, как пытались покончить с собой, но не описали проблему, подтолкнувшую Вас на это. Может, начнём с проблемы, чтобы я заполнил протокол?

— Я не могу больше радоваться. Каждый день боль.

— О, это серьёзно. Согласно статистике, от дефицита радости кончают с собой 50%. Пишем ваши данные, я подъеду.

— Алиса Эст. Кафе «Безнадёжность». Район 16.

— Алиса, вы уверены, что кафе «Безнадёжность» — это лучший выбор? Там достаточно опасно, знаете ли.

— Да. Знаю. Мне больше негде быть. Жду Вас там.

— И последняя деталь, Алиса, сколько вам лет?

— Джон, можно опущу этот вопрос? Это ведь не принципиально?

— Нет, я должен знать. Моё объявление рассчитано только на взрослых людей, так как мои методы могут нарушить детскую психику. Мне не нужен хвост из опеки. Если вы не скажите, я опущу трубку.

— Джон, пожалуйста, Вы — моя последняя надежда. Если не Вы, то через два дня я не встречу своё семнадцатилетие.

— Алиса, это шантаж, мне это не нравится. Вам надо было внимательнее читать моё объявление.

— Джон, пожалуйста, я хорошо заплачу́!

— Алиса, я же не беру денег. Твоё предложение бессмысленно.

— Джон, поверьте мне, оплата будет достойной.

— Хорошо, Алиса. Вы меня убедили, поговорим на месте. Если я сочту, что у Вас серьёзно, помогу, так и быть. Только ни слова элите, что я пачкаюсь с чернью из 16 квартала, да ещё с малолетней. Я не хочу брать ответственность за клиента, в наших договорах чёрным по белому это написано. Буду через полчаса.

— Жду Вас. Как Вы выглядите, я знаю. Я постараюсь удовлетворить Ваши ожидания. Столик №5.

*

Джон подъехал к кафе. С одной стороны, он был в гневе, что его уговорила малолетка. Он ненавидел детей. От одного их вида его выворачивало. Он вспоминал неоправданные надежды, связанные со своими. Он так бережно в них закладывал себя, с душой, искусно, всю душу заложил, оставив только маленький осколочек у себя. Маленький и кривой. Вся эта ситуация вызывала слишком много боли, нельзя было об этом думать, поэтому он и ненавидел детей. Так как у его знакомых из элиты дети брали пример с отца, подражали отцу, а он на кой чёрт взял себе в жёны женщину из квартала №3, сам не знал. Она его приворожила, только такое оправдание он мог найти. А поскольку он был очень обязательным, он не мог её бросить, быстро она из черни превратилась в элиту, только она стала элитой внешне, так как он купил ей квартиру с этаж, собирался купить автомобиль нового поколения-интел. Но сознание у неё так и осталось на уровне черни из квартала №3. Он пытался поднять её на уровень выше. Но каждая попытка вроде бы хорошо начиналась, но заканчивалась крахом. И унижением Джона. Ему объясняли, как он туалет неправильно настроил, хотя дело черни — чинить туалеты, ему объяснялось, что он не мужчина — детей не умеет воспитывать, общаться с ним не о чем, а в сексе вообще ужасный любовник. Он гонял у себя поначалу это в голове туда-сюда. Он по-своему решил эту проблему. Думал, по крайней мере, что решил. Но на самом деле просто избегал и делал вид, что не существует этой проблемы. И раз в месяц присылал жене всю зарплату, оставляя себе на чай, сигареты, кофе и порошок для стирки костюмов, также немного на еду и совсем чуть-чуть — на платный игровой контент.

*

Она сидела угрюмо за столиком №5. Бледные белые руки были сложены одна на другую. Взгляд опущен. Поза сжатая. Одета была вульгарно — короткая юбка и корсет, чулки, накрашена явно с перебором. Длинные чёрные волосы до талии. Губы потрескавшиеся. Лицо было правильным, симметричным, грустным, выразительной овальной формы. Ему показалось, что вот-вот — и она заплачет.

Он легко, как кошка, подошёл к столику. Поездки сделали его чересчур худощавым, лёгким, как пёрышко. Воздушным. На вид ей было действительно лет 16-17, но она не произвела на него впечатления инфантильной.

— Алиса?

— Да, Джон. Я Вас ждала.

— Алиса, что тебя побудило позвонить мне и отнять столько моего драгоценного времени?

— Ааа...

— Что?

— ...

Девушка выглядело напугано. Сжалась ещё сильнее. Джон подумал, что ей показалось, будто он её накажет за то, что она позвонила и не подходит по параметрам объявления. Джон был из элиты, а когда чернь звонит элите без повода, элита, по законодательству, имеет полное право позорно отлупить чернь при всех ремнём из 18 стяжек. Джон имел с собой этот ремень.

— Ладно, я попробую начать сам. Моё время и внимание — огромная ценность, Алиса. Нам звонят только при безысходности, так как на платного профессионала нет денег. У черни, кроме меня, нет шансов, а я жестокий человек и никому бы не посоветовал себя в качестве психотерапевта, особенно тебе, девочка. Я не беру денег, но я ненавижу детей — их инфантилизм и бестактность. Так что перед предложением контракта Ты, Алиса, должна мне предложить то, что меня убедит работать с тобой, самое ценное, самое святое, то без чего ты — не ты. И без глупостей, пожалуйста. Я вижу, что ты напугана, сейчас тебе принесут водки, это может помочь тебе открыть рот.

Джон смотрел на то, как зажатая девушка попыталась шевелить губами, а звука-то не было. Скоро официант принёс водки, но девочку продолжало трясти, сжимать, такое ощущение было, что она вот-вот и упадёт в обморок.

— Понимаю, тебе нечего сказать, — промолвил Джон, взял полную стопку водки, подошёл к Алисе, обильно смочил жидкостью пальцы левой руки и сначала провёл ими по её губам. Они увлажнились. Но всё равно он чувствовал, что что-то не так. Глаза у Алисы начали стремительно мутнеть.

«Плохо, мы её теряем», — дошло до Джона.

Он запрокинул голову девочки, ещё раз смочил пальцы в водке и засунул ей глубоко в горло. Потом быстро вынул. Девочка успела отвернуться, и её вырвало прямо на пол. Еды в тошноте никакой не было. Только таблетки — циклодол, амитриптилин, галоперидол и другие из группы нейролептиков. Их была целая горсть — к счастью, они ещё не успели раствориться.

— Иди, умойся, красавица, — велел он, когда та прокашлялась и проблевалась, — я с тобой в толчок пойду, а то ещё натворишь там херни какой-нибудь.

— Нет, пожалуйста, не идите со мной. Зачем Вы всё это делаете? — еле слышно спросила девочка.

— Я тебя пришёл с того света забирать, разу уж решил, то буду действовать по плану и по законам нашей организации.

Они вместе пошли в туалет. Он, конечно, не смотрел, да и на что там было смотреть, такие явно не в его вкусе. Причём блюющие таблетками малолетки.

Она сделала свои дела, умылась, привела себя в порядок.

— Надень, — сказал он, давая ей повязку на глаза.

— Я не пойду никуда с Вами. Я передумала. Я хочу ещё циклодола. Мне срочно нужно достать циклодол.

— А я нет, Алиса. Тебе нужна моя помощь, просто у тебя сопротивление, так как новое пугает, раз уж ты обратилась ко мне, я доведу тебя до смысла любой ценой, как обещал, даже если потребуется применить силу для твоего же блага. Преодоление сопротивления — эта важная часть психотерапии.

— Нет! Я хочу подохнуть! Прямо в этом толчке! В этой грязи, только верните мне мой циклодол.

— Посмотрим, насколько ты хочешь этого, а ну-ка, давай-ка, — сказал он, взяв её за красивые волосы и начал окунать головой в раковину, полную воды, и держал ровно столько, пока она не начинала захлёбываться, — ну как, интересно? Очень хочется? Я обеспечу тебе это по полной программе. Хочешь, я умею. И знаешь что, мне нравится смотреть, как умирают люди на моих глазах, и я в этом участвую.

Через несколько таких заходов она вроде как пришла в себя. Но лицо стало немного опухшим.

— Пошли. Жива?

— Жива, — ответила Алиса.

— Так вот, поедем ко мне в кабинет, буду тебя там лечить.

— Хорошо, я согласна.

— Вот, совсем другой человек передо мной.

Джон начал улыбаться. Он был жутко доволен своей работой, особенно эффективностью. Но это была просто маленькая игра, а настоящее лечение у него должно было произойти в кабинете, и он это знал. Пока она такая беззащитная, она ничего не сможет ему сделать, но всё равно надо её контролировать. А вдруг? Если он не даст ей второй шанс — семнадцатилетие она так и не справит. И оно никогда не наступит. Он решил рискнуть и всё-таки отвезти её в кабинет.

Она еле шла, постоянно спотыкаясь, ему в какой-то момент надоело, что она идёт слишком медленно, и он её понёс. Конечно, знал, что элита будет пальцем показывать, но уж слишком жалко стало её. Он хотел быть человечным, чтобы возникло доверие, важное для работы. Уже было темно, когда он занёс её в кабинет.

— У тебя одежда вся грязная, тебе надо постирать, лицо смыть, кабинет — святое место — слышала, и без происшествий, — сказал он, дав ей полотенце и длинную чёрную майку.

— Я устала.

— Ничего не знаю, жду тебя через 10 минут здесь.

Она пошла. Через 10 минут уже всё успела постирать и помыться.

— Спасибо, Джон. Вы так добры ко мне.

Он указал ей на стул.

— Садись, читай условия договора. Нашего с тобой экзистенционального сценария на период лечения.

«Джон, член и глава Бюро экзистенциональный расстройств, может делать со мной всё, что взбредёт ему в голову, не неся за это никакой ответственности. В отличие от других клиентов, я не имею права менять правила игры, так как я несовершеннолетняя, отказываться от методов лечения, даже если я буду видеть в этом полный произвол и надругательство надо мной как над женщиной, как над человеком, любое сопротивление лечению будет жестоко наказываться, способами, которых бесконечное множество. Этот договор мною прочитан, я с этим согласна (ФИО), подпись».

— Я подпишу.

— Подумай, это ведь значит, что я могу после подписания этого контракта тешить свою душеньку, как хочу, это смертный приговор, если мне взбредёт в голову, и я не буду доволен результатами, я просто могу без сожалений поломать тебе рёбра и выбросить из окна пятого этажа. Ты в курсе — у нас пятый этаж?

— Джон, ты — последняя надежда, я говорила тебе по телефону.

— Предположим, и да. Но что ты готова отдать мне ценного за эту работу? Работа тяжёлая, сложная, временами противная. Ты сказала, что у тебя есть что-то ценное, когда мы разговаривали по телефону.

— Джон, ну ты же бесплатно помогаешь!

— Для тех, кому больше 18. Ты не подходишь на год и два дня — о, уже год и один день, — заметил Джон, посмотревши на часы.

— Джон, я готова продать тебе за это свою душу!

— Ой, вот не надо со своими душами. Я свою не знаю кому продать, чтобы в моей семье мир снова стал прежним. Причём продажа души — это жутко старомодно. Это давно потеряло актуальность.

— Тогда я могу тебе предложить свою девственность. У меня ещё никого не было.

— Каждый день эту попсу слышу, Алис, это жутко не актуально. Предложи мне действительно что-то ценное. А то получается, я должен работать за то, чтобы переспать с девушкой, к которой ничего не чувствую. Ты жалка. Да ещё после того, как я смотрел, как ты блевала таблетками, у меня вообще всё упало. Может, сначала и был какой-то интерес такой. Жду следующий вариант. Что-то действительно стоящее.

— Я могу тебе делать чай, стирать костюмы, — Алиса не успела договорить, как он её перебил.

— Это я где-то уже слышал. Стирка, готовка, ремонты. Нет, совершенно меня не мотивирует. Алис, где твой артистизм, где фантазия? Как же твои слова, слё-

зы — «я дам вам то, что никто не может»? А? Я поэтому тебя взял? Буквально спас из туалета, где ты бы откинулась, не приехал бы я такой красивый и ответственный. Пока ты мне предложила три стандартных банальности, которые мне не нужны, которые у меня вызывают рвотный рефлекс. Ты думаешь, я не могу снять шлюшку? Элита мне пришлёт в срок любую женщину, которую я захочу. Это совсем не напрягает, и только удовольствие сплошное. И по моему вкусу, и по моему статусу. А ты мне про девственности, какие-то кастрюли, душу. Давай, дама, не имей мозги мне, а то выпорю за звонок — так и быть, не при всех, а здесь, сделаю тебе поблажку. Видишь там, какие зеркала у меня большие. Вот так тебя поставлю, а ты будешь на себя смотреть со стороны, как я тебя порю. Кажется, в этом есть какой-то смысл.

Джон уже было начал доставать ремень. Как её начало трясти!

— Джон, не надо, мне страшно. Пожалуйста, не делай этого. Нет!

— Ничего не слышу. У тебя ровно две минуты, чтобы сказать чётко что-то, что может меня цепануть, мотивировать, или сама знаешь, не буду повторяться.

Она мялась, мялась.

— У тебя осталось 15 секунд.

— Я знаю, что тебе предложить.

— Хорошо, я весь во внимании.

— Я буду тебе служить. И разрешу тебе делать со мной то, не зная что. И буду двигаться туда, не зная куда.

— Вот это уже намного интереснее. Что ты имеешь в виду под «служить»?

— Ну, это как Богу служат в Церкви. Только без фальши. По-настоящему.

— А ты религиозна?

— Да.

— Почему же твой Бог тебе не помог?

— Он плохой Бог, потому и не помог. А ты хороший, я тебе верю, я могу тебе предложить служение и относиться к тебе как к высшей силе — карающей, когда ей надо, радующей — когда есть настроение. А поскольку Бог сила абсолютная, и ей нельзя ничего противопоставить, то я буду верить в то, что это судьба, что ты поможешь мне обрести радость снова, что когда-нибудь я смогу позволить себе такую роскошь как улыбка.

— Это явно намного лучше других вариантов, я его принимаю, но ты должна точно знать, что когда переступила порог кабинета — назад только два выхода: либо я тебя в окно выкину, будешь паясничать если, либо ты выйдешь здоровой через дверь. Ну, это как у меня настроение будет. Ты ведь знаешь, что я не психотерапевт. Это моё хобби. Я любитель. Да ещё и с садомазохическими наклонностями, особенно в плане садизма. И никаких таблеток больше, я тебя откачаю от этой хери, сегодня проспишься. Видать, и взгляд будет осознанный. А теперь бери ручку и подписывай.

— Джон, я не могу решиться. Ты ставишь слишком тяжёлые условия. Сразу уровень хардкора какой-то. Мне бы попроще.

— У других попроще — и результат никакой от лечения. А у меня всё хорошо, человек либо откидывается, либо выздоравливает, была, конечно, пара убийств, но черни. Вас же так много, как тараканов, одного убиваю, другой приезжает, есть всегда над чем поработать. Причём когда я убиваю, в этом есть плюс для вас, самоубийц-неудачников: я это делаю быстро, красиво и с минимальной болью.

— Но мне страшно, я так не хочу, отвези меня обратно в мой район. Я не буду ничего подписывать. Выпусти меня отсюда.

— Я сказал — обратно только в морг. Какая тебе разница, кто тебя убьёт? Я хорошо это умею делать, безболезненно, когда настроение хорошее. А ты сейчас ещё чуть-чуть — и выведешь меня из себя своим сопротивлением и ложной тревожностью. То ты хочешь подписывать, то нет, то обещаешь мне, что я могу с тобой всё, что душе угодно, то говоришь — нет, не можешь, отвези обратно. У меня нет случаев, где я не вылечил кого-то, тебе ясно? Дефицит радости — это вообще банальщина, раз плюнуть. Кого я не мог вылечить, сами застреливались при мне, а если не могли — я помогал. Либо подписываем и ведём себя согласно договору, либо у нас будут реальные проблемы.

— Джон, сюда летит интел-вертолёт и налоговая, брать аренду! Ты оплатил аренду помещения? Сам же знаешь их, они суровы, особенно элитские.

— Что? — Джон насторожено подбежал к окну. Он уже коммуналку несколько месяцев не платил — и вдруг действительно выследили?

Только он повернулся, как Алиса, воспользовавшись моментом, побежала вон из кабинета.

— Вот мерзкая девчонка! — крикнул он ей вслед. — Ну, ты далеко не убежишь, здание закрыто, уже два ночи, на первых трёх этажах на окнах решётки. — Подвала тут и чердака нет, ты полностью безоружна, спрятаться негде, я тебя найду и убью, слышала! Сучка. Ты меня довела, так ещё никто не делал. Никто ещё не позволял меня, экзистенциональщика, обвести вокруг пальца, все воспринимали меня как Духа Святого! А ты мне, элите, вызов бросила! Это меня даже заводит. Сейчас я тебе как в глотку пуль заряжу полную дробь и хребет сломаю своим фирменным ножом кухонным.

Джон взял свой любимый пистолет, который бережно полировал каждый день, также запасся ножом. Он хранил эти вещи до случая, зная, что он рано или поздно наступит. Вот, называется. Связался с малолеткой, никакой дисциплины, никакого уважения к старшим. Я-то думал, что она мне доверяет, привёл в кабинет. А она так со мной. Знала же с самого начала, на что подписалась. Что я жестокий, бесчеловечный.

Джон выведывал обстановку, везде царила тишина.

Ну, я-то все углы знаю в здании, я быстро смогу её найти. Ей сегодня мало не покажется.

Он бродил, пытаясь на носочках идти, чтобы услышать сердце и дыхание. «Они когда боятся. Все такие напряжённые».

Потом он где-то в коробках на втором этаже кое-что обнаружил. Она сидела в углу, вся зажатая, всхлипывала, плакала. Казалась такой жалкой, беззащитной, печальной. Он просто не мог на это смотреть

«Это получается, я даже не могу дать ей выбор. До чего я дошёл с этими семейными проблемами, какой я стал вспыльчивый и чёрствый. Почему я ей показываю то, что детям нельзя видеть? Почему моя человеческая сторона обращена к людям, к жене, к детям, а на неё такая бурная реакция чего-то иного? Кто я такой? Я себя такого не знаю совсем...»

Он встал перед этим зрелищем, хотел уже передумать, начать снова её упрашивать, теперь без насилия, подписать. Но она сильно плакала, буквально разрываясь в истерике. Он присел рядом к нею.

— Ну, знаешь, у нас у всех бывает в жизни сложное время. И у тебя тоже сложное сейчас, надо пережить это — и всё. Надо совершить переход.

Она, заметив, что Джон потерял былой запал, и близко, увидела, что он уже сигарету закурил, и хвать нож у него, прямо беспалевно вытащила внаглую из ремня. И как побежала вверх!

— Ах ты, сука! Второй раз меня обманула, опять я поддался, как ты можешь так со мной! Этажи закончатся рано или поздно! Ты слышишь, я тебя найду, ты долго так не продержишься!

У Джона в арсенале оставался пистолет. Он был заряжен целой обоймой. Стрелял быстро, убивал безболезненно. Это чудо техники не раз помогало ему в разных ситуациях, и он полностью ему доверял.

— Ты где, я тебя всё равно выслежу, ты меня слышишь? — кричал он уже в крайнем гневе. — Вот, мать твою, помогай после этого людям... Слышала, мразь, сейчас ты получишь дробь прямо в горло, но вначале я тебя так выпорю, вот увидишь! Я обещаю, у тебя будет жаркая ночка. Последняя, что самое важное.

Он бродил от этажа к этажу. Не думал, что она так быстро адаптируется к игре. Повышенная сложность как-никак. Уровень мастера. То, не зная что, как на заказ.

Пока он поднимался на последний этаж, уже как-то устал, вышел на балкончик покурить. «Я так завёлся, блин. Мне надо немного остыть. Ну что я начал — дробь в горло, дробь в горло, по самые гланды. Совсем уже вкус потерял, стал банальным до невозможности, этот стресс в моей жизни убивает всё воображение. Надо было ломать ей пальцы и выдирать ногти, чтобы она сама дробь попросила. Надо человека доводить, чтобы он умолял дать ему быструю и безболезненную смерть».

— Ой, что это... — пробормотал Джон, вынимая нож из своего бедра. — Твою мать, знакомый нож... Что он у меня в бедре-то делает, что за херота такая зелёная. А, это ты сучка, втихую. Думала, что я не замечу у себя ножевое ранение в бедро? Я что, вообще лох какой-то? Ты меня за кого принимаешь? А? И где ты? Я тебя сейчас найду. Дитё, раз нож взяла, научись им управляться, а не чуть-чуть вводить куда-нибудь, ты реально только жалость вызываешь своим поведением.

Теперь у него был и нож, и пистолет. Алиса бездарно использовала свой последний шанс.

Он ясно слышал её шаги.

— Палишься, как ты предсказуема. Сейчас я догоню. Надоели уже эти салки, если честно.

Она бежала, как могла, вниз, всё ниже и ниже. Спотыкаясь, падая, пачкая майку, снова поднимаясь. Судорожно дыша, напоследок крикнув:

— Ты не посмеешь!

— Ещё, мать твою, как посмею, и так посмею, и сяк посмею, мне всё можно! Какая-то мразь мне диктует правила в моей собственной игре, где я Бог, а остальные лохи полные. Это просто невыносимо терпеть!

Он понимал, что она так и дальше будет его дурить. Каждый раз, изобретая новый способ, и так он скоро выдохнется. Так как много табака сказывается на здоровье.

Он теперь передвигался на носочках, чтобы его не было слышно, периодически скрывался за коробками, чтобы его не было видно. Всё делал. Чтобы её выследить и застрелить. Он уже придумал. Как будет это делать. Медленно, но верно. Сначала прострелит ногу, потом вторую, потом плечо, потом второе, и напоследок в горло остаток пуль. «Да, она это заслужила. Да как она вообще могла вести себя недисциплинированно в кабинете? Там даже костюмы идеально повешены по сантиметрам, там всем хорошо. Там Земля, мать твою, Обетованная. Непонятно, что ли. Какого чёрта творит»?

Потом он заметил, как она пытается на носочках перейти на лестничную площадку. Не замечает его, прекрасно. «Что? Начнём с левой ноги».

Он чётко целился, правильно словил момент и попал по икре. Она упала. Вся сжимаясь, через боль поднялась — быстро, но скрипя зубами, — и поскакала на одной ноге, прихрамывая другой, и уже почти до второго этажа. Едва поднялась по лестнице, как он прострелил ей вторую ногу.

— Дорогая, зря ты так поменяла сценарий, осталась бы ты в кабинете и подписала — ничего бы не случилось, а теперь я просто обязан тебя убить, я столько попыток тебе давал, а ты, бездарность такая тупая, не воспользовалась.

Когда вторая пуля прошила её икру, она здоровенько поскользнулась и упала с лестницы прямо ему на руки.

— О. Ты, наверное, думала, я тебя от большой любви поймал, да? Угадал? — спросил он.

— А вдруг, — прошептала девушка.

— А вот и нет, я ещё не прострелил тебе плечо, первое и второе, а также я запас пуль для твоего горла, пули у меня на вес золота, поэтому я так, осторожно, ничего лишнего не потратил, всё пошло по назначению.

— А можно...

— Что можно?

— Последнее желание перед смертью.

— Хорошо, так и быть, я тебе разрешу что-то пожелать. Проси. Я подозреваю, что ты хочешь лишиться девственности? Это они обычно просят, я хороший любовник. Так и быть, один раз ты перед смертью заслужила за это приключение — так меня потешила, у меня даже интерес появился к тебе, представляешь, ты ведь даже пыталась меня убить ножом — правда, неудачно, но всё-таки. Никто этого не пытался сделать. Похвально.

— Кто «они» просили лишить?

— Те, кого я убил раньше тебя.

— Не хочу тебя огорчать, но у нас разные желания. Ты говоришь про себя, что ты бы хотел перед тем, как меня убить, и то — потому что трупы трахать неинтересно.

— Да перестань, я чистосердечно предложил. Ты отказалась, твоё дело. Проси чего-нибудь другого. Я доволен.

— Знаешь, что бы я хотела?

— Даже не представляю.

— Я никогда не ела конфет. Знаешь, по телевизору, который стоял у одного мужчины, показывали, что в районе №3 делают конфеты, а у меня не было никогда конфет. Они красивые были, в бумажечках расписных, разных цветов. Принеси мне конфеток, будь другом, и потом можешь мне стрелять, куда хочешь, ножи вставлять — хоть во всю спину, после конфет будет уже не страшно. Я ведь даже не знаю, что такое сладкая жизнь, меня пичкали этой хуетой с самого детства, этими колёсами дрянными, я вся зависимая, с тобой я хоть, когда по этажам бегала, почувствовала какую-то свободу из-за адреналина, что поступал мне в мозг. Я почувствовала реальные ощущения. А не наркотические, не суррогаты. Пожалуйста, выполни моё последнее желание!

— Я немного тронут, если честно, — промолвил Джон. — Ну, раз конфеты, так конфеты, я пока схожу, а ты полежи тут, на полу, ладно. Надеюсь, ты никуда не убежишь с простреленными ногами? Хорошо?

В полной уверенности, что она никуда не денется, он пошёл за конфетами. Он представлял, как первый раз в жизни будет кормить её конфетами, рассказывать о шоколадных, о конфетах с начинкой, о тех, что в Новый год под ёлку кладут, про конфеты с трюфелями. Даже от таких мыслей начал улыбаться. Вот мы, элита, живём, зажрались, а у кого-то ни мужика, ни конфет — никакой радости в жизни нет,

один суррогат — циклодол. Теперь мне понятно, почему у неё такая жизнь. Но она действительно играла достойно, так что заслуживает самых лучших конфет.

Когда он пришёл обратно с конфетами, её не было.

Чёрт, куда она могла пропасть? Вот уже на волосок от смерти, а продолжает меня дурить. Как так можно? Что в этот раз? Я же ей обе ноги прострелил, чтобы наверняка. Что она придумала там.

Тут он услышал треск. Зашёл в туалет — и видит картину маслом.

Она разбила зеркало в туалете — и в руках держит осколок.

— Я не хочу умирать, я убью тебя! Убью, козла! Зарежу нафиг.

— Мадам, это уже переходит все мыслимые и немыслимые границы, я принёс Вам конфет, как Вы просили, и Вас ждёт пуля в горло, напоминаю. Это совсем не больно, это будет намного лучше для Вас по сравнению с болью от бессмысленной жизни. Раз — и дорога в Рай Вам просто обеспечена. Мученица — это святая, мученица — это достойно, бросьте осколок, не смешите меня, и мы закончим по-хорошему.

— Нет. Я реально хочу жить, Джон. Я решила для себя. У меня есть, зачем жить, это так чудесно естественно — чувствовать боль, возбуждение, то, что есть хоть один человек, кому ты нужен, не важно, на какое количество времени, просто нужен, который тебя не воспринимает как аппарат для мойки, стирки и выполнения своих мини-целей и мини-желаний, даже если он болен садизмом.

— Я понял, ползи ко мне, я тебя конфетками покормлю — вот эта шоколадная хочет тебе в рот. У меня целый пакетик с собой, и все они разные. Есть леденцы, с вафелькой, с орешками.

Она подползла на руках. Он посадил её к себе на колени и кормил конфетками. И уже реально замучался от подвохов, поэтому на всякий случай, так как она показала исключительную живучесть и волю к жизни, подставил нож к её шее, для надёжности, для самообороны, так как ему не верилось, что даже с обеими простреленными ногами она пыталась его убить.

— Убери нож от моей шеи, — попросила она.

— Знаю я твои «убери нож», «я больше не буду» и прочее, ешь уж конфеты, не обращай на меня внимание.

Он почувствовал, что она перестала трястись, вынул из кармана пистолет и засунул ей в рот.

— Ну как тебе привкус стали? — спросил он.

— Сойдёт.

— Тогда я сейчас по-быстрому, ладно, я обещаю, будет не больно. Тебе больше не страшно? Ты готова умереть?

— Да, я хотя бы несколько часов по-настоящему жила, и мне теперь спокойно. Значит, мой путь не зря. Спасибо тебе.

Джон нажал на курок.

Мёртвая тишина.

Джон кинул пистолет. Его лицо выглядело счастливым. Она мгновенно вырубилась. Только вот не от пули, а от эндорфинов — которые поступили в мозг и оказали сильное тонизирующее воздействие. А пуль в этом пистолете не было. Когда он шёл за конфетами, то решил вынуть остаток пуль, так как действительно в нём проснулся остаток человечности, остаток той души, которая когда-то была доброй, щедрой и целостной.

«Первый этап терапии завершён. Клиент явно идёт на поправку», — пронеслось у него в голове.

Он дошёл до кабинета, вынул ключ, открыл, потом закрыл на ключ, спрятал его.

— Захочешь теперь выбраться, я ошибок не повторю — только через окно, пятый этаж. Поломаешь все рёбра, дорогая. Я их не склею.

Он разложил чёрный диван. Светало.

«Блин, скоро опять клиенты будут звонить», — пронеслось у него в голове.

Ну ладно, сегодня чуть-чуть отдохну. Вначале он обработал раны Алисы, вынул пули из голеней, наложил гипс, переодел её в белый длинный балахон. Он разложил чёрный мягкий диван, постелил бельё белое, со всех сторон он стелил максимально ровно, чтобы всё казалось безупречным.

Он снял ремень со штанов и завязал им ей руки за спиной, а то он уже понял, с кем связался, решил больше так не рисковать. Азарт — азартом, а зеркала в кабинете хочется оставить в покое. Кабинет — ведь это святая святых. Хочется видеть свой безупречный вид в этом большом чётком зеркале. Снова и снова.

— Алиса, дорогая, завтра ты откроешь для себя новые эмоции и новые смыслы, а пока спи, наслаждайся настоящим сном. А не азалептином, не персеном, не корвалолом, не валокордином... то, что я дарю тебе, дорогая, не купишь ни в одной аптеке. Ты должна это оценить.

Он быстро и безмятежно заснул. Даже выключил телефон. Чувствовал какую-то непонятную радость и наполненность.

Возвращение к вкусу реальной чувственной любви

Она лежала. Губы были безумно сухими. Она проснулась. Солнечные лучи били в окно, дул лёгкий ветер. Окно было открыто нараспашку. Она могла выйти в окно и разбиться об асфальт. Руки были крепко связаны ремнём. Он оставил за ней выбор, последнее слово. В любую минуту — окно было открыто широко.

Его не было — наверное, встреча у клиентов.

— Вот она, какова свобода в районе элиты №11, — подумала она, вдыхая воздух, наполненный кислородом, а не спиртом и запахом гнили её родного района черни №16.

В двери повернулся ключ. Джон зашёл, весь запыхавшийся.

— Добрый день, Джон, — поздоровалась она. — Может, руки-то развяжешь?

— Нет, Алиса, наша страна чудес сегодня будет играть с тобой до твоего очередного катарсиса. Я не хочу, чтобы ты разбила моё великолепное зеркало, поэтому и связал тебя.

— Наивный. Если бы я реально захотела разбить твоё зеркало, я бы это сделала головой, руки мне для этого не понадобились бы, и убила бы тебя во сне осколком зеркала, который взяла бы зубами. Ещё вариант открою твой шкаф, разгрызу твои костюмы, а что от них останется, положу на твой стол, ногами перенесу твой стол на такой край комнаты, что он будет смотреться просто-напросто некрасиво, ртом открою твой ноутбук и разобью головой экран.

— Ух, полегче. Откуда столько агрессии? Ты же всего лишь девочка, которой завтра исполнится семнадцать.

— Это не агрессия. Это защита. Ты вчера меня чуть не застрелил, бегал за мной с ножом, заставил пережить неимоверный стресс. Хотел изнасиловать под предлогом, что это моё последнее желание! Как я должна после этого себя вести? Ну, как?

— Хотел застрелить, но не застрелил, а подстрелил. Хотел изнасиловать, но не сделал этого, только создал предпосылку для того, чтобы ты с химии этой сошла и хоть что-то почувствовала реальное, хотел тебя возвратить к естественной биохимии. К ощущению боли, к ощущению влечения к жизни, к появлению хотя бы каких-нибудь желаний. Знаешь, в этом кабинете я врач, я знаю, что делаю.

— Ты не врач. Ты настоящий шарлатан, который компенсирует свою несостоятельность в остальных областях жизни.

— Может быть и так. Но я сломаю твоё сопротивление. Открою тебе такой маленький секрет: чем больше ты будешь оказывать сопротивление терапевтическому процессу и отказываться делать то, что я прошу, тем более затянется наша терапия, также она может прейти в более агрессивные формы. Так как твоя агрессия вызывает только ответную агрессию у меня. Твоя повышенная защита вызывает повышенную потребность пробить её, получить то, что за нею спрятано. Это как красное пятно на белой простыне: сопротивление возбуждает мою потребность достичь результата. Ну и теперь ты согласна подписать со мной контракт?

— С тобой подписывать контракт — как с Дьяволом.

— Я не Дьявол. Я элита из района №11. Знаешь, что я тебе принёс. Мороженое с клубникой, большой рожок. Хочешь поесть?

— Да, я буду не против. Я так проголодалась.

— Я тебя, так и быть, покормлю, поухаживаю за тобой. Вот видишь, причина твоей агрессии — голод. А ты когда-нибудь пробовала мороженое?

— Нет.

— А клубнику?

— Нет.

— Блин. Какой же гадостью тебя кормили? Я даже не могу представить.

— Только растворимая лапша Ролтон.

— Ну, это основной возбудитель гастрита и язвы желудка. Как это вообще можно есть?

— Можно, когда нечего. Иногда я воображала продукты, которые видела по телевизору, и делала вид, что вкусно, хотя иногда потом всё выблёвывала. Мой желудок — это большая язва, всё болит, представляешь.

— Представляю. Но это решаемо, не грузись.

— Что, правда?

— Да, я знаю, как, можешь мне довериться.

Он посадил её к себе на колени, под шеей держал нож, чтобы не было рецидивов — осколков, костюмов и прочей херни, на которую он явно не рассчитывал. Развернул рожок и поднёс к её губам.

— Можешь есть, я тебе разрешаю.

— Вы такой добрый, — она медленно начала есть.

Он подносил его всё ближе и ближе, пока рожок не закончился. Потом она открыла рот, и он засунул ей кончик.

— Как тебе мороженое?

— Такое удовольствие, — расплакалась она.

— Ну, не надо плакать. Это же просто удовольствие. Разве у тебя такого ни разу не было?

— Нет, не было ни разу! Представляешь. Я подпишу договор, давай его сюда, и ручку.

— Тогда я освежу твою память, прочитаю тебе, я уже вписал твоё ФИО сюда, тебе только надо подпись поставить. «Джон, член и глава Бюро экзистенциональный расстройств, может делать со мной всё, что взбредёт ему в голову, не неся за это никакой ответственности. В отличие от других клиентов, я не имею права менять правила игры, так как я несовершеннолетняя, отказываться от методов лечения, даже если я буду видеть в этом полный произвол и надругательство надо мной как над женщиной, как над человеком, любое сопротивление лечению будет жестоко наказываться, способами, которых бесконечное множество. Этот договор мною прочитан, я с этим согласна (ФИО), подпись».

— Возьми ручку, — он открыл ей рот и засунул ручку.

Она наклонилась и подписала.

— Так бы сразу, мы бы обошлись без таких потерь.

— Джон, ноги болят.

— Пройдут, я положил туда заживляющее лекарство, оно, конечно, немного щиплет, но поверь, ещё день-другой — и они будут как новенькие. Теперь поудобнее ляг на диван. Расслабься. И слушай мой голос. И следуй за моим голосом. Пусть это будет путешествие. Активизируй своё воображение.

— Хорошо, Джон. Я легла. Я слушаю тебя.

— Замечательно. Я тебе буду рассказывать маленькие истории, а ты свободно ассоциируй. Напомню — лучше без сопротивления. Слово «Нет» не должно присутствовать в твоих ассоциациях, дай им спокойно плыть в тебе, поднимаясь выше и доходя до сознания. Любой ответ будет правильным. Нет ложных ответов. Не ограничивай себя.

*

— Авраам был готов отдать своего единственного сына Исаака Богу. Он уже вёл его на смерть, но в последний момент отказался, так как Бог понял его верность. Что ты думаешь по этому поводу?

— Авраам любил Бога, он был преданным.

— Кришна был со многими гопи сразу. Кришна любил гопи. Каждая гопи знала, что она индивидуальность, она знала, что в игре Кришны занимает своё законное место. Что ты чувствуешь по этому поводу?

— Гопи были преданы Кришне, они открывали ему своё сердце без сожалений, полностью доверяя ему.

— Мария Магдалина шла за Иисусом Христом до Распятия. Плакала у его Креста. Что ты думаешь по этому поводу?

— Она была преданна, она любила Христа за идею. Отречение было равносильно духовной смерти.

— Апостол Павел сидел в заключении долго, писал оттуда свои послания Церквям. Почему он не забросил дела, почему он был верен тому, кого даже не встречал при жизни?

— Потому что он принципиален, он верен, предан своему пути, он предан Христу.

— И что, по-твоему, объединяет эти истории?

— Они служили по-настоящему, любив своего Творца! Были готовы идти за ним до конца жизни.

— У меня был случай. Когда я взял опеку над одной женщиной из черни, всю душу выложил на стол. А она, что ты думаешь, плюнула на неё, хотя я её спас, я был Богом для неё. Что я делал не так?

— Хм. Что не так? Ты думал, что ты для неё Бог, но не был им. Твои иллюзии сыграли с тобой злую шутку. Только религиозные люди могут любить Бога, только они могут быть преданными! А ты своим религиозным взглядом оценил человека и его поступок, который не имеет к идее сакрального никакого отношения.

— В твоих словах есть определённый смысл. Извини, что переключил на обобщение не из плоскости, в которой мы работаем, просто стало любопытно, ты так хорошо обобщаешь, с логическим мышлением у тебя всё отлично. Так вот, мне нравится идея преданности — я от неё тащусь, привязал к себе человека — и он за тобой следует, смотрит тебе в зубы, как будто ты Бог, а он служитель. Ты понимаешь, к чему я клоню?

— Нет.

— Да ладно. У тебя по взгляду видно, что понимаешь. Просто слово «Нет» тебе нравится. Когда ты его произносишь, аж в глазах сверкает. Ты прекрасно всё понимаешь.

— Да в твоих словах даже нет намёков. Для меня это буквальность. Я знаю, к чему ты клонишь. Нет. Другого ответа не будет.

— Откуда ты можешь обо всё знать? Может это не что иное, как иллюзия знания?

— Я ставлю границы.

— Я буду авторитарен, я их перейду, я их сломаю. Я придумал, что я сделаю с тобой и твоей жалкой личностью. Я разрушу твою идентификацию, а на месте её построю новую. С нуля. Дам тебе новое имя. Новую одежду. Новые связи. Подарю новый дом в другом районе. Подарю тебе новую жизнь и новый смысл.

— Ты думаешь, что, перешедши границы, ты увидишь что-то стоящее? Сломав их, ты очутишься один на один перед ядерной зимой.

— У меня есть защита против ядерной зимы. Похоже, ты переходишь на символический язык, понятный нам обоим. Хорошо. Мы сейчас поработаем на этом более интимном уровне.

— Я готова. Входи на моё поле.

— Я на твоём поле. Вижу, как ты лежишь без сознания.

— Я не без сознания. У меня просто нет желаний. Я умираю. Я никогда не жила.

— Рядом с тобой источник, наполненный живительным потоком, подойди, попей.

— Нет, не хочу. Нет. Там плавают помои.

— Ладно, он высох. Перед тобой выросли крупные мохнатые цветы, разные-разные. Они источают сладкий медовый запах. Я бы предложил тебе сходить к ним, сорвать парочку, венок сплести.

— Нет, не хочу. Они есть, но не в мою честь. Их сорвали девушки из соседней деревни, которые закидывают меня помидорами.

— Ну ладно. С цветами я понял. Ты смотришь слева от себя. Там появилось любовное письмо.

— В нём написано: «Шлюха, ты не дала мне в задницу! Я не хотел твою девственность забирать, вот и ходи в девках теперь, а я найду ещё море таких же дур».

Алису начало трясти. Её полностью захватил гипнотический транс, она теперь полностью была под волей образов. Он подошёл к ней, потрогал её лоб — она была горячей.

— Голос. Я не могу больше! Перестань, я хочу проснуться, позволь мне это сделать!!!

— Нет.

— Ну, пожалуйста. Мне плохо!

— Что с тобой?

— Я лежу на земле, меня закопали по голову в могилу. Но я живая! Живая! На мне начали расти деревья! Прямо из головы. Это так больно. Сделай что-нибудь.

— Ты видишь палку, тебе надо за неё схватиться ртом.

— Нет, я не могу, у меня из-за дерева зубы рассыпались, а дёсны кровоточат.

— Тебе в рот течёт вода, чтобы смогла смочить дёсны, и ты взяла бы палку. Открой рот для воды. Возьми глубоко палку, птица вытащит тебя за неё.

— Нет, нет, нет!!! Я закрываю рот! Закапывай меня поглубже. Я не хочу палки в рот, птица — это не птица. Это хищник, он прилетел выколоть мне глаза. Мне страшно.

«О Боже, как всё запущено, — Джон подошёл к окну и выкурил парочку крепких сигар.

— Тебя закапывает птица, она летит к другим, кому нужна помощь. К тебе подползает змея, она может прорыть в земле норку, и тогда ты спасёшься из-под гнёта могилы. Твои действия.

— Я отвергаю змею, так как она может укусить, мне будет больно, от неё у меня будет жар, сильный жар. Лучше умру, чем переживу этот жар.

Девушка приняла эмбриональную позу.

— Тебя поглощает огромный кит. Ещё чуть-чуть — и ты будешь перевариваться в его желудке. Его проткнул гарпуном молодой охотник на китов. Твои действия?

— Я берусь за гарпун.

— Он вытаскивает тебя на берег и несёт на прямоугольный алтарь.

— Я избегаю этого события, так как меня окружают со всех сторон мужики.

Девушка начала краснеть. Температура у неё поднялась. Джон понял, что дальше нельзя продолжать терапию. Он отнёс её в холодную ванную. Она долго приходила в себя, вздрагивая от холодной воды каждые пять минут. Джон через полчаса холодных ванн забрал её. Обтёр и понёс в комнату.

Девушка в гипнотическом трансе двигалась по комнате, когда нашла белое полотно, постелила его на столе. Выдвинула стол ровно в центр комнаты. Взяла нож, который лежал на диване. Легла на стол. Раздвинула ноги.

— О, тебе, Бог, дающий и отнимающий, приношу эту кровную жертву, — сказала она, легла на стол.

Джон подошёл к её фигуре с золотой чашей в руках. Она вонзила нож рукояткой между ног. Оттуда полилась кровь. Джон всё бережно собрал в чашу.

— Свершилось! — воскликнул он.

Потом из шкафа взял новое белоснежно полотно. И начал рисовать на нём свежей красной кровью девушки. Он нарисовал на полотне три круга, входящие друг в друга. Символ триединства.

Она в трансе хотела прыгнуть в окно, но он её схватил и уложил на свой диван.

— Ты куда полетела? — сказал он, скрестив её руки на груди.

— Только вперёд, только ввысь, — сказала девушка, не открывая глаз.

«Новый уровень зрелости. Завтра она окончательно прозреет», — подумал он.

*

Девушка нехотя встала утром, после многих звонков Джона клиентам.

— Ну, как ночь после посвящения? — спросил он.

— Джон, у меня сильные боли, — ответила она.

Джон подсуетился, сделал Алисе крепкого кофе.

— Ты когда-нибудь слышала о символах триединства? Духа, души, тела? Я нарисовал один из символов твоей кровью.

После этого он показал Алисе белый флаг с тремя красными кольцами, входящими друг в друга. Алиса прижалась к Джону.

— Джон, мне страшно.

— Неужели ты ничего не помнишь о вчерашнем?

— Нет, ничего не помню.

— То ли ещё будет. Начнём новый сеанс? — спросил он.

— Да. Думаю, мы можем начать новый сеанс.

Она удобно разложилась на диване. Расслабилась. Джон начал.

— Ты находишься на песочном берегу. Рядом море. Ты ложишься на песок таким образом, что твои ноги ласкают волны. Солнце излучает тепло, ты предельно расслаблена, и с этого момента мы начинаем наше путешествие в твой внутренний мир. Что ты видишь?

— Я вижу над собой чаек, слышу их весёлые крики, смотрю на безбрежные облака, как они перемещаются по синему небу. Я встаю и иду в лес, который находится вдалеке. Чувствую полную свободу, которая наполняет моё существо. Среди деревьев вдалеке я вижу свет. И иду на него. Передо мной встаёт следующая картина. Туземское племя танцует вокруг огня, поёт песни, я присоединяюсь к нему.

— Ты не испытываешь страхов?

— Нет. Всё естественно. Я чувствую вкус жизни. Эту безмятежность. Мне хочется жить в этом месте! Я чувствую, как хорошо быть живой.

«Вот это я и хотел услышать», — думал Джон, на его лице появилась лучезарная улыбка.

— К тебе подползает змея, твои действии.

— Она обращается в птицу, я запрыгиваю на неё, она летит ввысь. Струится свежий воздух. Потом я прыгаю с неё, но лечу не вниз, а вверх, и становлюсь звездой, одной из миллиона звёзд на небе.

После этого Алиса растянулась удобно на диване и перестала говорить. Видимо, транс сменился на состояние глубокого сна.

*

На следующий день Алиса встала с улыбкой на лице. Её вид был свежий, даже и не скажешь, что раньше она употребляла. За время, проведённое вместе с Джоном, она существенно изменилась.

Джон уже успел сделать все свои звонки и тем временем распивал кофе. Она стояла у окна и дышала свежим воздухом. Джон закрыл компьютер и медленно подошёл к ней. Положил ей руку на талию. Алиса повернулась лицом к Джону. Оба молчали, соблюдая некую паузу. Джон тихо напевал мотив любимой песни: «Глаза очерчены углём, и капли ртути возле рта, побудь натянутой струной в моих танцующих руках, каких бы слов ни говорил, такие тайны за тобой, что все заклятия мои тебя обходят стороной...»

Сердце Алисы стало биться сильнее, дыхание участилось.

«Открыта дверь, тебя я жду, в одну из пепельных ночей пусть твою руку обовьёт змея железных обручей, один лишь шаг до высоты, ничуть не дальше до греха, не потому ли в этот миг ты настороженно тиха...»

Он взял ей за талию, и они начали кружить по кабинету вальс. После танца он взял из шкафа пышное красное свадебное платье, она переоделась в него, и они пошли наверх — на крышу. Закат. Они стояли на крыше и наблюдали закат. Он нежно обнял её за талию. Джон велел Алисе отслужить ему мессу в свободной манере. Она встала перед ним на колени и снизу вверх смотрела на него.

— О, Бог мой, существующий везде,
Да будет Воля на твоей Звезде,
Да будет Воля в мире том и сём.

Джон положил ей на лоб руки и благословил её.

— Слава Отцу,
И духу, идущему от Отца,
И свету, идущему от Отца,
И тебе, проводнику Отца

— Хорошо, — сказал Джон, — я принимаю эти молитвы. Закрой глаза.

Она закрыла глаза. Джон поцеловал её. Поцелуй бы лёгким и приятным. У Алисы затряслись руки. Он взял её за них: «Успокойся, успокойся, таков ритуал» — сказал тихим приятным голосом.

Он накрыл её голову белым полотном и повёл обратно в кабинет. В кабинете на столе стояла чаша, наполненная красным вином, рядом с ней лежал меч. Джон

окунул ритуальный меч в вино и велел Алисе открыть рот. Когда она это сделала, Джон разрезал ножом ремни платья. Оно слетело. Алиса осталась в одном нижнем белье и с белой накидкой на голове. Джон вылил остаток красного вина девушке на грудь. Снял с неё накидку, провёл её на кровать. Было застелено красное бельё. У Алисы продолжали трястись руки. Губы высохли. Рукоятка ритуального меча имела фаллосовидную форму. Джон провёл по её телу рукояткой. Алиса вздрогнула. Её взгляд был напуганный.

— Алиса, ты явно не выглядишь как девушка, которая хочет секса.

— Верно, — сказала Алиса тихим голосом и повернулась.

— Тогда ритуала не получится. Мне важно, чтобы ты хотела тоже. Может, ты мне немножко уступишь? Не надо этого бояться. Я хороший любовник, в твоём квартале, где ты жила, нет таких искусных мужчин, как я. Прошу тебя просто расслабиться. Это будет воистину незабываемый секс.

Алиса только сжала губы, услышав это. Закрыла глаза. Джон снял с неё нижнее бельё, лёг рядом. Нежно проводил по её обнажённому телу холодной фаллической рукояткой. Девушка начала дышать неровно, то и дело постанывая. Покраснела. Соски набухли.

Джон аккуратно ввёл ей туда рукоятку и поводил там, внутри, вверх-вниз. Алиса вся сжалась от боли. Губы высохли.

— Ты такая хорошенькая, — прошептал ей Джон, вынув рукоять. Скинул с себя одежду и стремительно вошёл в неё. Она почувствовала его крупный, длинный, горячий член у себя внутри. Он медленно двигался, пока она обильно не потекла. Они сменили несколько поз, закончив в миссионерской. Джон обильно в неё кончил.

У Алисы на лице не было выражения бурной радости, Джон предположил, что оргазма она не получила. И решил с нею продолжить заниматься сексом. Джон владел ею до тех пор, пока она не испытала оргазм. Лицо у девушки изменилось, стало безмятежно счастливым...

— Джон, я теперь знаю свой смысл жизни.

— Какой-то смысл — это лучше, чем никакого.

— Мой смысл жизни — в удовольствиях. В нормальных и здоровых удовольствиях. Хочу стать гедонистичной. Я благодарна за всё то, что ты для меня сделал.

— Я знаю, как тебе помочь, дорогая. Я продам тебя в дорогой квартал №5, где живут мужчины не только сексуальные, но и интеллектуальные, ты им понравишься. Настоящие Иерофанты. Ты станешь Жрицей Любви для них. У этих ребят всё уходит в интеллект, совсем не хватает чувственной женщины.

— Да, я согласна, — сказала Алиса и уснула.

*

На следующий день Джон принёс ей новое пышное красное платье.

— Пойдём, Алиса.

— Куда?

— Мне кажется, ты уже готова для новой жизни. Пойдём приводить тебя в порядок, а на вечер я уже назначил аукцион на твою персону. Придёт много знатных людей. Будут делать ставки на тебя.

— А как же ты? Я ведь, получается, тебя больше не увижу. Мне показалось, что между нами что-то произошло, какая-то искра, — с неким сожалением сказала Алиса.

— В 5-м квартале многие заказывают мои услуги, так что я буду тебя навещать.

Они зашли в парикмахерскую, ей сделали там красивую высокую причёску, вечерний макияж, надушили на славу. Красное платье смотрелось как влитое, делая образ ярким и выразительным.

— Ты такая красивая сегодня, — сказал Джон и поцеловал ей руку.

Они прошли на арену для аукциона. Собралось много мужчин. Начали торг с 1 000$. Торги продолжались около двух часов, пока группа, состоявшая из десяти мужчин, не предложила 100 000 000$. Поскольку на протяжении пяти минут никто не смог предложить больше, девушку продали этой группе.

Мужчины поднялись на арену после оплаты, взяли за руки Алису и повели к большому лимузину.

«Элите можно всё», — прошептал один мужчина Алисе на ухо.

*

Через год Алиса родила мальчика. Он был очень похож на Джона. Джон иногда навещал её и сына под видом сантехника. Интеллектуалы разбирались во всех теоретических и метафизических вопросах, но в сантехнике были дуб дубом, поэтому у Алисы всегда был повод повидаться с Джоном. Времени у неё и у Джона было мало, почти всё время её контролировала группа, поэтому у них иногда случался пятиминутный грубый секс в ванной комнате под предлогом, что Алиса показывает, где трубы протекают. Джон понимал, что так лучше — ему со своей женой и ей с ними, — поэтому только иногда приходил заняться сексом и повидать сына. Впрочем после этой истории он стал сомневаться, кто из них Мастер. Так как она источала смысл жизни... а он тух, как огарок свечи...

*

На этом моменте я проснулась. Сон — как маленькая жизнь...

КРАШЕ РАДУГИ

Самая красивая вещь в мире — это люди,
которые держатся за руку,
чтобы не дать друг другу упасть

Холодный морской ветер качал верхушки деревьев, меж которых виднелось небольшое сооружение — домик на дереве. Дверей там не было, крыша набок, кривое маленькое оконце, да и стенами служили сплетённые вместе ветки и лианы. С первого взгляда ясно, что домик сделан руками ребёнка. Но сделан старательно, со всей любовью к природе: под кривым окошком располагались кокосовые «колыбельки», в которых тихо посапывали мартышки.

Сквозь ветки, за домиком, можно было увидеть океан. Поднимающееся солнце окрашивало воду в тёмно-оранжевый цвет. Береговые камни омывались водой, а волны всё пытались достать до двух крошечных, измазанных в грязи пяток мальчишки. Весь остров окатил звонкий детский смех, как только волнам удалось добиться своего.

— Ну что ты, что ты! Не мочи меня! — и снова раскат смеха. — Ай, да хорошо! — и маленькие ножки вбежали в воду, создав море брызг вокруг себя.

Каштановые кудри, отдающие под солнцем золотым оттенком, опустились до воды:

— Ты так красив сегодня... — обратился детский голос к океану.

Кудрявая голова резко поднялась вверх, и два изумрудных, словно тёмный сказочный лес глаза, уставились в небо. Мальчик прищурился и, тяжело вздохнув, вышел из воды на уже прогретый песок.

— Прости, я вернусь ближе к обеду, ладно? — ребёнок снова обратился к океану.

Мальчишка стоял, глядя на горизонт и не получая ответа. Единственное, что он слышал, был шум прибоя. Он наклонился и провёл ладошкой по воде, после чего помчался в глубину тропического леса.

*

Желтоватый плод качался на ветке с важным видом, видимо, гордый тем, что крошечные ручки мальчика никак не могут дотянуться до него.

— Слишком высоко! — фыркнул ребёнок и поджал свои алые губки.

Через мгновение его выражение лица переменилось с недовольного в неимоверно радостное. Плод медленно прикатился к мокрым ногам.

— Оу, это ты? — произнёс обладатель лакомства.

На ветке, там, где ещё минуту назад покачивалось манго, сидел разноцветный попугай.

— Гар-р-р-и! — выскочило из клюва птицы, что заставило мальчишку широко улыбнуться.

Гарри смотрел на так называемого собеседника с неким восхищением. Он всегда удивлялся тому, как такое маленькое существо могло быть настолько красивым, с длинными переливающимися цветами радуги крыльями и блестящими глазами, а он, такой большой, не иметь ничего особенного в себе. Но каждую ночь он смотрел на звёзды и понимал, что каждый был создан особенным и уникальным. Он понимал, что его тело — это его собственная маленькая вселенная, а глаза, нос, рот, — маленькие звёздочки.

— Гар-р-р-и! — крикнула цветная птица, выводя мальчугана из потока глубоких мыслей.

Гарри научил попугая произносить своё имя, как ему казалось, уже сотню лет тому назад. Он решил, что будет называться именно так. Гарри даже не знал, являлось ли его имя именем или же просто набором букв. Да что уж говорить, он даже не знал, что такое имя. Детских губ коснулась лёгкая улыбка, и уголки губ мальчика поднялись. Ему очень нравилось, когда кто-то кроме него произносил его «название», и всегда хотел научить больше попугаев повторять за ним. Но, к сожалению, никто не хотел учиться.

Наконец, Гарри устал от мыслей и поднял манго с горячей земли. Он покрутил фруктом у себя перед лицом и откусил кусочек. Сладкая мякоть впиталась в язык, и чувство эйфории разлилось по венам.

— Так вкусно, — мечтательно прошептал мальчик и протянул манго попугаю. — Хочешь?

Птица, немного помедлив, клюнула прямо в середину плода, ухватив его огромный кусок.

— Ха-ха, аккуратней. — Гарри отдёрнул свою худую ручку от клюва лесного друга.

Он сел на землю, снова улыбаясь тому, что попугай ещё не улетел, несмотря на то, что манго больше не осталось. Вдруг глаза паренька расширились: «Как же так? У меня есть имя, а у него нет? Чем я лучше его?». Гарри опустил голову на колени и нахмурился. Ничего в голову не приходит! Он пытался составить какое-нибудь имя из букв, которых не знал. «Но я же придумал имя Гарри», — пронеслось у него в голове. Мальчик закусил нижнюю губу и посмотрел на птицу.

— Гар-р-р-и!

— Нет, Гарри — моё имя, ты не можешь назы... Точно!— Гарри вскочил с земли и подбежал к пернатому другу. — Что насчёт Ри? — попугай непонимающе наклонил голову. — Точно, совершенно точно! Ты будешь Ри! — мальчик запрыгал на месте. Его переполняло чувство гордости. Теперь и у Ри есть «название».

Вдруг земля под ногами затряслась.

— Снова? — радость в изумрудных глазах сменилась страхом.

Гарри осторожно взглянул наверх и увидел пар, движущийся в сторону океана. Однажды он забрёл довольно глубоко в лес и наткнулся на большую гору, от которой веяло жаром. Гарри решил держаться от того места подальше, как и многие животные. — Гора готовится что-то выплюнуть... — произнёс мальчик дрожащим голосом.

Ему часто снились кошмары, где горячая жидкость покрывает остров. Плечи ребёнка передёрнуло, и он побежал в сторону океана, где чувствовал себя в полной безопасности. Пока Гарри бежал, к нему пришла ужасающая мысль: «Гора хочет, чтобы я покинул свой дом?»

*

Гарри сидел перед океаном, зарыв ноги в песок. Он опустил голову на колени и продолжал думать: «Гора не любит меня. Это потому, что я человек? Но чем люди отличаются от животных... то есть да, мы отличаемся, но разве мы не должны держаться вместе и помогать друг другу?». С каждой новой мыслью парень расстраивался ещё больше, он уже готов был заплакать, но резкий гудок заставил его подпрыгнуть на месте.

Вдали появился тёмный силуэт чего-то большого, Гарри не мог сказать, чего. Силуэт всё приближался и приближался, и вскоре мальчик смог разглядеть огромный корабль, который направлялся прямиком в сторону острова.

— Корабль? — прошептал мальчуган, глаза забегали из стороны в сторону. — Что он тут делает?

Гарри быстро встал с песка и спрятался за ближайшей пальмой, высунув голову так, чтобы его не заметили, но он бы смог подсмотреть и подслушать. Любопытства у этого паренька хоть отбавляй.

Не успел Гарри и моргнуть, как на берег уже высадились десятки людей в странных одеяниях. Ноги и руки были полностью прикрыты, даже кистей рук видно не было. Но не только это поразило юного обитателя острова. Кожа всех удивительных незнакомцев была совершенно разная — от тёмного до светлого оттенков. А волосы? Гарри никогда не видел волос цвета уходящего солнца, а мужчину с бритой головой он вообще принял за инопланетянина.

— Вау, они такие разные, — мальчик заправил за ухо выбившиеся шоколадные пряди волос и начал потихоньку выступать из-за пальмы, чтобы подойти поближе к неожиданным гостям.

Из толпы, преимущественно мужчин, вышла пожилая женщина. Она огляделась вокруг и вдруг стала махать палкой, на которую недавно опиралась. Никто не придал этому особого внимания, а чуть позже кто-то крикнул:

— Да, видимо, необитаемый.

«Странные они», — пронеслось у Гарри в голове, но эта их странность только больше его заинтересовала, и вот мальчик уже шёл прямо им навстречу. Смелый, однако. Как только его маленькое тельце показалось из-за деревьев, по всему

берегу пронёсся протяжный «ах», все, кто чем-либо был занят, на суше или на палубе, мгновенно замерли, а в их открытые широко рты могло бы поместиться штук так сто орехов.

— Это ещё что такое?

— Как возможно?

— Ребёнок?

— Должно быть, где-то рядом племя.

— Какая очаровательная девчушка.

— Ты что, не видишь, что это парень?

— Кто бы мог подумать? Чтобы дитя... на острове...

Гарри шёл не спеша, он мог слышать шёпот толпы незнакомцев, ведь они вовсе не, как им казалось, шептались. Даже пара дельфинов показала свои головы из-под воды. Они всегда оказывались рядом, когда Гарри попадал в передрягу с мартышками или лемурами. Видимо, и в этот раз они учуяли приближение очередного приключения неугомонного мальчишки. Толпа все ещё не смела пошевелиться, и это заставило Гарри думать, будто он внушает им страх. Его спинка заметно выпрямилась, он ощущал себя львом, чья грива развивается на ветру. Гарри почувствовал себя хозяином острова, да что скрывать, он всегда был им, просто не понимал. Кто сооружал, пусть и хиленькие, дома для лесных животных? А кто укрывал черепашек от злобных птиц? Конечно же, малыш Гарри.

— Привет! — по острову пронёсся звонкий детский голосок, и та самая старушка, которая ранее размахивала своей палкой из стороны в сторону, схватилась за грудь, а потом ринулась в сторону ребёнка и вцепилась в его плечи.

— Что, что вы хотите? — максимально вежливо спросил Гарри.

Одна знакомая мама-орангутанг говорила ему, что к старшим надо относиться с уважением. Гарри не знал, сколько старухе лет, но почему-то был уверен, что она намного старше его.

— Зачем вы приплыли?

— Она не разговаривает, немая, — послушался голос позади пожилой женщины.

Тон говорящего был мягок настолько, что Гарри захотелось свернуться клубочком прямо там, где он стоял, и уснуть. Перед глазами хозяина острова предстал высокий, как пальма, человек с тёмной кожей и такими же тёмными глазами, будто ночное небо без звёзд. Гость присел на колени перед Гарри и протянул ему руку.

— Меня зовут Эрик Штеп, я капитан этого корабля.

— Капитан? Значит, вы главный? — в глазах Гарри замелькало множество огоньков, и он захлопал в свои маленькие ладошки, совсем не обратив внимания на протянутую ему руку капитана.

Штеп лишь по-доброму улыбнулся и кивнул.

— Я тоже главный! Я живу здесь на острове, я его хозяин, я собираю фрукты, строю и ремонтирую дома, когда начинается дождь, я...

Мальчишка так обрадовался и загорелся желанием рассказать незнакомцам всё об острове, что его невозможно было остановить. Капитан же просто улыбался, внимательно слушая всё, что ему рассказывает маленький новый знакомый. Единственный раз Эрик нахмурил брови, когда Гарри упомянул о вулкане и том, что всегда жил на этом острове один, что он не знает, когда он сюда попал и как.

— Должно быть, мне уже тысяча лет, — протянул мальчик, и все вокруг не смогли сдержать искреннего смеха, о котором они совсем забыли за время долгого и выматывающего плавания.

Гарри всё рассказывал и рассказывал, но вдруг остановился.

— Что такое? — обеспокоенно спросил Штеп.

Они уже давно покинули песочный берег и бродили по тропическим джунглям, через которые еле-еле пробивался солнечный свет, создавая иллюзию сумерек.

— Она понимает меня?

Гарри указал на старушку, которая плелась позади всех.

— Да, конечно, — капитан тоже обернулся, чтобы взглянуть на виновницу внезапной остановки такого увлекательного рассказа про жизнь на острове. — Она слышит, но не может разговаривать. Такое случается.

Эрик похлопал малыша по плечу и двинулся вперёд, но Гарри всё ещё стоял на месте, а его следующий вопрос заставил встать на месте и Штепа.

— Почему вы не бросили её?

— Как же мы её бросим?

— Здесь, — Гарри обвёл вокруг своими ручками, — того, кто слаб или не похож на других, всегда бросают. Животные... они очень заботливые, они всегда присматривали за мной, но... иногда они выгоняют кого-то из своих семей. Я знаю одного попугая, он очень-очень красивый, его перья переливаются всеми цветами радуги, а глазки похожи на маленькие жемчужинки. Но он с самого детства один. Его выгнали, потому что его хвост недостаточно пёстрый, а клюв недостаточно острый.

Гарри поднял свои изумрудные глаза на капитана, и тот мог увидеть в них безмерную грусть и недоумение.

— Мы люди, — Штеп вновь взглянул на старуху, которая вцепилась в одного из моряков, чтобы не упасть. — Мы все разные. Посмотри на меня, я такой высокий, ещё чуть-чуть — и я смогу коснуться неба. — Гарри слегка улыбнулся. Эта мысль и его посещала. — Моя кожа намного темнее твоей, но я не замечу этого до тех пор, пока ты сам мне на это не укажешь. У кого-то голубые глаза, у кого-то серые. Кто-то рыжий, а у кого-то вообще волос нет. Кто-то может разговаривать, а кому-то такая роскошь не дана. Но это не значит, что такой человек должен быть

брошен. Это не значит, что он должен быть одинок. Мы должны быть вместе, в этом сила людей. В поддержке и помощи друг другу.

Гарри внимательно слушал капитана, пытаясь запомнить всё, что он ему говорил. Эрик перевёл взгляд со старухи на мальчугана. Он видел перед собой маленького ребёнка, настолько доброго и заботливого, что его невольно посетил вопрос: «Как в таком маленьком тельце помещается такое большое сердце?»

— Гарри, — Штеп отвлёк Гарри от его попыток вместить всю информацию, которую он только что услышал, в свою кудрявую голову. — Не пытайся запомнить, пытайся понять.

С этими словами он развернулся и двинулся вперёд, дальше в джунгли, ведя за собой остальных. Капитан шёл с улыбкой на лице, будто ждал чего-то. И вот он услышал топот босых ножек по холодной земле и уже всем хорошо знакомый звонкий голос:

— Можно мне?

Штепу не надо было оборачиваться, чтобы понять, что происходит. Он и так знал, что Гарри развернулся, побежал в обратную сторону и взял пожилую женщину за руку. И Штеп точно знал, что, несмотря на то, что в ребёнке не было много сил, Гарри прикладывал все усилия, чтобы не дать старушке упасть.

*

Солнце полностью село за горизонт, шум волн убаюкивал черепах и дельфинов, весь остров медленно погружался в сон, только вечно бодрые деревья не смыкали глаз, присматривая за всем окружающим.

В глубине джунглей сквозь лианы медленно шла маленькая тень. Она перескакивала с камня на камень, иногда останавливаясь посмотреть на спящих коал, шла по тропинке, которую все избегали. Тень исчезла за толстой пальмой, и через мгновение показалась фигура длинноволосого мальчика. Сглотнув, он подошёл к подножию горы. Это место всегда пугало его.

— Здравствуй, я Гарри, — мальчик слегка махнул рукой в знак приветствия. — Ты, наверное, знаешь.

Гарри подошёл ближе и вдохнул запах чего-то горящего.

— Я хотел сказать, что ты поступаешь нехорошо. Ты не можешь угрожать жизни бедных животных из-за того, что я тебе чем-то не угодил, — в его голосе читалась заметная уверенность в словах. — Мы все так не похожи друг на друга. Я не умею плавать, не задерживая дыхание, а рыбы не умеют ходить. Но мы все живём на этом острове, и, как бы мы ни отличались друг от друга, мы всегда будем вместе.

Темнота полностью пронзила лес, и всё, что можно было увидеть, — звёзды на небе и сверкающие глаза Гарри.

— Я верю в то, что, кем бы мы ни были, мы всегда должны быть рядом друг для друга, мы должны уважать друг друга. Каждый приносит в этот мир что-то своё, что-то особенное. Все заслуживают быть счастливыми, ведь так? Все заслуживают внимание и любовь. Я всегда думал, что самая красивая вещь в мире — это радуга после дождя. Когда небо невозможно отличить от океана, и всё, что ты способен сделать, это лечь на горячий песок и просто смотреть вверх, пока радуга не исчезнет. Но на самом деле самая красивая вещь в мире — это люди, которые держаться за руку, чтобы не дать друг другу упасть. Это люди, которые защищают друг друга, даже если они совсем бессильны. Я — человек, и я готов защищать этот остров, я готов помогать тем, кто нуждается во мне, будь он хищником или травоядным. И больше всего на свете я хочу, чтобы ты поняла это, — Гарри приложил свою ладошку к подножию разгорячённой горы, — потому что понимание того, что мы все едины, невероятно важно.

Мальчик медленно поклонился и, взглянув на ночное небо, побежал обратно к своему самодельному домику, где его ждал капитан, а свет звёзд освещал ему дорогу. И если хорошенько присмотреться, можно было заметить маленькую улыбку на лице мальчика, улыбку, которая появляется у ребёнка, когда он впервые начинает делать свои первые шаги, понимая, что совсем скоро он станет частью чего-то особенного.

МЫ ХОРОНИЛИ МЕЧТУ

Мы хоронили мечту американскую,
Когда уходили в горы Тибета,
Нам больше не нужна мечта эта,
Мы там найдём себе другую, свою.

Мы отрекались от благ, сжигали мосты,
И поднимался наш флаг отрешённо,
Вращалась Земля, искушённо
Глядели нам вслед недавно свои...

Непониманием фраз в спины цедили,
Оклики масс встречали стойко,
А в словах лишь тоска, да и только,
Новыми тропами мы уходили.

И всё чище и чище, светлее,
С каждым вдохом и шагом к Вознесению,
Нам дано это право Творением,
Прозревший — Увидит, непрозревший — прозреет.

И расступалась вода, разводились тучи,
Тропы змеями вдаль извивались,
А мы шли по своей и смеялись,
Новый Мир представал — он светлее и лучше.

И отлетала та грязь, облеплявшая нас,
И разлеталась мразь по углам, по стенам,
Новая потекла кровь по венам,
Помыслы, мысли — очистились враз!

Мы хоронили мечту американскую,
Когда уходили в горы Тибета,
Нам больше не нужна мечта эта,
Мы там найдём себе другую, свою.

* * *

Я тебе не запрещаю,
Что захочешь, то пожнёшь.
За тобою оставляю
Те пути, куда пойдёшь...
Ты слова мои забудешь,
Первый крик свой оброня,
Знай, всё то, что там добудешь,
Будет радовать меня...

И с хрустальным перезвоном
Повстречают поутру.
Оторвав твои погоны,
В полотнище завернут.
И познаешь, и увидишь,
И прочувствуешь сполна!
Но меня ты не обидишь,
Если не пойдешь туда...

Если в сердце жалят ядом,
Замыкают провода,
Оглянись, я буду рядом,
За руку тебя держа...
Будет больно — отрекайся,
Проклинай, я всё пойму.
Как устанешь — возвращайся,
Я объятья распахну...

И с хрустальным перезвоном
Повстречают поутру.
Оторвав твои погоны,
В полотнище завернут.
И познаешь, и увидишь,
И прочувствуешь сполна!
Но меня ты не обидишь,
Если не пойдешь туда...

Я тебе не запрещаю...

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

На краю Земли я тебя искал...
На краю Земли так и не нашёл...
Бесы сели на... на моё плечо,
И взошли на трон, заняв пьедестал.
Чёрной грязью зла тело измарал,
Как безумный пёс, за тобою шёл...
Когда счастье яд, превратив в ничто,
Понял, осознал, — кого потерял!

Видно, поделом, видно — заслужил...
Голос, что во мне, вдруг опять ожил.
Начал говорить, начал упрекать:
«Надо было жить, а не прожигать!
Было же дано время собирать,
А ты продолжал камнями швырять!
Раскидав казну, — жизни не ищи,
Место есть в Аду для твоей Души!»

А на самом дне — те же, что и я...
Растворив в вине, растеряв себя.
Заплутавшие, непутёвые...
Души павшие, бестолковые.
Сел я среди них, оглядел их всех,
И раздался крик: «Улетай наверх!»
Боже, дай мне шанс повернуть всё вспять,
Я не обману, Ты не дай распять!

И смеялось громко вороньё
Над моей растерзанной судьбой,
Страшно вниз лететь, когда ещё живой,
И в глаза холодные смотреть...
Может, пощадит Старуха... Смерть.

ИМЕНА ВСЕ СКАЗАНЫ!

Шепчет Земля:
«Не бойся... не бойся...
В этих полях
Всходят колосья.
Талым ручьём
Омываются лица.
Ярким огнём
Выгорают глазницы».
Вновь настаёт...
Солнцеворот!

Сказаны!
Фразами, рассказами.
Языками разными, высечены...
Связаны!
Язвами, экстазами...
Временными пазлами, вылечены.
Имена все вымышлены...

Снова видны
Знаки-знаменья.
Плачет Луна,
Завершая движенье.
Будут дождём
Стёрты границы.
Мы подождём,
Чтоб возродиться.
Вновь настаёт...
Солнцеворот!

Сказаны!
Фразами, рассказами.
Языками разными, высечены...
Связаны!
Язвами, экстазами...
Временными пазлами, вылечены.
Имена все вымышлены...

АЗАТОТ

Плачь, флейта, плачь!
Голос извне,
Палач, о палач
В бездн глубине.

Зови, песнь, зови
К трону его,
Иди же, иди
Навстречу ему.

Кличь меня, кличь,
Чёрный талмуд,
Встреть меня, встреть
В глуби бездн, Азатот!

Встань со мной, встань,
Взрастивший мя мир,
Знай же ты, знай
Скопища сил

(Восстань же, восстань! —-
Кричат, — Азатот,
Срывай ты, срывай
Печатей налёт,

Неси к нам, неси
Всю силу и власть,
Сведи в нас, сведи
Рассудок и страсть!)

Кричат всею волей,
Кричат, во одно,
Зовут из-за врат,
Зовут, суждено.

Пляшите, пляшите,
Случится оно,
Отмкните, отмкните
Ворота в ничто.

Воспойте, воспойте,
Воспойте, грядёт,
Вам явит незнаемый
Лик Азатот!

ЯЗЫЧНИЦА

Я горда, что его любила,
А он горд, что меня познал,
Я без слёз на костёр восходила,
Он без слёз в объятьях держал.

Я — язычница верная, он — такой же!
И за это нас с ним на костёр!
Жар такой, хоть прыгай из кожи,
Но мы будем богов славить вдвоём.

Славлю я Ладу, а он — Перуна,
Услышали боги наш смертный крик,
И вместо Мары — Перун и Лада
Явились в смертный, последний миг.

От сильного пламени нас оградив,
За спинами встали он и она,
И люди от нас бегут, как один,
Оставив священника в ужасе нам.

Священник смотрит Перуну в очи,
И страхом полнится смертного взгляд,
Но сил у богов не хватает и мочи,
И брёвна вкруг нас загораются в ряд.

Сгораем мы вместе, в большом костре,
Ну что ж, такая у нас судьба!
Сгораем мы вместе, и больно вдвойне,
И смотрим глаза в глаза.

Мы помним одно, мы богов не забыли,
И, точно, суждён нам Сварожий сад,
Мы помним одно, мы крепко любили
И попадём не в рай и не в ад.

ПЕСНЬ БОГИНИ ХАОСА

Ты ходила ль в лесную глушь?
Как, слыхала ль, кричит Ракшас?
И сквозь стену из искр сплошь
Ты видала ль их дикий пляс?

Средь костров и с огнём внутри
Ты танцующих встретишь в тени,
Прочитают мантры богам,
В горе Людям и в счастье нам.

Голоса уж миры пронзают,
Песнь-заклятие льётся рекой,
Мои речи тебя призывают,
Возвращайся, оставив покой.

Ты живёшь в человеческом теле,
Но не всё же без нас вековать,
Праздник хаоса древней богини
Приходи ты с семьёю встречать.

Выкликаю тебя я, родная,
Слышу, рядом уж сердце стучит,
На поляну скорей выбигая,
В хоровода объятья летишь.

Не боишься, ведь спишь сейчас,
А твой дух правду помнит и знает,
Пелена опадает с глаз,
И вся сила в тебе прибывает.

Ты лишь ночь с нами жизни разделишь,
И уйти вновь должна, далеко,
Но пока ты и знаешь, и веришь,
И границы любые легко

Отворяются знаком руки,
Распахни ворота души,
Всё, что сможешь, с собою бери,
Все, что в помощь тебе в пути.

Запляши и воспой эту ночь,
Когда старое в небыль уйдёт,
Ты, миров непокорных дочь,
На ветрах заскользишь в полёт.

За тобою из бездны сын,
Чей немало видевший взгляд,
Как вернулась, с тобою слит,
Вьётся в русле его река.

Как каньон, что лежит под волной,
Тенью следует он за тобой,
Наполняется небо зарей,
Встали рядом, плечом к плечу.

Только за руку взял, и тут
Быстрый судеб умчал хоровод,
Но и он лишь мгновенье был здесь,
Обернулся и сразу исчез.

Как развёл колеса поворот,
Так же он и обратно сведёт,
Будет это, мне ведать дано,
Всё случится, что суждено.

Вечно жившей и вечно младой,
Воплощающей хаос собой,
В ночь рожденья открыта тропа,
И любого известна судьба.

x x x

герда собирай башмачки
кай заморожен
можно ему по роже?
королева лепит «снежок»
влепи ей тоже, герда
холодное сердце
твёрдая рука
ясный ум
трезвая память
характер стойкий нордический
герда
тебе б в аненербе
песнь льда и пламени
инеистые великаны
ледяные палаты
а если на сердце камень
держи его крепче:
это
оружие пролетариата

x x x

вот
сижу и думаю
надо наверно что-то писать
потому и бездумье
безмыслие
мысли плавают туда-сюда
словно в проруби сами знаете что
словно пятнышки пены
за спиной океанского лайнера
сходятся и расходятся
этим чем-то похожи на нас
тоже сходимся и расходимся
кто бы знал для чего
а слева по борту рай
мне не надо туда, фальк-ренне
мне на остров к сестре-реке
мы ещё поживем

x x x

я питер ты москва
разводные мосты приучили меня к разводам
кремлевские звезды приучили тебя
чувствовать себя одной из них
ты золото я серебро
ты 585-ой пробы по цене 1395 руб. за грамм
годишься на обручальные кольца
я по 31 руб. за грамм
за грамм тебя — целых 5 пуль для оборотней
(расчеты прилагаются)
ты солнце я луна
я освещаю дорогу в ночи
ты столь совершенна
что о тебе так легко забывают
на этом мои способности к сравнению заканчиваются
и кто из нас ад, кто рай —
не берусь судить
но на воротах одного из них (которого?) написано:
каждому свое
а у ворот второго (какого?)
стоит молчаливый ангел с мечом

x x x

голуби полюбили мой подоконник
почему-то голуби полюбили мой подоконник
полюбили именно мой
почему-то именно мой
топчутся и воркуют в самый сладкий час до рассвета
топчутся как слоны в самый сладкий час до рассвета
в самый сладкий час или даже чуть раньше
да ещё и срут как собаки
а ещё говорят — это сизая птица мира
а ещё говорят — это синяя птица счастья
и ещё говорят
много всякой про них поебени
так чего они топчутся, суки
в самый сладкий час до рассвета?
если это, блин, птица мира —
значит, с миром что-то неладно!

x x x

как будто бы две
проживается жизни
по ту и по сю
одного монитора

x x x

я располагаю женщин к предательству
они располагают меня к изменам
мы стоим друг друга
враг врага
брат сестры
и любовник любовницы
мы стоим друг друга
мы стоим друг напротив друга
(одно лишь слово так много меняет)
а между нами ветер

x x x

если растает на улице
будет слякоть
промокнут ноги
нельзя будет играть в снежки
но будет звон капели
подснежники
птички там всякие
благодать
если растает эскимо на палочке
станут липкими руки
может быть даже перемажешь одежду
но если подставить тарелочку
будет вполне себе вкусно
если сердце растает
будет и вкусно и подснежники
одежда останется чистой
ноги будут сухими
пока его не слижут дворняжки
растаявшее сердце
с весенней травы

ЗАРИСОВКИ

x

5 лет назад у меня заболел попугайчик. Он уже явно умирал, вряд ли дожил бы до утра. Как-то я вышел на кухню, он был в клетке, клетка закрывалась хорошо, дома не было никого, кроме меня. Когда я вернулся, его уже не было, и я его никогда не видел, ни живым, ни мертвым. А звали его Лойсо, и это было единственное слово, которому он научился, хотя мы пытались всей семьей.

x

Батя говорит, что кольские шаманы для вхождения в транс сейчас используют тетрис, не на компьютерах, конечно, а такие пультики вроде мобильника, которые ещё в 90-х появились.

x

Единственная история, под которую стабильно засыпает младшая племянница — это баховская Чайка. Причем всегда на том моменте, когда Джонатан разбивается о скалы. Если не засыпает под неё, значит, ещё не меньше часа будет бурагозить.

x

В переходе на Владимирской есть бомж (или кто-то похожий на бомжа), который никогда ни у кого ничего не просит, и у него даже нет коробочки для денег. Вокруг него всегда собираются кошки. Деньги ему все равно кидают, конечно, но пару раз я заставал его в тот момент, когда он уходил, и он никогда ничего не поднимал из того, что ему кидают. Непонятно, что он там вообще делает и на что живет, но улыбается он часто. А воняет от него все равно как от бомжа.

x

Со сновидениями меня тоже батя научил работать, ещё когда я был совсем мелким, а значит, когда и книг-то особых на эту тему не продавалось. Но вот входить в сны я так и не научился как следует.

x

Когда я работал в психушке санитаром, один псих использовал молочные каши, чтобы делать невидимые надписи, как Ленин.

x

Вчера нам на склад завезли блокноты, где картинка явно хеллоуинская, с тыковками и ведьмами на метле, а написано «С новым годом!»

ИНСТИНКТ

Инстинкт нас подстегивает, как кнут,
Не давая времени для передышки,
Синхронизируя бег минут
С бешеной пляской сердечной мышцы.
Что-то сильное нас гонит прочь
От знакомых, друзей, от надежд и желаний.
Как мотыльки, пронзающие ночь,
Летим на свет в темноте и сгораем.

ПРОТИВ ПТИЦ

Птичка дернула за струнку
Поменяла симфоническое время
Улетела, защитившись напевами
Стройными ритмами рифмами
Причастными оборотами
Гарантированными льготами
Лицензией на убийство
Подобных птах
Презумпция бестолковости
Допущение пределов приколов
Сиюминутных
Ах
Напрочь лицо сорвав
Обнажая заражая возбуждая
Принижая — да!
Теряя записанных знакомых
Тёмных
Комнат свет привет
Подушка щетинится перьями
Как арбалет
Безопасный выстрел
Экологически чист
Как юный натуралист
Раздражающий бабушку
Любовью к трупам
Тканную паучью
прошлость проглотили
Пошлость
Выпили через трубочку
Сквозь короткую юбочку

Приподняв ноги
Чтоб не замочить
Красной краской
Лепестками роз и
Просто бумажных цветов
с каплей абсента
трамвай подожди
уходя дай ухо примерить
на другую сторону жизни
за паркетом, половицей,
линолеумом, полотенцем,
прозвищем, привычкой,
просьбой
беспечно безгранично
безрезультатно
странную маску
воспользовавшись
окунуться голову утопить
дёрнуть ногами
и дёргать и дёргать и дёргать
рвать одеяло
Ждать рассвета
Бить лампочки
Насиловать торшеры
С ночниками творить оргию
Натягивать простыни на флаги
Кончать на пыльные образы
Покосившиеся на покоробившихся стенах
Суевериями закусывая
Отражая страх тёмной ненависти
Обнажая в зубах клетки белые
Кожи напрочь рваной записанной
В список неким писцом евангельским
Осторожно ступай над могилами
Не тревожь силы крепкие дюжие
Возьми лучше в руки оружие
Почувствуй в себе силу тёмную
Силу сильную да могучую
Дай отпор — посмотри, да прислушайся

ТЕАТР

Чёрные, белые клетки,
Пёстрый наряд арлекина,
Представление марионеток
В этом театре под ивой.
Занавес ярко-красный.
Нас приглашает реклама.
Странные декорации.
Здесь разыграется драма.
Дама в бархатной маске
Манит магической силой.
Сюжет полуночной сказки
Грустной, безумной, милой.
Шорох — шумят деревья,
Сумрачные великаны.
Падают тени на сцену,
Пляшут актёры рьяно.
А вот и смешное место.
Близок финал комичный.
Я, возможно, должен смеяться,
Падать слезам неприлично.
Тихое действо ночное
В гаснущем лунном свете.
Мрачный язык пантомимы.
Здесь я — единственный зритель.
Ветер запел песнь ночную.
Капает кровь на подмостки.
Жизнь презирают земную
Куклы с лицом, как известка.
Крылья летучей мыши
Трепещут, аншлаг предвещая.
Острым запахом крови
Пахнет земля сырая.
Спектакль закончен, больше
Фарс продолжаться не может.
Луна есть, деревья и звёзды.
Нет зрителей, критиков, судей.
Подёрнулся лёгкой дымкой,
Растаял, как клок тумана,
Исчез балаган наивный,
Виденье ночного обмана.

НЕФОРМАТ

Жесткосердно убивают
Добрым словом по затылку
Смертным хрипом сквозь объятья
Несравненно проникают
В странном танце под колёса
В небо вихрем чуть заметным
Слава богу, не спешили
Завалили, удушили
Удружили (мы ж дружили)
Надругалися над телом
Кровь сосали через вену
Подземельное распятье
Грибочерви, гробобратья,
Некротрахи, сладкословы,
Сердцееды, мозгоёбы
Кровопийцы, кровососы
Костегрызы, ебадолы
Долбоёбы, имбецилы,
Идиоты и дебилы
Извращенцы и маньяки
Факи и сто тысяч факи
И любовь пошла ты к чёрту
Пошло и для натюрморта
Распрекраснейшие дамы
Давят сотни килограммов
На доску рыгая красным
Разлинованные спины
Не люблю наполовину
Заворачиваю в тело
Винт и жду твоих проклятий
Начинай же делай дело
Я умру в твоих объятьях

АНГЕЛ ГРОЗНЫЙ

Михаил, архангел светлый!
Средь небесной красоты, —
«Кто подобен Богу?», — тщетно
Вопрошаешь тварей ты.

Мир молчит, когда ты в силах.
Лик твой пламенный страшит
Сущих всех, но, коль Россия
В вере праведной стоит,

На щите твоём, Крылатый,
Может русский написать:
«Человек по благодати
Может Богу равным стать!»

Ближе нет к Царю Вселенной
Никого, чем Русский Царь.
Верю я, что, несомненно,
Вновь восстанет он, как встарь.

Ангел Грозный, Воевода,
Я в слезах молю тебя:
Богоравному народу
Помоги вернуть Царя.

Ведь когда главой увенчан
Будет пышный наш Собор,
Третий Рим — велик и вечен —
Увлечёт всех за собой

От заокеанских козней
К благодати бытия.
Да приидет Царь наш Грозный —
Возликует пусть земля!

ПОЛЁТ ВЕЛЬЗЕВУЛА

Облака, облака, бескрайние облака. Словно кудри знаменитой бороды Бога, за которую так модно хватать Вседержителя, они простирались под моим небесным путём, они скрывали подлунный мир, чтобы подчеркнуть исключительность положения летящего в небесах человека, его превосходство над оставшимися «там», среди земных слабостей и забот. О чём я говорю? Один монах повстречал адского царя и попросил у него огня для обогрева своей кельи. Царь же отвечал праведнику: «Огня у нас вовсе и нет, не могу тебе помочь». «Как же, — удивился монах, — ведь повествуется в Священном Писании об адском пламени неугасимом! Неужто решился ты исказить слово Всевышнего?». Адский царь взглянул печально на монаха и проговорил голосом, полным усталости: «Никто во Вселенной не нечестив настолько, как человек — ему лишь достаёт дерзания для такого богохульства. Огонь же адский каждый узник наш носит в сердце своём — не поджечь им твоих келейных дров, но даже твоя чистая душа может вспыхнуть от одной его искорки». И монах, осеняя себя крестным знамением, прогнал в великом страхе за свою душу отца лжи и греха.

Но я не монах, и часть адского огня, как и каждый рядом, везу с собой — все страсти земли я взял в небо, словно без них я потерял бы, забыл бы, впопыхах собираясь, самого себя. Я сам и есть своя земля. Вот и парень спереди — не изменяя ежедневной привычке, он снимает на камеру своего телефона белоснежно-яркие облака. Снимал бы облака на камеру Икар, если бы у него таковая была? Увлёкшись полётом, этот смертный позабыл обо всём и поплатился жизнью за свою открытость миру, падая в солёную воду со струящимся по его телу пчелиным воском, — сегодняшние же Икары, сидящие в удобных креслах, отделённые от бурного облачного мира иллюминаторами и стенами, успевают и почитать книгу, и телефон включить. Нас нечем шокировать небу — нас, отчуждённых от жизни. Впрочем, когда я записываю свои переживания по этому поводу, я делаю то же самое, только на более «интеллектуальном» — более опосредованном мною самим языке.

В салоне летает муха. Я смотрел на полёт облаков, а она в это время сама села мне на палец. Что она чувствует здесь? И что будет она чувствовать, если вылетит из самолета в Киеве? Какую, должно быть, растерянность испытает она: залетела с людьми в комнату. Полетала по ней, полетала, и вдруг оказалась в совершенно незнакомом месте среди всего совершенно нового. Конечно, какие-то предметы прилетят вместе с нею из Львова — или уже раньше прилетели и дожидались мухускиталицу, словно сговорившись создать для несчастной как можно более уютную атмосферу. «Встреча с близкими, привычными запахами, — сказала бы эта муха, будь она мушиным Конфуцием, — как встреча с родственниками». И вот, родные вокруг, а всё же — всё не так, даже они сами выглядят в новой обстановке не такими, как дома. Словно русский магазин «Берёзка» в Ницце — вроде бы, обычный магазин с водкой, вроде бы, нет ничего уж настолько приторно русского в этих матрёшках, наклеенных на витринах, а всё же — выглядит так гротескно, словно

насмешник решил слепить в один ком всё, что слышал о России, и разве что медведя не усадил на бревно у двери. Охватывает какое-то тошнотворное отвращение к этой гадкой фальши, и хочется идти в обычный французский ресторан и удовлетвориться провансальским вином с пиццей из местного сыра — только б не есть ничего из этого скверного места, глумящегося над оставленной за многими границами Родиной.

Так и бедняжка-муха, недоумевая, не может понять, издеваются ли над ней, или здесь действительно искривляется всё, что ей дорого. Но тогда, на чужой земле, не искривилась ли и она сама, не выглядит ли и она гротескно, постыдно для родных краёв, потешая уставших от заезжих глупцов наблюдателей из местного народа? Муха в страхе начинает ощупывать тонкими лапками своё серое тело, но её посещает новая мысль: как определить, насколько стал ты другим, если весь ты — вместе со всеми качествами и возможностями своими — изменился, а то и вовсе... остался прежним?

Если метаморфозы охватили тебя всецело, и подчиняются они одному и тому же принципу, видеть себя ты будешь прежним: глаза твои прошли один путь со всем телом, оставив ракурс зрения неизменным. Как же разоблачить влияние новой среды, как сорвать со своего восприятия покрывало становления? Однако стоит ли пытаться делать это? Какая, наверно, охватывает печаль, если видишь мир всегда одинаковым взглядом — ведь он, постоянно изменяясь относительно взгляда, предстаёт каждое мгновение совершенно разным. Словно Вселенная убегает от тебя, бессильного угнаться за её резвым полетом. Словно созерцаемое дразнит твой взор, не давая ни на чём остановиться и постоянно обнаруживая своё непостоянство.

— Извините, не желаете чаю, кофе, воды? — спросила стюардесса, улыбчивая, как луч Солнца, голосом, который, казалось, прозвучал на другой стороне реальности.

— Будьте добры, кофе и воду, — ответил я и удивился собственному голосу. Да нет, голос мой — я знаю — был совершенно обычным — просто уши заложило над раскинувшимся под моими ногами холмистыми облаками, залитыми светом утра. Я отхлебнул воды. Да, бывает и так: вроде бы, всё осталось старым, а вот сам ты изменился и уже весь мир видишь иначе.

В это время вокруг моего стаканчика с ароматным кофе начала кружиться чёртова муха. Я совсем и забыл о том, что она — заблудившаяся сирота и скиталица, и начал отмахиваться: пошла вон, негодяйка.

Муха обиженно улетела жаловаться на жадного человека капитану нашего воздушного корабля, и, словно в ответ на мой нехристианский поступок, прозвучал вежливый приказ пристегнуться и вести себя в самолете смиренно. Пассажиры трусливо и покорно расселись по местам и сдали стаканчики стюардессе. Разве не знал я в это время о том, кто причина этого переполоха? Наслаждаясь кофе на высоте падения князя воздуха, я не чувствовал угрызений совести.

Вот закончился кофе — и хитрая злодейка уже ползает по донышку стаканчика в поисках самой ароматной капельки. И не только муха обрела своё недолгое пристанище — вот и самолет прорезал пелену облаков и уже готовится извергнуть всех нас — и людей, и мух — на киевский прохладный воздух. Я много раз был в Киеве, но каково будет ей, туристке поневоле? «Останься, — шептало ей мое сердце, — ты можешь спрятаться в салоне и вернуться во Львов так же незаметно, как ты проникла сюда».

Но муха — о бессмысленное и безмятежное в своём беспокойном полете существо, о служанка Вельзевула! — рассмеявшись, ответила: «Почём тебе знать, львовянка ли я? Глупая забота узколобого эгоиста, оставь её для себе подобных! Человеку так хочется весь мир охватить своей персоной и всему приписать свои же заботы и качества! Но что мне, мухе, до тебя? Я свободна в своей индивидуальности, я не считаю тебя мухой, я не накладываю на весь мир отпечатка мушиного образа жизни, я не плачу от жалости к тебе по той причине, что ты не понимаешь красоты моего полёта. Я — сама по себе, ты — сам по себе, и эти индивидуальные пределы рисуют прекрасный узор, вышитый иглой Бога на ткани Его фантазии. Впрочем, ты ведь неисправим — все вы неисправимы. Неспособный понять, что моё жужжание лишь жужжание, ты уже нарядим меня в подвластный твоему скудоумию басенный костюм бродячего мудреца, возникающего из ниоткуда и возвещающего всем давно известные мысли. Но знай — красота моего образа жизни в том, что никто, кроме меня, не способен придать ему действительно существенный оттенок. Впрочем, я вижу, как ты пишешь какие-то глупости — будто муха может говорить или иметь в виду то, что ты приписал мне. Прощай, человек, и помни — впрочем, достаточно для тебя будет и моей благодарности за остатки кофе, которые ты всё равно выбросил бы».

Крылышки мухи замелькали, и она умчалась над головами толпящихся в салоне пассажиров. Ушла ли она в уже открытую дверь, осталась ли здесь — я не знал этого. Выйдя на трап, я увидел грозовое серое небо, напоминающее о близости страдающего человека к не менее страдающему Богу. «Ведь муха — она тоже твоя манифестация, о Бог жизни», — прошептал я, а Вельзевул в сторонке удовлетворенно рассмеялся над моим упрямством, даже Творцу рисующим бороду — совсем так, как рассмеялся бы я сам.

ПОТРЯСНЫЙ СИНДРОМ КАМИКАДЗЕ

Soundtrack: Slade «The Amazing Kamikaze Syndrome» *(слушайте...)*

Загадка

Наполненное темнотой помещение. Лишь яркий луч зелёно-голубого цвета пересекает помещение, как бы перечёркивая его и стремясь разделить всё надвое. По крайней мере, одного. Он сидит, одетый в строгую одежду, в ту самую, что дресс-код, что есть пропуск к его работе. Пиджак, штаны, галстук. Очки. Короткая стрижка. Восточное лицо. Если знать название, можно предположить, что он японец. Что, впрочем, неважно — опять-таки если не принимать во внимание название. Любой другой, такой же, как он, мог бы так же сесть на колени, так же сложить руки ладонями друг к другу, так же в беззвучной молитве просить тех, что в запредельной тишине, смилостивиться и — что?.. позволить ему нажать на кнопку? Чтобы решить всё раз и навсегда... Но как же луч? А даже если забыть про него, что случится, когда кнопка будет нажата? Стены помещения, похожие на микросхемы, холодны и безмолвны: может, у них есть уши, но нет рта. Сверху написано несколько слов, но это не имеет значения. Потому что решение загадки останется непроизнесённым, ненаписанным, неназванным. Пол в клетку, в красное и чёрное, блестит и молчит. Молчание продолжается, длится. Нажми на кнопку. Кто нажмёт на кнопку?..

Утром

Нет смысла описывать обычный день, поэтому он, пропустив момент пробуждения, водные процедуры, завтрак и всё в таком духе, остановился сразу на старичке. Он назвал его Старичком — возможно, дело в недостатке писательского опыта, но, скорее всего, Старичок был слишком ярким, образным и книжным, потому к нему, с лёгкой руки автора, и прилипло это прозвище. Старичок.

Седой.

Редкие волосы.

Мутноватые карие глаза.

Маленькие губы.

Уши врастопырку.

Невысокий, даже низкого роста.

Горбится.

Голос приглушённый, но уверенный.

В видавших, и видавших давно, лучшие дни курточке, штанах и ботинках.

Нельзя с определённостью сказать, в первый ли раз они встретились. Во всяком случае, в первый из тех, что имели значение. Они вполне могли видеться и раньше, но когда и где — никто из них не помнил. Автор-то уж точно; насчёт Старичка никто не знает, у него об этом никогда не спрашивали, в том числе и Автор.

Роль которого тем утром была сведена к нескольким банальным фразам.

— Доброе утро.

— Доброе.

(Вторым, как вы понимаете, говорил Старичок.)

После этого обмена любезностями Автор внезапно призадумался.

— А вы ведь живёте этажом выше? — спросил он. У него была такая возможность, потому что Старичок не уходил — судя по всему, он никуда и не торопился.

— Двумя.

— Это же у вас кошка воет по вечерам?

— Вы путаете меня с Джентльменом. — (Конечно, Старичок назвал имя, но Автор решил, что человеку, о котором говорит Старичок, больше подойдёт другое имя, отстранённое и менее определённое, — Джентльмен. Для истории не имеет особого значения, как зовут Джентльмена, поэтому опустим и этот момент и перейдём сразу к основному, тем более что Автор хотел написать своё произведение именно в таком ключе.)

— Да, возможно. Но я уверен, что помню о вас какую-то вещь. Мне кажется, мы виделись раньше.

Старичок неоднозначно пожал плечами.

— Ох, извините, я, наверное, вас задерживаю.

— Да, мне уже пора домой.

И хотя при Старичке не было никаких сумок, пакетов или авосек, он, попрощавшись с Автором, бодрой походкой поспешил в подъезд. Кто знает, какие дела гнали его прочь или, напротив, возвращали обратно?

Автор обошёл этот внесюжетный, по его мнению, оборот и отправился на работу.

Днём

Таким же образом он поступил и с работой Автора-персонажа. Кем он был, какими делами занимался — нам неизвестно. Зато мы абсолютно точно знаем, во сколько произошла вторая встреча, — в 12:03:57.

Автор шёл по улице и неожиданно натолкнулся на какую-то сморщенную фигурку.

— Извините.

— Да ничего.

— О, здравствуйте. — Автор назвал Старичка по имени, так как во время первой встречи они представились друг другу, но этот эпизод за ненадобностью тоже был отброшен.

— Приветствую вас.

У Автора появилось сразу несколько мыслей: как Старичок оказался здесь? что он здесь делает? и как так получилось, что они опять встретились?

Пока Автор размышлял над этим, Старичок обогнул его, как корабль — мель, и уплыл по своим делам.

В таком задумчивом состоянии наш Автор вернулся на работу. В процессе работы, что важно, он имел возможность смотреть в окно — и что же он там увидел? Знакомый ему старичок, а вернее, Старичок, прошёл под окнами и удалился в неизвестность. Подобная картина повторилась несколько раз: Старичок переходил двор под разными углами к окну. Автор потряс головой, постучал по ней, как в мультфильмах, но это не помогло — всё опять повторилось.

А когда Старичок стал мерещиться ему в офисе, Автор сходил к начальнику и каким-то невероятным образом упросил того отпустить его пораньше, сославшись на переутомление, признаки которого прослеживались очень чётко. Только к переутомлению всё вышеописанное не имело совершенно никакого отношения.

Вечером

Как минимум пару-тройку раз наш герой Автор обошёл того самого Старичка — произошло это на пути к автомобильной стоянке. Затем, когда он уже сел в машину и тронулся с места, ему пришлось объехать знакомую фигурку, пропустить вперёд небольшой красный автомобиль, за рулём которого сидел Старичок, и... Тут наш Автор обрывает повествование и переходит к перечислениям — возможно, такой ход обоснован и логикой произведения, и следствием происходящего. Как бы то ни было, вот они:

Старичок за рулём «Нисана»; Старичок за рулём «Форда»; Старичок на пешеходном переходе; Старичок у светофора; Старичок в кафе; Старичок у магазина; Старичок на детской площадке...

Дальше — больше, и Старичок превратился в Старичков: группками по несколько человек они роились то там, то там. Сгорбленные, в поношенной одежде, с их неизменными редкими седыми волосами, они постепенно заполняли собой земной шар, ну, или земной шар Автора в автомобиле. Это важно для отдельно взятого человека, но не для повествования. Видимо, потому крупный эпизод, в котором описывалось возвращение Автора домой, пропущен (но мы можем догадаться, как всё было, — надо лишь немного постараться, продлить и приумножить творящееся на страницах). Один только добродушно улыбнувшийся ему Старичок у двери в подъезд упомянут как нечто небывалое и неизбежное.

— Здравствуйте.

Но, наверняка, ответа не последовало, и он, Автор, межгалактической ракетой устремился домой, в свою квартиру.

Ночью

...Далее следует... очень отрывистое... описание увиденного в светлое время суток... Старички и Старички... что-то бормочущие себе под нос... толпами разгуливающие по городу... заполняющие его и все окрестные города... есть даже ассоциация с Палмером Элдричем...

Автор откладывает книжку — не свою, другого Автора, возможно, ту, в которой он вычитал об этом Элдриче, а может, совсем иную, это не имеет значения... многоточия растут... и даже разрастаются... ...множатся... заполняют собой пространства... подобно Старичкам... подобно всему странному... необычному... непривычному... неприродному в нашем мире... ... ...

Наверху завывает кошка. Хоть один звук, не связанный со всем этим. И всётаки это не мяуканье, а вой. Но это — знак?..

Глаза слипаются. Нет сил выключить бра. Голова поворачивается набок. Веки опускаются. Сон подступает. И завоёвывает пространство. Бра выключается — становится очень темно. Ночь. И из темноты...

Загадка (Reprise)

...пол в клетку, техногенные стены, яркий луч и человек в строгой одежде. Мольба-просьба-желание. Мольба!.. И что-то очень знакомое в чертах лицах. Узнал ли он их? Сделал ли выбор? Сделал ли правильный выбор? Мир... Сделал ли мир правильный выбор?.. Тишина. Ответа — нет. Кто нажмёт на кнопку? Нажми на кнопку!..

И рефреном песни, припиской мелим шрифтом в аннотации, чем-то незаметным и плохо различимым: «...чтобы навсегда потерять возможность узнать ответ». Таков мир.

Таков мир, ссохшийся до единственной комнаты.

Таков мир перед стартом.

Безумный мир перед стартом.

Потрясный синдром камикадзе.

Нажать на кнопку?

ПОВЕРЬ В МЕНЯ, МАМА!

Я больше не утешаю себя самообманом.
Так получилось, что я стал наркоманом.

Хотел попробовать кайф, подсел на иглу,
Вокруг меня всё погрузилось во мглу.

Моя девушка думала, что я её принц.
Она ушла, обнаружив у меня шприц.

Я опустился, стал прогуливать школу,
Теперь постоянно я нуждаюсь в уколах.

Иду на грязную работу, надрываю спину,
Чтобы достать очередную дозу героина.

Мне жалко мою маму, опустился я на дно.
А она страдает, ей на меня не всё равно!

Хоть я ещё молодой, я прошёл круги ада.
И, если предложат, прошу вас, не надо!

Меня пытались родные отдать на лечение,
Но я сбежал. Мои продлились мучения.

Пытался сам соскочить, давал себе слово,
Но скоро сорвался, началось всё по новой.

Мне ничего уже не интересно, кроме дозы.
Я негодяй, всё время вижу мамины слёзы.

Знакомых упрёки: «Совсем ещё малолетка,
Кем стал? Тебе давно уже место в клетке!»

Я брошу! Смогу! Буду сражаться упрямо,
Хотя безумно тяжело. Поверь в меня, мама!

Стыдно признаться, от себя испытываю шок.
Где жизнь? Я променял её на белый порошок.

Противно оттого, что всем приходится врать.
Раньше был порядочным, теперь стал воровать

Большие строил планы, о грандиозном мечтал.
Разрушились мечты, как наркоманом я стал...

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ

На окраине леса, недалеко от маленького городка Заснежинск, находится всеми забытое место. Детский дом. Словно на века созданный из прочного белого камня, оно кажется надёжным и тёплым местом. Однако оно не способно защитить и согреть маленьких жителей, которые поселились здесь в эту студёную пору. На улице был настоящий буран. Ветви деревьев прогибались под тяжестью лежавшего на них снега и порывистого ветра, ретивый свист которого разносился по всей округе. Всё вокруг было застлано белым покрывалом, а мелкие снежинки быстро кружились в хаотичном танце, и казалось, что сам Дьявол решил устроить себе праздник перед Рождеством...

Внутри детского дома, несмотря на зажжённые камины, было холодно. Через многочисленные щели пробивался уличный воздух, который, казалось, пробирал до самых костей. Одинокий маленький мальчик со светло-голубыми глазами и рыжими кудряшками, стоя на табуретке, наблюдал через расписанные морозом окна за происходящим на улице. Одетый в вязаный, но слишком большой ему рождественский свитер с оленями, он старался закутаться в него как можно сильнее, чтобы поскорее почувствовать тепло. Своим тоненьким пальчиком он медленно выводил на запотевшем стекле затейливые узоры, в то время как по его щекам безмолвно скатывались слёзы.

Сегодня, по правде говоря, для него был не лучший день. Нельзя сказать, что остальные дни были наполнены прекрасными воспоминаниями и радостью. Нет, такое редко бывает в детских домах. Однако сегодня, по мнению мальчика, для него был самый ужасный день. За свои семь лет в детском доме он перестал плакать из-за постоянных драк и обид, грубых слов, брошенных старшими ребятами, привык к вечному одиночеству. Но сегодня из его небесно-голубых глаз опять текли слёзы. Единственного друга, того, с кем он делился всеми своими переживаниями и секретами, плюшевого старого мишку, старшие ребята кинули сторожевой собаке, которая разорвала его на мелкие лоскутки.

Теперь мальчик остался совсем один, и ему казалось, что погода за окном только вторит его меланхолическому настроению. Несмотря на то, что в игровой уже все ребята и воспитатели детского дома собрались праздновать Рождество, он не желал присоединяться к ним. Мальчик, стараясь отгородиться от окружающих, лишь сильнее закутывался в свой большой свитер и смотрел вдаль взглядом, полным обиды, грусти и обманутых надежд, — именно таким взглядом, который так часто можно видеть у детей, которым обломали крылья в самом начале их жизненного полёта.

Не замечая ничего вокруг, ребёнок не услышал лёгких, почти невесомых шагов позади себя. Медленно, пружинистыми шажками к нему подошла старенькая воспитательница, имя которой не знал никто. Все звали эту простую, добрую, с лёгкой и всегда понимающей улыбкой на губах женщину Мамой. Она действительно заменяла всем этого важного человека. Она всегда умела найти нужные слова

поддержки в самые трудные минуты жизни. От неё никогда нельзя было услышать слова насмешки над розовыми мечтами, наоборот, она верила в каждую из них. Когда, казалось бы, выхода уже нет, и наступают тёмные времена, она давала надежду и веру в светлое будущее. Все переживания детей она воспринимала как свои собственные.

Вот и сейчас, видя печаль мальчика, она не смогла оставить его и пройти мимо. Присев на колени около него, она начала медленно гладить его вьющиеся волосы, приговаривая слова утешения. Мальчик старался казаться сильным и не подавать виду, что ему было больно. Однако не прошло и нескольких минут, как он бросился на шею к Маме и стал горько плакать.

— Тише, родной, тише, всё будет хорошо, — приговаривала старушка, качая его из стороны в сторону.

— За что они со мной так? — взахлёб говорил мальчик. — Что я им сделал? — он обнимал воспитательницу, а точнее, цеплялся за неё, словно она была его спасательным кругом.

— Это всё потому, что они не знают, как справляться со своим гневом, вызванным нехваткой любви. Понимаешь, люди, которые выросли без любви, часто не знают, на что направить свою обиду, поэтому они выражают это через различные плохие дела. По сути, они не хотят никого обижать, просто по-другому справляться со своими эмоциями уже не могут...

— Я тоже буду такой, как они?! — с ужасом воскликнул мальчик.

— А ты хочешь? — с лукавой улыбкой спросила воспитательница.

— Нет, не хочу,— уверенно покачал головой в знак протеста мальчик.

— Значит, не будешь. Запомни, всё зависит от твоё желания.

В глазах женщины искрилась абсолютная уверенность в своих словах, из-за чего мальчик безоговорочно поверил ей и улыбнулся.

Встав с пола и отряхнув свою длинную коричневую юбку, воспитательница протянута свою морщинистую руку ребёнку:

— Идём на праздник? Все ждут только тебя.

Маленький мальчик быстро закивал головой и, схватив руку женщины, сам потащил её в игровую, где уже дети и воспитатели сидели на тёплом ковре около маленькой ёлочки и ждали опоздавших.

Как только мальчик уселся на пол около какой-то белокурой девочки с двумя большими разноцветными бантами, начался ежегодный обряд празднования Рождества. Каждый, кто сидел в кругу, должен был по очереди рассказать, за что он благодарен этому году, чему он научился и чего ждёт от будущего. Перед этим все получали немного печенья и кружку молока, что было традиционным подарком от воспитателей детям. Потом все вместе устраивали рождественские игры, пели колядки, частушки и даже гадали.

Конечно, все дети ждут этот праздник. Но не только потому, что можно поесть вкусное печенье и поиграть в весёлые игры, а главным образом потому, что в этом время можно загадать самое заветное желание, которое обязательно должно сбыться.

За несколько минут до полуночи детей снова посадили в круг. У всех, даже у маленького мальчика, было замечательное настроение, которое никаким образом не могло испортиться.

— Ну что, вы готовы загадать своё самое-самое заветное желание? — спросила старая воспитательница.

— Да! — раздался одновременный радостный и нетерпеливый ответ детей.

Внезапно в игровой выключается свет, и только свет от гирлянд освещал комнату. В этот момент и воспитатели, и дети тихо сидели на полу с закрытыми глазами и загадывали своё единственное желание.

«Пожалуйста, пусть меня больше не будут обижать», — сказал про себя маленький мальчик. Он был настолько воодушевлён, что не сомневался в том, что его желание непременно сбудется.

Открыв глаза, он оглядел всех вокруг. Ребята весело переговаривались между собой, воспитатели стояли в стороне и с лёгкими улыбками наблюдали за ними. Погода за окном потихоньку начинала успокаиваться, ветер уже не так сильно завывал, а снег падал большими хлопьями на землю.

«Что-то изменилось», — подумал мальчик и присоединился к игре своих приятелей.

На следующее утро мальчик спал в своей кровати и вдруг почувствовал, что кто-то трясёт его за плечо.

— Вставай, вставай, — сопровождались эти действия словами.

Медленно открыв глаза и удивившись столь яркому солнцу, которое пробивалось сквозь ветви деревьев, мальчик посмотрел на воспитательницу.

— Одевайся и выходи из комнаты. С тобой кое-кто хочет познакомиться.

Старенькая воспитательница ласково погладила его по растрёпанным волосам и вышла.

Протерев сонные глаза, мальчик начал надевать свой свитер с оленями. Одеваясь, он всё смотрел на пейзаж за окном, который так сильно отличался от вчерашнего. Сегодня, действительно, над лесом стояло яркое солнце, которое освещало всю окружающую природу. Белое покрывало, которое лежало на земле, переливалось множеством цветов, и казалось, что в лучах солнца сверкают алмазы. С ветки на ветку весело перепрыгивали красногрудые снегири, беленькая белочка, цепляясь своими коготками, лазила по деревьям, а на опушку леса выбежал маленький зайчонок, который скакал по всей полянке.

«Как же красиво», — подумал про себя мальчик и, улыбнувшись красоте вокруг, вышел из комнаты.

Идя по коридору в сторону гостиной, воспитательница давала ему несколько советов.

«И главное, не бойся, будь собой», — произнесла она, стоя перед дверью.

«Зачем мне бояться? В смысле — быть собой?» — ребёнок не понимал смысл слов старой женщины.

Воспитательница с нежной грустью посмотрела на мальчика и поцеловала его в лоб.

— Иди.

Она приоткрыла ему дверь и всё так же ласково смотрела на него.

Всё ещё не понимая происходящего, мальчик чувствовал, что сейчас произойдёт что-то очень важное, что-то такое, что изменит всю его жизнь. Он неуверенно кивнул воспитательнице и вошёл в комнату.

На мягком диване сидели мужчина и женщина, они смотрели на мальчика с приветливой улыбкой, от которой сердце у ребёнка забилось сильнее. В руках у женщины была новая игрушка — красивый плюшевый медведь...

КЛИНОК ВОЛИ

Правописание сохранено авторское. Приставки «в[о]з(ъ)-», «без(ъ)-», «раз(ъ)-», «из(ъ)-», «низ-», «пред(ъ)-», «с(ъ)-», «под(ъ)-» поставлены в словах русского языка в соответствии с изначально присущими этим словам смыслами и образами. «Мiр» означает «мiроздание, вселенная, бытие»; «мир» же означает «благоприятное состояние, спокойствие, тишина, согласие». Законная буква Ё сохранена.

Человечество страдало под гнётом создателей, из раза в раз падая жертвой их злосчастных экспериментов. Они создали скорбь, муки и боль, лишения и болезни, они инициировали противостояния и войны, они установили судьбу и рок, они сотворили смерть и рождение, организовав безсмысленный круговорот перевоплощений, именуемый сансарой, в котором человек потерялся в безпамятстве. Они заставили людей поверить в свою никчёмность, отвернуться от своей свободной духовной сущности и забыть Безконечность. И хотя обольстившиеся их лживыми речами сами обвинили и наказали себя, коварству создателей нет оправдания, как до времени не было и предела.

Веками Воитель силою гипнотического сна был заточён в их непреступной цитадели. Создатели боялись его, но не могли уничтожить и потому постарались обманом от него избавиться, замуровав в темноте. Они верили, что так будет продолжаться всегда, и в своей спесивости, гордыне и самомнении забылись и ослабили хватку. И тогда могучим ярко-голубым сиянием сгусток Вечной Воли прорвал оковы, стряхнул с себя кандалы, до сих пор скреплявшие его, и неудержимым порывом вырвался наружу. Создатели сначала не поняли, что произошло, продолжив пребывать в праздности и безделье; ведь всё для них делали смертные, поддерживавшие своими безпамятством, страхом и рабским трудом их долгожительство. Но когда начали гибнуть их товарищи, они взтревожились и забезпокоились не на шутку.

«Кто это, повергающий наших братьев? Как объяснить, что нас не защищает наше безсмертие? Неужто пробудился Воитель?» — вопрошали одни. «Этого не может быть, ведь Воитель заточён в неприступной крепости, и ни один смертный не имеет входа в неё, дабы мочь его вызволить!» — возклицали другие. Но он пришёл к их роскошным дворцам, возведённым на безчисленных костях жертв творения, и они ужаснулись, ибо знали, что всё их богатство он превратит в руины.

«Я — Тот, Кто Я Есмь! — провозгласил он. — И вам не устоять предо Мною. Покайтесь, и тогда я пощажу вас, а вы займёте место вечных служителей истинной Воли, а не её властителей».

«Кто ты такой, чтобы предлагать нам подобное? — возразили они. — Ты не властен над нами, и нам нет дела до твоих притязаний. Мы всегда правили здесь, и так будет продолжаться и впредь». И орды разгневанных демонов бросились на Пробудившегося.

Он разсёк их всех. Он сокрушил их неизчислимое воинство. Обагрив свой сияющий зелёным светом клинок их чёрной кровью, он приблизился к первому из их повелителей.

«Имя тебе — болезнь. И Я тебя уничтожаю». И он вознёс свой острый как тысяча лезвий меч к небесам, так что они загремели на всю вселенную, и с силою, подобной столкновению сотен планет, вонзил клинок в пасть создателю. Вопль ужаса раздался по мірам, и во всех них отныне прекратились болезни.

Затем он приблизился ко второму владыке.

«Имя тебе — лишение. И Я уничтожаю тебя». Но властелин, помня, что стало с товарищем его, льстивыми речами стал предлагать богатства Воителю, обещая ему все мыслимые и немыслимые блага.

«Ты так глуп, что веришь, будто сможешь обмануть меня, — ответил на это Победитель. — Ведь что есть богатства, получаемые от лишения? Одни лишь несчастья и не более». И, взпыхнув ярким пламенем, его клинок, словно громовая молния, в мгновение ока отсёк голову творцу. И в миг во всех мірах прекратились лишения, и возрадовались их обитатели, и славили они Воителя, ибо знали, что он и они — едины.

После этого он приблизился к третьему господину.

«Имя тебе — страдание. И Я тебя уничтожаю». Но этот создатель пронзительно взвыл на всю вселенную, словно этим пытаясь отбросить от себя Воителя и ослабить его. Однако вой ему не помог, и сокрушительная мощь неукротимого меча Освобождения обрушилась на него, разколов надвое его череп, так что сотряслись своды вселенной. И избавлены были от страданий, боли и мук все существа во всех мірах творения, и возрадовались и возликовали они, славя Освободителя.

И приблизился он к четвёртому творцу, что сеял смуту, хаос и раздор.

«Имя тебе — война, она же противоборство. И Я уничтожаю тебя». Но владыка этот выхватил свой меч и стал яростно биться с Воителем, от чего содрогнулись небеса и земли. Напрасно он сопротивлялся своей погибели, ведь Освободитель непобедим. И сокрушил он этого творца, вырвав сердце из его груди и подняв оное над землёю в знак устрашения остальных создателей.

Затем предстал Воитель перед властелином, что определял для всех тварей неумолимый рок, именуемый также судьбою.

«Имя тебе — закрепощение. И Я уничтожаю тебя», — молвил он. И множество щупалец и клешней было пущено от этого творца в его сторону. Но он обрубил и отрезал их все и вонзил свой могущественный, несокрушимый клинок в плоть сего властелина, повергнув его навеки. И возтрубили все міры, купаясь в счастье и радости, ибо отныне и навеки они были избавлены от паутины этого зла, вернув себе свободу.

Наконец, Вечный добрался до главных чертогов верховного царя, повелителя сансарного творения, именовавшего себя Богом.

«О, я вижу, ты весьма смел, раз отважился подобраться к моей цитадели, — с усмешкою сказал владыка. — Что ж, поглядим, что ты сможешь сделать со мною». И не дав Победителю времени для ответа и обороны, он напал на него. Изпуская из себя множество мрачных стрел, становящихся страшными демонами, он всё направлял и направлял их в сторону Воителя, а тот всякий раз их отражал чисто и безупречно. Долго, неизчислимое количество эонов и эпох длилась эта космическая битва, покуда не выдохся царственный владыка и не стал запинаться. И тогда прогремел голос Воителя:

«Имя тебе — смерть. А Я — Возкресение Жизни». И, выбив одной ногою из лап повелителя плеть, а другою прижав к земле его горло, Непобедимый пронзил сердце верховного создателя своим мечом, и ярчайший свет, словно от сотен миллионов солнц, последовавший за этим, залил всю вселенную.

И отныне и навсегда здравствовала она, пребывая в этом Свете — прекрасная, безболезненная, счастливая, умиротворённая, знающая лишь вечную жизнь и вечную молодость.

И шли все её обитатели гармонично и естественно от ступени к ступени по пути Совершенства, наслаждаясь каждым мгновением бытия и славя даровавшего всё это Вечного Воителя. Того, Кто пребывает в сердце каждого как его сущностная Воля, как его сокровенное, истинное Я. Того, Кто всегда побеждает. Того, Кто был, есть и будет всегда.

РЕБЁНОК, НАШЕДШИЙ РАДУГУ

Вспоминаю своё детство; лучистый проблеск в окне, накрывающий сновидение. Я брожу глазами по комнате в поисках зайчика. И вижу его в тазу, на отражённой воде. Ветер за окном повис на ветке; созерцает себя наяву. В купели сновидений я вижу свой огненный рассвет. Солнце и ветер, ясное небо и лягушки к дождю. Жара не была в те годы моего детства такой невыносимой. Я приносил естеству мира лягушек. И всегда шёл дождь. И мир был неотделим от меня. Разве так вокруг?..

Старые фотографии из семейных альбомов — царского и советского времени. Добрые советские лица. В альбомах ещё были места для открыток. Присланных, подаренных и купленных. Когда они не стоили дороже воспоминаний. Как теперь, что ты чувствуешь, дитя?

Письма доходили до адресатов. Наверное, так. Даже если адресаты были духи. Даже если не было духов. Было пространство бытия. Сейчас есть поломанный язык на электронной бумаге; за полями этой бумаги — выходит предел текста. Смысл предела вне его предела.

Мыльные пузыри переливаются на ветру, лопается радуга. Проезжие машины как на индейских масках — со своими лицами, со своей душой. Дух Естества. Барахтаясь в корыте — мыло ело глаза; я ел сгущёнку с тремя ложками сахара слаборазведённого чая. Теперь сгущённое молоко сварилось в моей памяти, и его ест кто-то другой. Наверное, так было теперь.

Загадка. Четырёхколёсный велосипед ездил по двору, потом на покатистой улице; зимой санки проезжали далеко вниз — большие взрослые ругались на сновидение катка. Детство снилось нам с миром. Детство — это мои раскаты смеха, звенящие в небе.

Деньги не имели значения. Смысл отсутствовал, как израненная юность — в желчных глазах сверстников и их непрочитанных книгах. Библиотека как кладовая строчек, как моя первая статья в газете.

Ловил солнечных зайчиков зеркалами. Разбитым зеркалом довольствовался мяч. Баскетбольный был самый удобный. Неудобным был двор, а всё так же знакомым. Сидели все соседи, все стёршиеся ныне лица; выветренные пожитки сердец. Я кружился дервишем, стекалось и мазалось небо — как в объективе старого «ФЭД»'а. Или на карусели. Быстрые протуберанцы мыслей в единый калейдоскоп. Его грани не утрачены, они ещё живут. Их можно видеть в объектив — когда растекаешься в нём нечаянным зорким.

Тяжело давались буквы; красиво они пелись. Звуки сливались в гамму — разве знал ребёнок пения по нотам? Звук пел сам — многими голосами, с духами вокруг и мыслями нараспев. Так созерцались звёзды на вечернем небе. Так растекалось Солнышко, засыпая во дворе, укатываясь за печку. За потёртую городскую печку.

Башня из глины и кирпича — первое построенное здание. И отложенный ныне стройматериал; вынес его за поле круга. Пусть лежит до поры. Пока квадраты превращаются в круги, превращаются в сферы — там я слышу акустику, что отражается равномерно. Как в куполе. Или как на деревенском холме — взобрался на него в юности, но сновидел ещё с тех времён. Почему они кажутся такими дальними? Как рассекаемые винтом теплоходика речные волны — исчезающие, но поэтому повторяющиеся?..

Где я увидел радугу? Со двора, не очерченного страхом и не поднятого на дыбы бумажной волокитой. Не видевшего ещё перемены моими глазами. И не распростёртого ниц перед праздником.

Мир наполнялся смыслом. Через множество газетных выпусков, эфира двух чёрно-белых, позже — нескольких цветных каналов, радиостанций местного розлива, фраз, бросаемых на кухне, и череды звуков, цветов, запахов, радостей и всего-всего-всего!.. Как на ладони раскрывал просторы. И просторные комнаты, без лишней жары и вспотевшего утра. Я заключал в объятия зиму. Купался в снегу, дружа со снеговиками и дождевыми потоками. С ветром, звеневшем в ушах — как заснеженный вихрь, слышанный в телевизоре, — и морозными завываниями в печной трубе. Так начинало свой путь естество. Так наступала пора. Так всё и было.

Разбегаясь в сугроб — планы на кружащие санки. На промокшие варежки у печи. И лежащие на окне узоры. Такие картины больше запомнились — узоры на обычном стекле. Всегда новые и рисованные кистью Дедушки-с-Севера.

Осенние ливни — под ними можно купаться. Подставляя руки и голову. Чувствовать брызги, звенящие у глаз и стекающие по волосам. Когда коротким, когда до плеч. А когда я их просто забывал. Словно вода проходила насквозь и струилась в самом теле.

Весна подружила с капелью. Сосульки, падающие с крыш и сбиваемые липким снегом, искрящимся на тающем дворе. Или у дуба, растущего ещё до моих воспоминаний; дерево, растущее в небо...

ВИБРАЦИЯ

Помнишь? Всё было темно.
Пульс и дыхание. Схватки.
Звёзды летели в окно —
Старая запись в тетрадке.

Крик, и я вышла на свет.
Воздух колючий, аж больно.
Старт, я в преддверии лет.
Быть мне с рождения вольной.

Вёсны вперёд прокрутив,
Время ли, кто-то незваный,
Звёзды ловил в объектив,
Делая снимки Нирваны.

Пульс да дыханье опять.
Двое — одно, яркий ветер.
Время попятилось вспять.
Жизнь прорывает все сети.

Вёсны в копилку. Полёт.
Верхом стал низ, всё едино.
Вечер разлил красный мёд.
Слой, снова слой, и картина.

Звёзды летят и летят.
Всё на круги и кругами.
Ночь гладит чёрных котят,
Звонко стуча каблуками.

Видишь? Всё снова темно.
Пишешь строку завершения:
В полночь раскрыто окно,
Ладно, пока! С возвращением.

СПЛИН И ВСЁ, ЧТО НЕ СОВРЕМЕННО

Твердят все: «Кто с явью не в ногу, кто сдался,
Отстав от эпохи, — уж верно, калека!»
Но что же мне делать, коль дух потерялся
Средь блеска салонов забытого века?

На что мне прогресса их карточный домик?
И как я из тех лет в «сегодня» попала?..
В той жизни Ронсара любила я томик
Пролистывать на ночь, устав после бала...

Я здесь по ошибке, я — вашей эпохи,
А помните встречу одну, у Верлена?
Последствия были и ярки, и плохи...
И всё обернулось лишь горсткою тлена!..

Друзья и коллеги, наставники многих,
И мне вы советом не раз помогали!..
Как несправедливо, что наши дороги,
Сойдясь, свой каприз на разлуку сменяли!

«Ты хочешь вернуться? — меня вопрошают. —
Но как ты найдёшь то, что было когда-то?»
За нас не волнуйтесь, — романтики знают
И время, и место в Былое возврата...

И духи печально кивнут мне, ответь я, —
Где точка слиянья всего, что не ново...
«В бездонных глубинах, обласканы Смертью,
На радость друг другу мы встретимся снова!»

ЗАГАДКА МАСОНА

Великая тайна, рождённая в Гизе,
Под первой из первых луной,
Доступна хранящему клятву молчанья,
Вошедшему в градус шестой.

Два сфинкса укажут на линий скрещенье,
На символ мистических врат...
Откроешь ли Малым ключом Соломона
Врата, чтоб войти в этот сад?

ХАОС УПОРЯДОЧЕННЫЙ

Я хочу забрести
В смысл без смысла, брести,
Растворясь в пустоте,
Быть везде и нигде.
Пусть движенье планет —
Звук дрянных кастаньет,
Я найду новых жил,
Чтобы дар во мне жил
Звёзды переплести,
Звёзды перевести
С языка чёрных книг
На слепящий язык,
И, оставив гореть
Этой горсточки треть,
Башню, море и твердь
Я сотку в круговерть,
Дно одно я за тем
Вновь увижу, затем
Башню, море и твердь,
А не смерть.

ВСПОМИНАЯ ОСКАРА УАЙЛЬДА

Хотела я мечтою поиграть:
(Как чёрт, брожу без дела по квартире!)
Заставить Время обратиться вспять, —
В одной моей душе, — не в целом мире.

Душа излечится — тогда моя
Улыбка прежняя лицо осветит...
Нет, вдруг всё сбудется?! Ведь мы — в ответе!..
Но... только показалось мне, что я

Вернулась в те фантазии — и что же?
Безжалостно прогнав мелькнувший след
Доверчивости — счастья давних лет,
Сестрица с кислой и брезгливой рожей
Мне рожи корчит, — негодяйка, ах! —
В кривых, больных и мутных зеркалах.

ЗОЛОТЫЕ ЖРЕЦЫ

В луч растянув горизонта концы,
За лесом идут золотые жрецы,

Чёрными копьями разделены,
Бесчувствием неба опустошены;

Плачут над криптой умершей Каллисты,
Чтоб выведать тайну, и пусть золотисты

И ослепительны кроткие лица,
Вопрос не даёт им с божественным слиться.

В день изо дня повторяется это:
Молясь, не услышат, не знают ответа,

И, прозакладывав Мраку венцы,
Уходят в тоске золотые жрецы.

ПРИЗРАЧНЫЙ НОКТЮРН

Спеша приветствовать неясных чувств толпу,
Ночь смотрит в душу мне обугленной глазницей.
Хранимы чёрным псом, египетским Инпу,
Идут фантомы вод печальной вереницей, —

Скитальцы странные с глазами моряка,
В один фантом-гигант мечтой капризной слиты,
Живыми брошены, потеряны, забыты;
Но приютил их бриг с названием «Тоска».

Там леера, блестя седеющей луной,
В плену у грифов мачт, нот призрачных искали,
Нетерпеливой и напевною струной
Дрожа, и, чтоб развлечь отверженных, слагали
Гимн; он и Южный Крест творили сны вдвоём,
И так звучала ночь в сознании моём.

ДЕЖАВЮ

Они собрались, как привыкли собираться.
Им бы, как встарь, о важном говорить,
Признаться иль соврать, ругать иль соглашаться...
Но все молчали. Было скучно жить.

ОТРАВА

Чтоб защитить себя от яда в ярком перстне,
Ты не спеши внимать лихой застольной песне,
А кубок приготовь сперва из изумруда:
Чуть запотеет он — напиток не без худа...
И в нём сойдёт на нет зловещая приправа...
Но как же быть, когда сам изумруд — отрава?..

КРУГ

Всё пыль, и прах, и звук пустой,
На всё один ответ простой,
А человек искать готов
Софизмы вместо пары слов.
Усилий горы он свернул
И сам себя же обманул...
Непрочен след его в веках:
Дворцы погребены в песках,
Культур великих нет как нет,
Их затерялся даже след.
И нас однажды рок сметёт,
Пошлёт во мглу, на эшафот
Времён забытых, странных, смутных,
Нам рассчитали поминутно
Путь жалкий наш; стремясь вперёд,
Мы не следили мысли ход.
Ещё вчерашний идеал,
Что нас на подвиг вдохновлял,
Сегодня свергнут с постамента,
Принявши облик рудимента.
И жрец напрасно колдовал,
Ища начало всех начал:
Не видя к ней простёртых рук,
Природа замыкает круг.
Так, жизнь прожив, на склоне лет
Находишь, глядя миру вслед,
На всё один ответ простой:
Всё пыль и прах. И звук пустой.

* * *

Я свободна, Я ветер,
Я — жаркий огонь.
Обернусь на рассвете
Полноводной рекой.

Я — как солнце, как струны
Гитары моей.
Я в объятиях лунных,
В пуху тополей.

Я — как звёздная пыль,
Как сияющий мрак.
Как забвения ил,
Я себе друг и враг.

Я — как быстрая песня,
Как бурлящий вулкан.
Я клинок серебристый,
А ещё ураган.

Отодвину границу
Фантазий своих.
Полечу белой птицей,
Разразив вихрь искр.

Я сама загораюсь
В судьбоносном пылу,
Я всего добиваюсь,
Потому что живу...

* * *

Не смотри на закат — растаешь, не пытайся понять — не сможешь.
Когда солнце, срываясь с края, разлетается вдоль дорожек,
По асфальту, домам, вокзалам, по настенным часам и плитам,
По далёким приморским скалам, словно лучиков чистых свита.
А потом наступают тени, соревнуясь со светом словно,
В ореоле сквозных движений, невозможно сказать и слово,
Невозможно поведать чувство, описать и облагородить.
Когда смешиваются густо ночь со днём в одном переходе.
Заплетаясь в единый сгусток, окрыляя оттенки красок,
Это можно назвать искусством. Это можно назвать прекрасным.
Это словно бы дрожь под кожей, это будто бы ты летаешь,
Не пытайся понять — не сможешь, не смотри на закат — растаешь.

* * *

Давай взорвёмся, давай без завтра
На небосводе среди огней,
Я буду ночью готовить завтрак
И не считать календарных дней.
Стекает время с горячих пальцев
Солёным привкусом на губах,
И смерть-старуха отложит пяльце
С улыбкой нас обращая в прах.
Но мне не страшно, бегут дороги
Асфальта лентами в небеса.
Всего лишь люди, простые боги,
Развесят алые паруса
В своих домах, чтобы посушились,
Но мы с тобою ещё плывём.
И, знаешь, сколько бы мы ни жили...
Ведь просто главное, что живём.

* * *

Вот он, проходит ещё один долгий век,
Шьётся судьба золотисто-багровой нитью.
Время не медлит, оно ускоряет бег.
Скоро все наши споры запрут в граните.
Шёпот, который спасает из темноты,
Шелест страниц и ропот упавшей маски.
Жизнь научила сжигать за собой мосты.
Быть безразличным и верить в чужие сказки.
Небо рассыплет звёзды в цветной стакан;
Горсть зачерпнуть, от жадности, ночь не спать,
Если на минном поле найдут капкан —
Я бы, пожалуй, не против в нём станцевать.
В ступке мешать созвездия, ворожить,
Звёздную пыль рассеивать по кустам,
Тут, на стыке миров, «умереть» и «жить».
Хочется просто палец прижать к устам.
Там, в безумствах земных пустот,
Здесь, на гранях иных реалий —

Замирать, умирая из века в год
И, как феникс, воскреснув, пылать сквозь камень.

* * *

Потолок бестолково щурится, уж не знает, куда сбежать,
Здесь прощаются, здесь целуются, здесь не хочется уезжать.
Вдоль трамвайных путей вразвалочку, до калитки и стука в дверь,
Здесь мы часто играли в салочки, и не верится, что теперь
Постояльцы невольно хмурятся, осторожничают войти.
Через окна хмельная улица сонно смотрит на паперти.
Обветшалая крыша молится, чтоб и в этот раз не упасть.
Домик держится на пословицах, их рассказано было всласть.
Отступи пять шагов от прачечной, и увидишь седой вокзал,
Здесь всегда очень люто плачется, всё вокруг оплела лоза,
Как бы в память о юной осени...
Столько лет утекло с тех пор.
Злая бабушка с белой проседью закрывает дом на запор,
Закрывает с любимой книгою, с моим фото за стеллажом.

Я неспешно иду под ивою,
Этот город мне не знаком.

* * *

И если раньше сомнений ковшик
Не пополнялся по пустякам,
«Я это вижу» — не меньше / больше,
А просто истина. Верь глазам.

То не сегодня бушуют бури,
Вобравши в море обломки звёзд,
И сбит маршрут дилетантской пули
С моей руки, что легка на сброс.

А мир цветёт, разгораясь красным,
И оживает в твоих очах,
Я никогда ничего прекрасней
Не видел... или не замечал.

* * *

Для нас, подростков, всё это свойственно
Орать до чёртиков, злиться, кичится
И, выражая неудовольствие,
Сносить по камешкам все приличия.

Танцуя там, за окном, где холодно,
Почти целуясь с ветрами южными,
Пинать преграды, трезвонить в колокол,
Смиряться с болью или ненужностью.

Звучать, как музыка, терпко, трепетно.
Читать баллады в ночах с фонариком.
Сбегая и возвращаясь временно,
Писать стихи и прослыть прозаиком.

И хохотать, да по всем окрестностям.
Чтобы все улицы рядом слышали.
Что ты, счастливая, о бесчестности
По новостям никогда не слышала.

Что ты — горящая бесконечностью.
Что все тетрадки давно разорваны,
Что, наслаждаясь своей беспечностью,
Ты личность яркая, беспризорная.

Читая тайком не свои записочки,
По-быстрому пряча шпаргалки в карман,
Мы самостоятельно, по тонкой ниточке
Сами приводим себя в капкан

И взрослеем...

* * *

Небо застыло безжизненной серой стеной.
Счастье осталось уже далеко за спиной.
И раз за разом мне всё тяжелее уснуть,
Я вспоминаю те дни, что уже не вернуть...

* * *

Падают с крыш
Пустые слова,
Разносятся ветром.
Ты дома и спишь,
Между мной и тобой
Миллион километров.
Рвутся на части
Чьи-то сердца,
Разбиваясь о камни.
Случается счастье,
Которое греет
И сразу же ранит.
Дождь по окну,
Я у окна.
Мы оба плачем.
Во снах утону,
Слёзы пройдут.
Как же иначе?
За мокрым стеклом
Слабый рассвет.
Почему я не птица?..
Взмахнула крылом,
Обо всем позабыв,
И спокойнее спится.

* * *

Снова день, когда никто не пишет.
Снова боль, когда никто не ждёт.
Снова медленно съезжает крыша,
Скоро меня мыслей дождь зальёт.

Я лежу с закрытыми глазами.
Мне так легче: я не вижу мир,
Где одни себе жизнь строят сами,
А другие сами жгут её до дыр.

Понимаю, что сама должна бороться.
Но не знаю, почему я не борюсь.
Или подо мной судьба не гнётся,
Или просто я сама себя боюсь...

* * *

Озеро. Вечер. Луна. В отражении чьи-то глаза.
Волны пошли по воде, несмотря на сухую погоду.
Это была одна горькая очень слеза,
Что сквозь ресницы пробилась и капнула в воду.

Утро настанет, представь, а меня уже нет.
Я убежала летать на другую страницу.
Озеро. Утро. В отражении солнце. Рассвет.
Весна отпустила меня, словно дикую птицу.

КОНУНГ

Все зовут её Танцующая с Волками. Её история началась давно, задолго до того, как люди поселились на Волчьих Землях. Никто не знает имени, что дали ей при рождении. Рыжеволосая женщина в чёрном платье, с диадемой, имеющая голову волка на этом украшении, получила своё прозвище не просто так. Люди нередко видели, как она танцевала с Белым Волком — он считался духом леса — в пламенном кольце. Женщину люди посчитали духом дикой природы, прорицательницей и сильным шаманом.

Танцующая с Волками путешествует от одной деревушки к другой, от королевства к королевству. Она стала свидетельницей разных событий: войны соседних королевств, подвиги великих героев, чьи имена давно бы канули в лету, если бы не она. Танцующая с Волками рассказывала истории всем, кто её об это просил. Вот и сейчас, остановившись в небольшой деревушке на ночлег (жители всегда давали ей небольшой домик), Танцующая с Волками была окружена детьми этого поселения. Всем было интересно послушать рассказы гостьи, задать вопросы. Разве можно было упустить такой шанс?!

— Танцующая с Волками, а ты много героев видела? — начали расспросы дети, сев полукругом на ковре возле камина.

Сама женщина сидела на красивом резном стуле.

— Очень много. Я видела и знаю даже тех героев, чьи подвиги уже забыты простым людом. Лишь старейшие мудрецы их помнят, — ласково улыбнулась женщина.

— А ты знаешь Конунга? — спросила девочка в голубом платьице.

Каждый ребёнок улыбался, когда Танцующая была рядом. От неё всегда веяло неким колдовством, но никак не злом.

— И Конунга я знаю, — последовал ответ.

— Конунг? — удивились другие дети. Очевидно, никто и не слыхивал о таком человеке. — А кто он такой?

— Никто не знает точно, кто он, откуда пришёл, но не появись он однажды, Великий Лес давно бы сгорел в пламени жестокой войны, а Волчьи Земли погибли бы. Хотите, чтобы я рассказала вам эту историю?

Танцующая с Волками посмотрела на детей ясными зелёными глазами.

— Да! — хором ответили малыши.

— Ну хорошо, — кивнула она, улыбаясь, — слушайте. Давным-давно, когда в Волчьих Землях правили два короля...

*

Зима только вступила в свои права, замедлив ход долгой и тяжёлой войны двух королевств — Северного Артора и Южного Самираса. Никто уже не мог вспомнить, что не поделили два могучих короля и из-за чего началась эта война. Сейчас, когда линию фронта замела метель, было принято решение о перемирии.

Многие люди смогли вдохнуть спокойно. Танцующая с Волками в своём вечном странствии забрела в городок, что располагался у самой границы двух государств. Все таверны были полны воинами, которые ожидали приказа командира к атаке. Женщина зашла в одно из таких заведений — кажется, оно называлось «Золотой индюк». Её было трудно не узнать, поэтому несколько воинов любезно уступили ей место за небольшим столом. Люди всегда относились к ней с почётом.

— Танцующая с Волками, а ты правда можешь предсказывать будущее? — задал ей вопрос воин со шрамом на щеке, который только что уступил гостье место.

— Нет, Бальзар, — женщина назвала его по имени, — будущее ведомо лишь Богам. Они рассказывают будущее своим помощникам, а некоторые из них делятся своими знаниями со мной. Будущему дано держаться в глубочайшем секрете, и не стоит лишний раз его раскрывать.

— А ты знаешь, кто победит в этой войне? — задал вопрос другой воин.

Он был ещё совсем молод — видимо, самый младший среди всех.

— В этой войне не будет победителей и проигравших, Римзор, — да, эта женщина знала здесь имя каждого, — но до окончания войны погибнет ещё много людей, в том числе и невинные дети, — она горестно вздохнула.

Больше вопросов ей не задавали, дав спокойно отведать дичи и удалиться в комнату на ночлег. Поутру Танцующая с Волками отправилась в Великий Лес, дабы провести свой ритуал с Белым Волком. Женщина нашла подходящую поляну, где можно было спокойно разжечь костёр и в танце общаться с Белым Волком. Ритуал должен был проводиться только наедине. Однако её планы нарушил человек, вышедший с другой стороны леса. Молодой мужчина смотрел прямо на Танцующую с Волками. Черты его лица издалека было трудно уловить, но женщина увидела в нем мужество и смелость великого воина. Незнакомец носил бороду, пусть она не была такой густой, как у других воинов, и длинные волосы. Несмотря на ужасный холод, одет он был лишь в кожаные штаны, на поясе которых висел меч, и меховые сапоги. На могучих плечах покоилась чёрная меховая накидка. Танцующая с Волками сразу поняла, что человеку перед ней уготована судьба героя. Более того, на секунду ей показалось, что этот мужчина не просто человек.

— Я чувствую в тебе дух великого воина и героя. Как зовут тебя? — женщина первая нарушила лесную тишину.

— Моё имя Конунг, Танцующая с Волками, — мужчина подошёл ближе к ней, выйдя на открытую поляну, — но я не воин и не являюсь героем, — сказал он.

Прорицательница удивилась такому заявлению.

— Кто же ты тогда, Конунг? — она также вышла на поляну, оказавшись в метре от воина.

Теперь она могла прекрасно разглядеть его внешность. Да, он был красив: острые черты лица, выразительные чёрные, словно беззвёздная и безлунная ночь, глаза, такие же чёрные волосы.

— Я не знаю, кем на самом деле являюсь. Возможно, я человек, возможно, я демон.

— С чего ты так решил? — улыбнулась она уголками губ.

— Волки леса слушают меня.

Танцующая с Волками удивилась. К сожалению, о чём был разговор дальше, не помнила даже сама она. Зато женщина отчётливо помнила, что совершить ритуал в тот день ей не удалось.

*

Танцующая с Волками исполняла свой ритуал. В кольце магического огня она танцевала, а с нею танцевал Белый Волк, который время от времени принимал облик человека. Он делился своими знаниями с шаманом в этом танце. Молчаливо, не мешая женщине, за ритуалом следили Конунг и волки, стоявшие за его спиной. Все были зачарованы этим зрелищем. А посмотреть было на что: изгибы её тела завораживали, Белый Волк ласкался, принимая облик то зверя, то человека; огонь то затихал, то вспыхивал новой волной. Неожиданно Белый Волк исчез, но огонь не погасал. Женщина повернулась лицом к воину, присев на корточки, и протянула руку. Один из волков, чёрный вожак, вышел вперёд, а затем сорвался с места и побежал к кольцу пламени. Огонь расступился, впустив внутрь животное, и снова замкнулся. На этот раз пламя вспыхнуло очень сильно, поэтому Конунг не сумел увидеть, что происходило внутри. Но у всего есть конец. Пламя резко погасло, оставив на земле выжженный круг, волк вернулся к стае, лизнув руку воина. Танцующая с Волками подошла к Конунгу и улыбнулась. Мужчина улыбнулся ей в ответ.

— Скоро состоится турнир для воинов, тебе нужно участвовать, — она взяла его руку. — Я знаю, что ты не воин, но так надо.

Конунг кивнул, не смея возражать.

*

В тавернах всегда было шумно, особенно зимой. Танцующая с Волками часто приходила в «Золотой индюк», чтобы пообщаться с воинами. За прошедшие два с половиной месяца женщина вселила уверенность во многих солдат, а Конунг, победив в зимнем воинском турнире, приобрёл огромную популярность не только за свои навыки, но и за дельные советы, которые он давал начинающим воинам и мирному народу.

Женщина сидела в любимой таверне и пила вино с несколькими солдатами и Конунгом за одним столом. Мужчины пили за скорейшее окончание войны и здоровье прорицательницы, на что сама женщина лишь улыбалась.

— Скажи, Танцующая с Волками, ты отправила меня на зимний турнир, чтобы я стал воином? — невзначай спросил Конунг.

— Как ты догадался? — наигранно удивилась она.

Все сидевшие за столом улыбнулись, некоторые даже хихикнули. Конунг же лишь хмыкнул.

Внезапно в таверну ввалился запыхавшийся воин. Очевидно, он принёс вести от командования. Все, кто в тот момент находился в таверне, устремили свой взор на этого человека. Мужчина, отдышавшись, обвёл товарищей взглядом и кивнул. Все поняли его без слов.

— Когда? — спросил один из воинов.

— Командир сказал, что выступаем на рассвете.

В таверне повисла почти гробовая тишина. Никто не хотел возвращаться на поле боя. Всё хорошее рано или поздно заканчивается. Зима шла на спад, перемирие подходило к концу. Тишину нарушила Танцующая с Волками. Женщина тихо пропела оно из видений, которым с ней поделился Белый Волк:

— Вот он, приказ: назад не ступить, перед врагом на колени не пасть! Клацают волки, да ворон кружится...

От этих строчек солдаты поёжились. Конунг сидел задумчиво, а спустя пару мгновений встал.

— Мы — арторийцы! В наших жилах тычет ледяная кровь! — начал он свою речь, его голос никогда не был таким серьёзным. — Артор выдержал лютые морозы и продолжал процветать, пока не началась война. Так давайте закончим её раз и навсегда! Мы — арторийцы! Нас не сломить!

— Мы не сдаёмся! — подхватили солдаты.

В помещении раздались одобрительные возгласы. Успокоить толпу пытался хозяин таверны, но удалось это сделать лишь Танцующей с Волками:

— Друзья! Прошу вас успокоиться и придержать свой пыл для завтрашней битвы, — воины замолкли и уставились на прорицательницу. — Я расскажу вам, что поведал мне Белый Волк. В шумных тавернах тем же составом бравым, храбрым воинам слава! Воспеты героев вечные жизни! Хранит народ за нами весь род.

— Слышали, братцы? Мы вернёмся живыми в эти стены! — крикнул воин со шрамом на щеке.

Мужчины ликовали, они с нетерпением ждали окончания этой войны, чтобы вернуться домой к любящим семьям.

*

На рассвете воины двух королевств вступили в битву. Самирасцы за зиму подтянули резервные войска, поэтому численно превосходили арторийцев. Однако на стороне последних появился неожиданный союзник — огромная стая волков из Великого Леса, возле которого сейчас и велась битва.

— Стрелы быстрые, стрелы шустрые, копья-клинки. Когти острые. Сталь смертоносная ранит насквозь, — повторяла постоянно прорицательница.

Танцующая с Волками стояла среди деревьев, наблюдая бессмысленную, беспощадную бойню, которую каждый хотел поскорее закончить. Лязг стали эхом до-

носился до леса. Женщина видела, как падали замертво воины, слышала, как, умирая, они кричали имена своих жён или матерей. На её месте простой человек давно бы сошёл с ума, но Танцующая с Волками привыкла к такому ужасному зрелищу.

Этот бой, к счастью, закончился небольшими потерями для обеих сторон. Прорицательница отправилась в лагерь арторийцев найти Конунга. Почему-то за него женщина волновалась больше всего.

Воины приветствовали её в своём лагере, а после возвращались к своим делам: кто-то обрабатывал раны других, кто-то ремонтировал доспехи, кто-то точил мечи. Танцующая с Волками нашла Конунга в лазарете. Как оказалось, воин был хорошо знаком с медициной.

Такие бои продолжались до середины апреля. Танцующая с Волками уже месяц помогала раненым и больным в лагерях Артора и Самираса. Она проводила ритуалы каждые три дня, но Белый Волк либо не откликался на её зов, либо почти ничего не рассказывал. А по ночам прорицательница видела один и тот же кошмарный сон: Великий Лес горел. Через этот сон духи поделились своим знаниями о грядущем. К сожалению, женщина осознала это слишком поздно.

Танцующая с Волками снова следила за боем, находясь среди деревьев Великого Леса. На этот раз она наблюдала за воинами, что часто проводили время в «Золотом индюке». За зиму и начало весны они стали ей очень близкими людьми. Возможно, это и стало причиной того, что случилось.

Самирасцы запустили огненный заряд. Они целились в арторийцев, однако что-то пошло не так, прицел сбился, и заряд повалил несколько деревьев в метре от Танцующей с Волками. Снег к тому моменту уже полностью сошёл, поэтому огонь перепрыгнул на траву, кустарники, а потом и на деревья.

— Великий Лес в огне... — прошептала Танцующая с Волками.

Она смотрела на разрастающееся пламя ещё несколько секунд, а затем, отойдя от шока, подобрала подол платья и побежала в самую гущу битвы, где сражался Конунг. Она понимала, что одной ей огонь не утихомирить, а Конунг был связан с природой так же, как и сама прорицательница.

— Конунг! Конунг! — кричала она изо всех сил, уворачиваясь от клинков, — Конунг! Лес в огне!

Она хотела бежать, но воинов было слишком много, и уворачиваться от атак было трудно. Многие воины нарочно пытались пронзить шамана, крича: «Смерть ведьме!»

Неожиданно Танцующую с Волками схватили за руку и выдернули из потока смерти.

— Тебе жить надоело?! — Конунг нашёл женщину, услышав её зов. — Зачем ты ввязываешься в эту битву!

— Я не сражаться пришла. Великий Лес горит! — она указала на огромный костёр, что сметал на своём пути все живое. — Мне одной его не усмирить. Помоги мне!

Конунга не нужно было упрашивать. Великий Лес был источником жизни Волчьих Земель, и воин это чувствовал. Он бежал вместе с прорицательницей. Они достигли поляны, на которой впервые встретились. Огонь только начал подступать к ней. Женщина взяла парня за руки, ярко ощутив его скрытую и очень мощную силу, и начала заклинать стихии:

— Духи Огня, Духи Леса, услышьте глас мой, что взывает к вам в этот трудный час. Защитите Великий Лес от всех бед, что принесла тяжёлая война двух королевств...

— Спасите жизнь нашей родной земли. Я прошу вас. Я молю. Я заклинаю! — неожиданно, даже для себя, закончил заклинание Конунг.

Природа услышала мольбы своих детей и послала очищающий дождь, что погасил пламя. Он же остановил битву. Воины не смогли сражаться под сильным ливнем, поэтому обе стороны отступили. Настало долгожданное затишье.

*

В начале мая в лагеря на линии фронта прибыли сами короли. Они решили покончить с войной раз и навсегда, сразившись между собой. Победитель получит все земли и богатства, проигравший же потеряет всё, даже жизнь.

Танцующая с Волками остановилась у любимой таверны, подставляя лицо солнечным лучам и наслаждаясь их теплом. Постояв несколько минут, женщина продолжила свой путь к полю, где должен был произойти решающий бой двух королей. Немногие арторийцы знали исход войны, а те, кто знал, не представляли, как закончится этот поединок. Ровно в полдень клинки из Драконьей стали сошлись, заставив всю толпу воинов замереть. Те, кто видел этот поединок, старались даже не моргать, чтобы ничего не упустить, ибо решалась их судьба.

Но того, что произошло, не ожидал никто, даже Танцующая с Волками. Когда короли блокировали друг друга, не давая совершить удар, их мечи выбил из рук мощный удар третьего клинка. Никто не заметил, как Конунг оказался между монархами.

— Довольно сражений! — дерзость обычного воина поразила правителей. — Довольно смертей!

— Как ты посмел прервать этот бой, щенок?! — возмутился король Артора.

— А разве вы не видите, к чему привела ваша бессмысленная война? Сотни тысяч воинов погибли, десятки тысяч потеряли семью. Ради чего они гибли?! — на этот вопрос никто ответить не смог. — Вы даже не помните, почему развязали эту войну! Великий Лес едва не сгорел! Из-за вашей глупости едва не погибло всё живое в Волчьих Землях!

Конунг был абсолютно прав, но его последние слова понимала лишь Танцующая с Волками.

— Что ты несёшь? — удивлённо спросил король Самираса.

— Он прав, — к королям вышла прорицательница. — Великий Лес — источник жизни Волчьих Земель. Уничтожить его значит погубить всё живое здесь.

— Танцующая с Волками? — монархи явно не ожидали увидеть шамана здесь, на поле брани.

— Я наблюдала за битвами с конца перемирия. Сейчас я поддерживаю слова этого воина. Войну нужно прекратить немедленно, пока не погибли все. А раз вы не помните причины этой бойни, то заключить мир будет не так трудно, — улыбнулась Танцующая с Волками.

Слово многоуважаемой прорицательницы возымело свой эффект.

— Заключим мир, Ричард Красный Лев? — протянул руку король Артора.

— Определённо, Эрих Златой Орёл, — пожал предложенную руку правитель Самираса.

Воины позади монархов ликовали. Можно было услышать, как арторийцы кричали: «Конунг! Конунг! Конунг!», — ведь этот воин стал для них героем.

После окончания войны воины-завсегдатаи таверны «Золотой Индюк» действительно собрались всем составом. Они пили за здравие королей, Танцующей с Волками и, конечно же, Конунга, а узнав о том, что последний спас Великий Лес, начали воспевать его подвиги. Спустя несколько дней празднеств Танцующая с Волками попрощалась со всеми и отправилась в своё путешествие. После войны она встречала Конунга ещё несколько раз. Он так и остался кочевником, ищущим себя, не взял жены, не стал отцом.

*

— Вот так закончилась эта история, — завершила свой рассказ прорицательница.

Дети, слушавшие её очень внимательно, потеряли дар речи.

— Танцующая с Волками, из-за же чего тогда была война? — спросила девочка в голубом платьице, которая отошла первой.

— Короли вспомнили о причине войны спустя много лет после неё. Их дети полюбили друг друга, уже готовили свадьбу, но монархи стали спорить по поводу всяких мелочей. Их спор вылился в войну, разлучив влюблённых на большой срок. Но их любовь не угасла, а стала сильнее. Откровенно говоря, именно принц и принцесса напомнили королям причины войны, когда те стали дедушками, — улыбаясь, сказала женщина.

— Танцующая с Волками, а ты любила Конунга? — спросила другая девочка.

— Возможно, дитя моё, возможно...

Она устремила свой взгляд в окно. Вдалеке, на границе, бежала стая волков. Почувствовав взгляд шамана, большой чёрный волк остановился и посмотрел туда, где была женщина. Он поднял голову и завыл, а затем продолжил свой путь со стаей.

ОДНО ДЫХАНИЕ ВЕЧНОСТИ

То утро началось как обычно, лишь только я проснулся, как увидел голубое небо. Белые облака плыли по пространству, а солнечные лучи ласкали меня. Я улыбнулся, подул лёгкий прохладный ветерок, пение птиц раздавалось вокруг. Прислушиваясь к их голосам, я разбирал различные ноты и мелодии. Новый день принёс с собой новые звуки. Всё это было мне так знакомо и всё же так ново. Я посмотрел вниз и увидел прорастающие росточки зелёной травки. Она билась за свою жизнь, прогибаясь, ползла к солнцу. Я тоже принимал солнечную ванну — это был мой утренний моцион. Солнце любило меня, а я любил солнце и тянулся к нему самыми кончиками своих лепестков. Оно наполняло меня силой, свежестью, энергией — дарило жизнь! Я радовался каждому случайному лучику, проскользнувшему по моему телу, и начинал ждать...

Днём я наблюдал за ручейком. Он был таким прозрачным, чистым, непорочным и так приятно журчал, что навевал спокойствие и сон. Мои веки тяжелели, и я погружался в бесконечные лабиринты фантазии, но и там я продолжал ждать...

Очнулся я от случайного прикосновения крыльев бабочки, пролетавшей мимо. Она весело порхала над цветами, задевая то одного, то другого моего собрата. Некоторые из них были недовольны, она прервала их покой, но я был счастлив! Бабочка помогала мне ждать, я наклонил головку, пытаясь успокоить другие цветы. Они вняли моему гласу, и она, поблагодарив меня за поддержку, полетела дальше. Как жаль! А я хотел ещё немного поиграть с бликами света на её крыльях. Они были то белыми, то красными, то пурпурными, то золотистыми, то прозрачными, а то лучистыми, — они были разными, всегда разными. Мне нравилась созерцать их игру света и цвета, но я не унывал, вокруг было так много замечательных вещей, и самое главное я всё ещё ждал...

Вдруг небо заполнили тучи, оно стало темнеть от ясного и голубого к синему, а от синего переходило к грязно-серому. Я знал, что это предвещание дождя. Его я и любил, и не любил. Он мочил мои лепестки, они тяжелели и падали вниз, но лишь он мог напоить меня и дать мне такую необходимую влагу. Я жадно впитывал капли, стекающие по моему стеблю, и слушал, как они разбивались о водную гладь ручья. Этот звук был подобен капели, такой музыкальный и такой монотонный, как моё ожидание...

Наконец, когда последние капли затихли, я отряхнулся, раскачиваясь взад и вперёд, и стал подставлять солнцу мои лепестки. После дождя лишь его тепло могло согреть их и поднять вверх. Когда последний лепесток встал на место, я понял, что время пришло, и стал напряжённо смотреть на тропинку, ведущую в парк.

ОНА появилась, как по часам, лёгкой походкой прошла к раскидистой иве, я уловил аромат ЕЁ духов. Всегда, когда ОНА появлялась, я зачаровано смотрел ЕЙ вслед и ждал, что однажды, ОНА коснётся меня и заберёт с собой. Но как я ни просил, как ни звал ЕЁ , ОНА лишь читала книгу в тени ивы, а после оставляла меня совсем одного! Но я продолжал мечтать о том, что когда-нибудь ОНА обра-

тит на меня свой взор и возьмёт с собой, тогда я всегда буду вместе с НЕЮ! Но этого не случалось, а я всё продолжал ждать, иногда теряя надежду, а потом снова разгораясь огнём энтузиазма. Я любил то, что имел, но ЕЁ я любил больше! Поэтому и ждал. Вот только чего я ждал...?

В тот день ОНА сорвала меня, и я был счастлив, но ОНА срывала всё новые и новые цветы. И с каждым следующим цветком я понимал, насколько ничтожен и мал оказался для НЕЁ. Всё это погрузило меня в забытьё..., очнувшись, я оказался здесь — в хрустальной вазе.

Жизнь покидает меня, последние лепестки теряют силу и морщатся под властью времени, но я борюсь даже за секунды своего существования, однако вяну... Вот ОНА, ОНА поможет мне, я верю, ОНА спасёт меня!

Нас вынимают, наверное, ОНА отнесёт нас на солнце..., на короткий миг я теряю сознание...

Что? Где это я? Почему здесь так темно?! Тут нет солнца! Я не вижу свет, я ничего не вижу! Мне холодно и страшно... Я начинаю замерзать и коченеть... Я уже не чувствую листьев, стебля, я даже не ощущаю своих лепестков. В таком же состоянии и мои братья. Неужели это приближение конца! ОНА выкинула нас сюда? Я не верю, этого не может быть! Нет, это невозможно! Ведь я так сильно любил ЕЁ... Но если всё же это правда..., пришёл конец моей любви, она осталась без ответа. Всё... теперь я не чувствую и своей головки... погибаю! Для этого ли я родился?

И ПЕРВЫЙ АНГЕЛ ВОСТРУБИЛ

И первый ангел вострубил и крикнул голосом громовым,
Что нет спасенья на земле, нет места тварям Иеговы!
Что Саваоф давно почил, и в мир господь вступает новый,
Что грянет новый человек, дух бестелесый и бескровый.

И вторый ангел вострубил, и крик разнёсся над долиной,
Где мор несёт он всей земле во имя троицы единой.
И возревел Левиафан, когда моря вдруг стали кровью,
Что мир спасётся лишь в огне, воскреснет новою любовью.

И третий ангел вострубил, и с неба вниз звезда упала,
Чем жалким тварям на земле она погибель возвещала.
Да тихим стоном Бегемот прощался с этим подлым миром.
И Зиз уж больше не спешит средь птиц единым быть раввином.

Четвёртый ангел вострубил и снял оковы бездны древней.
Раскрылся злобной силы мир, но тайна стала сокровенней.
И в муках не обрятши смерть, сошли с ума земные люди,
А черви, струпья, язвы, гниль им разрывали болью груди.

И пятый ангел вострубил, и солнце землю жгло лучами.
Наш предок давний слёзы льёт от крови полными очами.
Тогда и я взгляну на мир от слёз иссохшими глазами,
Мы все раздеты до костей, и нет различий между нами.

Шестой тут вестник возвестил, что высший суд в сей мир приходит.
Смрад изольётся, как закон, и пришлый легион уходит.
И серый ангел вострубил: «Эон людских богов проходит!».
Трубит последним Азраил, и солнце Древних в небе всходит.

Летят над Р'льехом стаи птиц, ведомы лишь глубинным зовом,
Где подо льдом их господин на мир взирает мёртвым взором.
Круша основы пирамид, восстал таящийся во мраке,
Взлетает к звёздам, чтобы там сжигать планеты, словно факел.

Явил свой лик Шуб-Ниггурат, из мира хаоса исшедший.
И славят Древние людей, и славят их эон прошедший.
Жрец Ктулху снова над землёй владыкой стал единовластным.
Так будет явлен новый мир! Во зле и сумраке прекрасный!

БЕЗУМИЕ

Разорви моё сознание,
Ид испепели во мне
И разрушь всё мироздание
В ярости, в Твоём огне.

Истреби мои желания,
Уничтожь мои мечты.
Я не заслужил страдание.
Но за что страдаешь Ты?

Забери мои надежды,
Изведи во мне любовь,
Сделай так, чтобы невежды
Не познали Тебя вновь.

Разбивай все мои чувства
И кроши мой мозг больной.
Это всё ради искусства
Быть живым и быть с Тобой.

Ты безумие ночное,
Посещает что во мгле.
Я узрел в Тебе иное...
То, что неподвластно мне.

Признаю своё юродство,
Разум в жертву принеся.
Шизофрении господство
В искажённый мир внеся.

Я БОЛЕН

Я болен. Мне страшно во мгле находиться,
Что нас окружает в ночи.
Я болен и вижу, что сквозь эти лица
Ко мне его рвутся лучи.

Я болен. Последняя грань мирозданья,
Цепляясь, уноситься прочь.
Я болен за гранью того пониманья,
Что нам навязала ночь.

Я вижу, Я слышу, Я их осязаю.
Последний момент бытия.
Я в вечности плавал и ею страдаю,
И в смерти находка моя.

Я болен. Наверно, мне нету спасенья
От тех, кто опишет мой век.
И нет у меня к ним ни капли презренья...
Ведь Я для них не человек.

Они населяют моё подсознанье,
Я кукла в их сильных руках.
Они мне подарят конечное знанье,
Со мной обращаясь во прах.

СНОВИДЕНИЕ ОТ 23.12.2016

Спускаясь в грёзы, часто я бывал
У пиков Тока среди диких скал,
Где камнетёс киркою не стучал,
Где даже дикий зверь не проживал.
Лишь Шогготы взлетали через тьму
И растворялись в гулкой пустоте...
Я с ужасом внимал мгновенья те
В мирах, что неподвластны никому.

И лишь исход закончен, им под стать
Взлетает тварь, чьи крылья несли ночь.
Не обернувшись, убегал я прочь,
Как будто за мной гнался дерзкий тать.

Он нёс не смерть, не страшно умирать.
Много страшнее. Страх небытия.
И сон прервался, словно плоть моя
Вернулась в мир, чтоб дальше догорать.

Но возвращаясь, утром... обнаружил...,
Что кто-то наблюдал за мной снаружи.

ЗАПРЕТНАЯ СЕКЦИЯ

Не дождетесь, я не разобьюсь,
И не вскрою в ванной вены с горя.
Выну нутряную боль свою,
Перекину тряпкой на заборе.

Пусть кристаллизуются стихи —
Солью на хлебнувших моря джинсах.
Подпирает потолок архив
Похождений полукровки-Принца.

Говоришь, невесело читать
Из него отдельные страницы.
Триллер мой романам не чета
Для мальвинок «глубоко за тридцать».

Да, mon cher, крути хоть так, хоть сяк —
Быть дыре, где нити слишком тонки.
На перрон выводят порося
Вместо сданной дамой собачонки.

Зеленеть архиву по весне,
Как салат, укроп и иже с ними.
Ты тревожно хмуришься во сне
И моё под нос бормочешь имя.

MUDBLOOD

Гриффиндорская голая правда, свежуй без ножа!
Рыжей маленькой скво не тягаться со всем Слизерином.
Ты так верила в то, что сумеешь его удержать,
Уберечь от беды, составлявшей его половину.

Ты так верила в то, что тебя бы хватило одной —
О святая наивность, проклятье и честь Гриффиндора!
Пятый курс позади, и ты медленно куришь в окно,
Запульнув миссис Норрис с пинка вдоль всего коридора.

* * *

Слышишь, Кай, Герда твоя устала.
Нет конца вширь ледяным торосам.
По рукам влагой не течь им талой.
У лица пляшет снежинок россыпь.

Чертов паззл не рассадить о камень,
Не согреть льдинку назад в хрусталик.
Сколько вас, заиндевевших Каев,
Ждали Герд, выкованных из стали!

Мне тепла мало на нас обоих,
Пальцы в синь, изморозью — веснушки.
Ты не плачь — это не так уж больно.
Кто б спросил — было ли это нужно?

СКАЗКА ПРО РЕПКУ

Если бы на дорогу сошла лавина
Или секвойя грохнулась в пять обхватов,
Я бы тянула руки, ждала, ловила,
Плюнув с высокой башни на путь архатов.

Я бы строгала лестницу — перебраться,
Камни катала — Сизиф бы курил и плакал.
Скли́кала б, словно к репке, сестёр и братца —
Тянем-потянем, гори, мой сердечный клапан!

Если же трасса гладью до окоёма,
Пусть и в ухабах-трещинах по-российски,
А пилигрим никак не покинет дома,
Жалуясь на тяжёлый удел басистский,

Что сотворить? как вытянуть эту репку?
В паре с Сизифом в упряжке забить копытом?
С бубном шаманить — будь моё слово крепко?
Взять на eBay'е набор для ацтекских пыток?

Или махнуть рукой, как крылом подбитым,
Что сберегла, вернувшись назад в подвалы?
Даже сквозь пламя видит красотка Сита
Бешеный взгляд подлеца своего Раваны.

STRAWBERRY FIELDS

Сигарету ветер курит за меня —
Он спешит урвать затяжку втихаря.
Как обычно, в жизни полная херня —
Мне нельзя иначе, честно говоря.

По-иному мне — зелёная тоска:
Быт размерен, в голове — стоячий пруд.
А когда нервишки пляшут гопака,
То на Марсе снова яблони цветут.

Снова пишутся-рифмуются слова,
Снова в горле комом глупая мышца.
Пусть я до умолишенья не права,
Мне нельзя не выпить чашу до конца.

Даже если там на донце, как всегда,
Пережжённая вольфрамовая нить —
Это лучше, чем стоячая вода,
Мне себя бы только в этом убедить.

Не смотреть ежеминутно на часы
И не лазить ежечасно в интернет —
Тиснуть штамп на обороте: «хер проссышь»
И закинуть в море, словно горсть монет.

Что твоё, то возвращается к тебе,
Особливо — если это бумеранг.
Где же ты, мое волшебное «забей»?
Где прикидывающийся мною шланг?!

Те, кто близко не на день и не на год,
Знают цену вышевылитым соплям:
Ну, ещё один весенний идиот
Потревожил земляничные поля!

Сколько их уже топталось там таких,
Да полям моим не сталось ни хрена.
А в наследство мне останутся стихи
И ещё одна безумная весна.

* * *

Блестя свинцом, пергаментно шурша,
С меня сползает отмершая кожа.
Живая, вслед ей, треснув, лезет тоже —
И остается голая душа.

Ни ясель, ни пелён ей не видать.
Орёт, краснея ликом от натуги —
Невенчанной, но преданной подруги
Мичуринского славного труда.

Клубники нынче славный урожай,
Да в гору без страховки лезть опасно —
Прочувствуешь всей бренной биомассой
Соломки вместо — лезвие ножа.

— На нож-то не зазорно ли пенять?! —
Из рамы криво усмехнётся рожа,
Но, лопнув, с плеч уже змеится кожа,
Оставив мне, ошкуренной, — меня.

И воздух — как по мясу наждаком, —
В нём всё ещё лимонник и корица,
Но там, под мясом, багровеет крица —
И я над ней с воздетым молотком.

ANATOMY OF THE FOOL

В глаза насыпали песка плохие дети,
Крестец соседствует с загривком бегемота.
Между ушами Дурака гуляет ветер.
Маршрут проложен от столба и до субботы.

Пупок пронзило прорастающим Nelumbo,
В зубных корнях Papaver прочно коренится.
По центру Humulus — опричник этой клумбы —
Ждёт семипалую свою императрицу.

По стегозавра лаврам плачет позвоночник
И в квадратуре круга дремлет Манипура.
Хвост чернобурится, и лапы ломит к ночи,
А за frontalis lobus то черно, то буро.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ

Опять всё та же боль. Уход
Во сны, в миры фантазий
Мне предрешён? Судьба свобод —
С Христа иль Ксеркса Азий?

Откуда ты? К какой земле
Меня заманишь, Вера?
Я — Одиссей. Иду на блеск,
Звезды Рассветной дервиш.

Я, ищущий любви, влеком
Под парусами рока
Опять всё к той же, к той, о ком
Лишь не молчит апокриф.

ИВАННЕ С-КОЙ

Все поэты — жиды...
Марина Цветаева

Та-Хемская[1] принцесса, я — еврей!
Я — пария, невольник, раб, невежда.
Всегда удел мой «быть!» начертан между
Богов, зверья, камней, пыли, людей.

Всегда быть между, только — не с тобой.
Нас развели жрецы — тебя к Амону,
Меня — к труду, ненависти и стону —
От детства общего, от радости с игрой.

С тобою — пошлость, а со мною — рок.
С тобой на ложе гнусный Птолемей,
А я, как всех священней скарабей,
Влачу молитву. Времена — песок.

Ты — в золоте. На лбу мне — капли Нила.
Ты — в окружении подруг. Со мною — песни.
И в полночь из костра мне шепчет Вестник
Не о тебе, к кому душа стремилась.

[1] *Та-Хем* — «Черная земля» — самоназвание Египта

ЕГИПЕТСКИЙ МИРАЖ

Иванне С-кой

Здесь были ангелы. Но не было любви.
Величье пирамиды слов, песка
И солнечных теней, оскалы Ка,
И Ба, и Пта... Ты только призови —

Придёт Антоний, соскребёт их лики,
В посте, в молитве. И нубийский жрец —
Огня хранитель и колдун сердец —
Не возродит печаль веков Великих.

ПАЛЕСТИНА

Иванне С-кой

Ушедшей — наказанье. Город пал.
Врата открылись без последней битвы.
Народ поверил варварам, в молитве
Забыв воззвать к Единому. Средь скал

Пустыней обречён он быть навеки.
Здесь — только вой шакала, бури, джинна
И гул камней. Безвидна Палестина.
И глупо в норах стонут человеки.

МАЙЯ НЕБЕС

В непробудном сне царевны...
Александр Блок

В концах и началах, у хаоса лет,
Под сводом пустым, без созвездий.
Спит Дева Прекрасная. Радужный свет
Заветом грядущее крестит.

Что будет — ей снится. Что было — ушло.
Мы только лишь тени сна.
Нас всех больше нет, мы — великая ложь.
Мы — майя небес, пелена...

ТИШЬ

Та, старая Луна, взойдёт ли внове?
О новый мир, нам будешь ли ты вровень?
Чудесных королев — ступени в сад.
Дом бытия — язык. Что тишь оград?

ЭКЗЕГЕТУ-НИЦШЕАНЦУ

Когда, проникая сквозь дым и ограды времён,
Ты схочешь познать своеволие ижицы смысла,
Лев в гости придёт, — и сознанье утренней мысли
От начала начал будет явлено в сказках племён.

Когда, проникая в мистерию взглядов и бликов,
Ты схочешь узнать — всё ли таинство скрыто для нас? —
Рысь в гости придёт и, мурлыкая старенький джаз,
Закроет глаза, с подсознаньем схватится дико.

Когда, проникая и в глупость услужливых дам,
Ты схочешь сличить расточительность века и крошки,
К тебе в услуженье прибудут милейшие кошки,
Но цепь золотую себе ты наденешь сам...

БЕЛАЯ БОГИНЯ

Здесь озеро Чад. И предков наших земля.
Жирафы кочуют, как стражники вдоль границы.
Я жду, всё взирая на предков петроглифы-лица
На скалах, надеясь увидеть любимый взгляд

Белой Богини. В страсти, в экстазе, на грани
Нашего мира и мира иных пространств
Всходишь звездой обещания нежности в танце,
Красноперсая, юная, с лёгкой поступью лани!..

ПОСЛЕДНИЙ МИР

Я родом из Томы, где как-то Овидий Назон
Слагал свои вирши для грязных варваров-гетов
(Иль готов? Кто их разберёт!). Тьма и стон
Угрюмого моря. Без белых парусов — лето...
И кажется, будто сам выплыл корякой Харон,
И голые кручи — бакланам, а для амулетов —
Ракушки, подарки Волны (из конюшни Нептуна)...
И волка к Луне возведённая морда... Всё — сны,
Всё «тишь-благодать», и достанется будущим гуннам.
Арахна прядёт свою нить, и гуляют челны
В морях-гобеленах, по заводях, синих лагунах...
И тёплое тело уснувшей рабыни-жены.

КОТ

Я — кот, я — Тот, я родом из Сибаста.
Сын Ра ласкал мне шёрстку (очень мило!).
Сын Сета (пёс) своё всё сунет рыло
В мою же миску (прочь, лохматый, баста!).

Я — кот священный! Лакомый кусочек
И мышка — мне! Я рыжий, храбрый малый.
В тени во храме охраняю залы
С огнём священным, и люблю не очень,

Как принц за хвост меня таскает (но,
терпи, мурлычь!), затем его сестрица
к груди меня прижмёт (и взвеселится
моё и Ка, и Ба, и Ах — все заодно!).

КОШКА

Была ли полночь. Три ль часа затем.
Прощалась с миром кошка у подъезда.
Её уже усатых ждёт Эдем.
Мышей там вдоволь. И на солнце — места

Там очень много. Молока, сметаны...
За хвост никто и никогда не дёрнет!
В последний раз вздохнула тихо. Танет
Луна на лбу. На шерсти — звёзды-зёрна...

КОШКИ

Наши встречи — случайны. И правды в них нет.
Улыбнёмся, толком не зная, что счастье
Нас поймало давно в свои властные снасти,
Отпустить не желая на вольный рассвет.

Мы приручены, серые сытые кошки,
Утешаясь иллюзией смелости барса.
«Где хочу — там хожу», — наш девиз,
только фарса
отродясь в слепоте не видим ни крошки.

ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ

Время жалящих стрел, по земле бьют вулканы лучей,
Время огненной магмы: побуждается бездна от сна.
Время сумрачных дней и ослепших от света ночей.
Время гибели мира, когда умирает весна.

Это время, когда умирают в молчанье слова,
Это время, когда изымаются искры назад.
Это время, когда только смерть так беспечно жива,
Это время, когда пилигрим умирает у врат.

ЧЁРНАЯ ХРИЗАНТЕМА

На окраине диска земного,
В центре небесной триады,
Корнями сквозь ад пробиваясь
Лепестками превыше рая,
Растёт чёрная хризантема,
Растёт, прорастая из света.
И, тьмой орошаемы, корни
Доходят до тверди бездны.
Чёрная хризантема,
Последняя тайна Бога,
Для дьявола откровенье,
Последняя вера в безверье,
Надежда для безнадежных,
Аромат хризантемы этой,
Подобен амброзии ада,
А может быть, райской сере.
Листок хризантемы упавший
Колеблет вселенной основы,
И мир засыпает долу,
В вечной махапралайе,
Когда к хризантеме предвечной
Шмель прилетит из чащи.
И вечность свернётся в коллапс.
Реальна лишь Хризантема.
Всё остальное — тени.
Опавшие листья фантазий

ЗОВ

Идущий на смерть приветствует вас,
Идущий на трон преклоняет колени,
Упавший с небес призывает сейчас
Выбросить маски и стать, словно тени,

Выпить бокал ядовитой свободы
И насладиться изысканным вкусом,
На миг променять грядущие годы,
Сказать «Пошли прочь!» лакеям и трусам,

Бросить вызов законам и полететь,
Не думая о предстоящем падении,
Презреть эту жизнь и принять свою смерть
Без страха горечи и сожаления.

ДИОНИС

Вот восходит на свой электрический трон
Дионис походкой спокойной.
Сожалеет о нём его брат Аполлон,
Знает — боль принимает достойный.

Электрический трон — не для слабых игра,
Он даёт постижение власти.
Но за всякую власть есть большая цена,
Кто на троне — тому нету счастья.

Кинув взгляд на прощанье, Артемида, сестра,
Удаляется прочь с Аполлоном.
И теперь вместо сердца большая дыра,
И слияние полное с троном.

Его тело едят пауки с мошкарой,
Его кровь достаётся вампирам.
Его дух начинает последний свой бой
За владение троном и миром.

Его дух открывает такие миры,
Где ни Зевс, ни Плутон не бывали,
Его дух постигает основы игры,
Той, что правит владычица Кали.

СТАЛКЕРЫ

Проданные и преданные,
Ядами отравленные,
В вечности недоделанные,
В аду не исправленные,

Видящие, но безглазые,
Слышащие, но оглохшие,
Одержимые спазмами,
Не уснувшие, но усопшие,

Ранами окровавленными
Разбивающиеся в месиво,
Каждый миг умираем мы,
Так грустно нам и так весело.

Просящие подаяние,
Владеющие миллионами,
Прожигая своё сияние,
Играли сталкеры с зонами.

Каждый камень — наше надгробие
Каждое дерево здесь — памятник,
Каждая травинка омыта кровию,
В своём склепе — каждый каменщик.

ЧУМА

Чума пришла. Эй, попируем всласть!
Отбросьте ужас! Жизнь и смерть — игра.
Чума за нас решила все дела.
Не надо больше ни пахать, ни красть.

Чума пришла. И танец злых дождей
Не будет больше наполнять тоской.
А впереди лишь вечность и покой.
И тишина несказанных идей.

Чума пришла. Внезапно, невпопад.
И бездна снова смотрит нам в глаза.
Лишь только манит спелая лоза.
Как перед смертью сладок виноград!

БОКАЛ

Ночь, звёзды, дьявольский мороз,
Наполню свой бокал до дна.
В нём аромат прекрасных грёз.
В нём отражается луна.

Как сладок и как горек вкус.
Слегка пьянит, слегка бодрит.
Какой букет! Играет свет.
Пред ним сам бог не устоит.

Я пью до дна полёт мечты.
Впервые слышу тишину.
Мои стремления чисты,
Я постигаю глубины.

Я пью вино. Рука дрожит.
За дверью слышен крик совы.
Звон, боль, беда — бокал разбит,
Судьба моя копает рвы.

Но нет! Я лгу. Довольно слов!
Бокал мой полон на столе.
И через тысячу веков.
Я снова есмь в календаре.

* * *

Ра умер в рагнарёк.
Феникс утонула в океане.
Озирис в свинцовый гроб лёг.
Жизнь задохнулась в свинцовом тумане.

На сатурналии патриархата
Ищи спасения у Исиды.
Таинство последнего заката
Так фатально и так красиво.

ИСТИНА — КОМБИНАЦИЯ 33 БУКВ

Этот урок литературы был странным и непохожим на прочие. Класс не проходил очередной мировой шедевр и не писал сочинение по прочитанной повести. Весь урок чудаковатый учитель литературы рассказывал про то, что люди перестали ценить книги. Также старый литератор, постоянно поправляя очки, говорил, что раньше книгам вообще не была нужна реклама, и они зазывали читателя не красивой обложкой или громким названием, а своим содержанием.

Громкие слова учителя озадачили мальчика. Он так глубоко задумался, что не заметил, как класс опустел. Теперь в кабинете были только он и учитель.

— А ты почему не идёшь домой?

Мальчишка поднял глаза на старого преподавателя литературы — Игоря Матвеевича.

— Я просто задумался над тем, что Вы сегодня рассказывали, — негромко ответил мальчик. — Неужели люди действительно перестали читать книги?

Учитель снял очки и улыбнулся: ему было очень приятно, что хоть один ученик услышал его.

— Не сказать, что совсем перестали, — мужчина грустно вздохнул. — Просто нынче книги меркнут в сравнении с новыми технологиями. Они стали не нужны людям, потому что теперь интереснее сидеть во всяких «Контактах» да «Твиттерах». Чтение электронных строк со смайликами стало важнее чтения печатных строк с истиной.

— С какой ещё истиной? — ученик озадачено моргнул.

— Хороший вопрос, Миша, — преподаватель весело ухмыльнулся. — Эта истина у каждого своя. Проще говоря — это мысль, с которой хочет поделиться автор. Читая книгу, мы погружаемся в мир писателя, чтобы лучше усвоить то, что он сотворил из обычных букв. Вот какая книга тебе нравится больше всего?

Повисло молчание. Учитель уже начал думать, что у мальчика нет любимой книги, и он стесняется об этом сказать.

— Наверное, «Дон Кихот».

— Ничего себе! Я поражён твоим вкусом.

— А Вам он нравится?

— Конечно! — мужчина активно закивал. — Как ты думаешь, что хотел сказать Сервантес своим произведением?

— Наверное, то, что нужно быть честным, благородным и не бояться совершать добрые поступки, несмотря на мнение окружающих.

— Ты прав. Нынче люди не ценят ни честь, ни доброту. А мечты вообще считают уделом дураков. У тебя вот есть мечта?

— Есть, — мальчишка кивнул.

— И что же собой представляет твоя мечта?

— Хочу стать полицейским и защищать маму с папой.

— О как! — учитель удивился. — Хорошая мечта. А я вот в твоём возрасте хотел жениться на своей соседке по парте Марине.

— И Вы на ней женились?

— Не-а, но всё же смог покорить её сердце, — литератор тихонько засмеялся. — Рассказывая стихи наизусть, я на весь класс кричал: «Я, Дон Игран Матвийский, посвящаю стихотворение Александра Сергеевича Пушкина владычице моего сердце — несравненной Маринелле», — тихий смех разнёсся по кабинету. — Ох, и давно же это было.

— Вы настоящий рыцарь, Игорь Матвеевич! Я бы так не смог.

— Ради такой девочки, как Маринка, и ты бы горы свернул. Так что под впечатлением книги я совершал различные подвиги, пусть и не всегда великие.

— Значит, Вы смогли почувствовать эту истину на себе?

— Можно и так сказать, — преподаватель улыбнулся и надел очки. — Думаю, тебе уже надо бежать домой, а то родители будут волноваться.

Мальчик посмотрел на часы. И правда — ему пора домой. Он собрал вещи в рюкзак и задвинул стул.

— До свидания, Дон Игран Матвийский! Я клянусь, что прочитаю ещё больше прекрасных книг и докажу, что литературная истина способна показать человеку его путь.

— До свидания, мой юный рыцарь. Я буду ждать известий о твоих подвигах.

БАБАЛОН

Взрыв сверхновой космос осве́тит,
И из чёрной дыры, как из двери —
Выйдет дева в звёздном корсете,
Оседлавшая дикого зверя.

Мир замрёт и сорвётся с катушек,
В экстазе упав на колени:
Тишиной будет каждый огло́ушен —
Сила явит себя из тени.

Будь готов, а впрочем, как хочешь —
Ей плевать, можешь спать — покуда
Не придёт она как-то ночью,
Чтоб пополнить чашу из блуда...

ПУЛЬС

Оголи каждый нерв — и почувствуешь Пульс —
Дикий танец блуждающей крови,
Этот ритм славит бунт, страсти нежный укус
И любовь в соответствии с волей.

Пусть разверзнется бездна, упав в небеса,
Поглощая бесчувственный Космос,
И со свистом опустится смыслов коса,
Рассекая потухшие звёзды —

Поднимайся по ним в лоно млечных путей,
В колыбель устрашающих смерчей,
Где на заднице мира ударом плетей
Высекается знак бесконечность.

ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК

Вдохновившись «Молитвой неверующего», я поняла, что цельный рассказ может существовать из отрывков, не теряя при этом смысла. Так родилась идея создать проект «Живой человек». Но пока в нём только три короткие зарисовки-главы.

Исповедь эгоиста

Так сложилось, что я люблю себя. И у меня есть только я. И все, что я делаю — делаю только для себя. И этот пост я пишу тоже для себя, почему именно пишу — не твоё дело. Да, это грубо, но достаточно честно. Я могу, поспав пару часов, пойти на работу, потом на тренировку, и успею почитать. Как я это делаю — не знаю. Я просто делаю.

Что мне было нужно теперь?

Найти себя и нужных мне людей. Которые знают свою стоимость. То есть знают, что такое честность, и какой ценой даётся это знание. Как — это не важно. Знают, что такое трудности, и сумели их пережить. И знают цену любви. Здесь слишком личное.

P.S.: *Если ты дочитал до этого момента. То либо читай дальше, либо... Делай что хочешь. Ты перестаёшь иметь для меня значимость.*

А теперь вкусное. Я живая. Да, со своими косяками, таракашками и восприятием мира. И я знаю, что значит «некуда», «некому» и т.д. И я эгоист. Делаю — значит, мне надо, значит, ценю, значит, зацепило. Я не волшебница, я просто обычный живой человек. И у меня может не получиться. Почему — не знаю. И я не знаю, что получится. Но я знаю, что за свои действия в первую очередь отвечаю только я.

Этот пост написан как извинения за мои косяки. И будет скинут паре людей, перед которыми сильно косякнула. Что дальше — не знаю.

Я на треню по танцам, потому что мне это важно.

P.P.S.: *Если что — пиши. Ты, да, именно ты, который дочитал до конца. А кто ты и что получится — покажет только время :)*

Обращение к ушедшему

Ты умер. Умер много лет назад. Тогда я ещё была подростком и, кажется, верила в Христианского Бога. Но я видела, как онкология пожирает тебя, слышала, как ты кричишь от боли, а Второй Человек — молится своему Богу о твоём здоровье. За три дня до твоей смерти мне приснилась зима. Вокруг был мягкий и чистый снег, к нам (к тебе и мне) подошла женщина с оленем. Молодым и безрогим, от него исходило свечение, а вот лица женщины я не запомнила. Помню лишь, как умоляла её не забирать тебя. Но она не слушала и велела мне остаться. И я стояла там, была метель и ощущение внутреннего холода и пустоты. Через три дня ты умер. А на следующий день я узнала, что второй человек перестал молиться о твоём здоровье и стал молить о том, как будет лучше для тебя. Я не помню, как сидела и играла в карты с тобой, как заставляла тебя кушать. Я помню лишь, что должна была сделать больше. Но ты жив, жив на фотографиях и в моей памяти. Я помню твой взгляд, помню, как мы ходили на рыбалку, и как ты постоянно матюгал меня за грязь. Ты часто снился мне тогда и теперь. Я не знаю, что ждёт меня за чертой. Не знаю, в какой ад я попаду, останусь ли в чистилище или вырвусь из колеса Сансары, ты жив только для меня. Я хочу помнить это. Мне больно, но я всё ещё учусь жить без тебя.

Человеческое и Людское

Вновь перечитывая «Государя», я понимаю его отношение к людям (большинство/стадо). Да, люди дурны по природе своей и трусливы. Люди боятся мести и ищут выгоду. Оттого и видят это в делах Человеческих. Когда же пред ними предстаёт отличный от них хоть чем-то, то люди боятся ещё больше. Это уже рефлекторно (я нашла это в этологии). Одно дело — говорить правду, и совсем другое — говорить *свою* правду. Если я считаю тебя трусом, то я могу обосновать, почему я так считаю. И это будет моя правда. Моё видение тебя. И это всего лишь моё видение тебя в данный момент. Я не знаю причин, по которым ты так себя повёл. Но раз ты повел себя как трус, то эти причины были. И я не стану доказывать каждому это. У них своя правда и своё видение. Такова отчасти природа людей. А я Человек. И сегодня познакомилась ещё с одним Человеком из далекого города :) И я точно уверена в том, что если наши пути разойдутся, то мы поговорим и будем вспоминать друг друга тёплыми словами хотя бы из-за общего интереса к истории :)

Права атеиста

Ты хочешь поговорить со мной о Боге? Своём Боге? И ты явно веришь в него, хотя, может, просто прикрываешься. У меня тоже есть вера. Пока это вера в науку. Но я не поклоняюсь Большому Взрыву и не говорю с людьми о теории эволюции. Не так давно, в час отчаяния, я пошла в мечеть. И ходила туда. Мне там спокойно. И умоляла Мусульманского Бога помочь мне. И мне кажется, что он услышал и помог, но по своему усмотрению. И я задумалась о том, чтобы принять Ислам. Но я не хочу делать это так:

1. Ради любимого или его родителей. Я не позволю собой манипулировать в вопросе веры.
2. Бежать в Ислам. Многие, в отчаяние или потеряв всё, ищут место, куда можно приткнуться. Некоторый из них бегут в религию, словно побитые псы. Используют заповеди, каноны и строки священных книг, дабы прикрыть свою попу. «Всё во имя веры».
3. Если я решу жить по законам шариата — об этом никто не узнает. Вера — это слишком личное. И ответ мне держать только перед Всевышним. И пусть собаки сбиваются в стаи. Мне больше нравится гордый лев, который не трогает иных зверей. Но если на его территорию зайдет тигр, лев кинется в неравный бой. И проиграет. Я не лев, чтобы делить территорию. Я атеист.
4. Так сложилось, что я живу с атеистом. И, приняв ислам, по закону мне придётся с ним расстаться и искать мусульманина. А Это предательство по отношению к любимому. Так что здесь единственный вариант — жить с неверным, зная, что нарушаю основные каноны.
5. Чтобы стать мусульманкой, надо уметь жить по новым законам. А то схема простая: мне хиджаб, тебе баба, а потом приходит дядя «Быт» и такой: «А вот вам посуда, безденежье и дальние родственники.

Так вот. Этот пост был посвящён атеизму, и нам нужно право времени. Право, когда мы придем в Храм, или Мечеть, или ещё куда не с протянутой рукой, в отчаяние и бегстве, а с высоко поднятой головой и вопросом: «Я хочу узнать больше о Вашей вере». А колени преклонять я буду только перед Создателем.

И ещё: я никогда не целовала перстень батюшке. Раб не станет целовать руку рабу.

О любви...

Я слышала о тебе раньше, но не придавала значения. Не испытывала ровным счётом ничего. Потом я приехала и увидела тебя впервые. Через какое-то время я поняла, что влюбилась. Приехала во второй раз и поняла, что всё ещё влюблена. И наслаждалась тобой. А теперь я скучаю по тебе. Ты — моя настоящая любовь и постоянно всплываешь в моей памяти. Ты бываешь разным. И я хочу верить, что мы ещё встретимся.

Впервые я увидела тебя днём или вечером, я не помню. Но я слишком хорошо помню прогулки по набережной. Наличие людей и сильная жара подпортили настроение немного. Чайки звучали сотнями голосов от пронзительного крика резаной кошки до безумного хохота шамана. Я шла по набережной и увидела дерево с огромными красными цветами. Это был гранат. Я пошла дальше, ближе к тебе. Я боялась. Я с детства боюсь воды. Приблизилась к тебе, аккуратно ступая. Я не помню, о чём думала, но ты было очень холодным, и я любовалась на тебя с берега все десять дней.

Да, я буду повторять это тысячи раз. Я скучаю по тебе. Прогулки по набережной и цветущие гранаты. По крикам чаек и этому запаху — запаху моря. Днём ты спокойное, Ласковое, как говорят болгары. Ты даровало этому народу пищу, даровало ему жизнь. И днём я могу сидеть в ресторане и, попивая красное сухое, я наслаждаюсь лёгким шумом прибоя, скалами вокруг Святого Власа и мягкими облаками. В золотистом свете заката я иду в Новый Город (Несебыр) и жду полуночи, когда люди уснут или будут заняты более важными делами.

Вот наступает ночь. И я вновь, тайно, спешу к тебе. Теперь уже в Старый город, что раньше был островом. На входе уже умолкла волынка. Я пробегаю старые улочки, торговые лавки закрыты. Лишь кот, что кажется в тени серым, знает, что здесь кто-то ещё. Быстрым шагом дохожу до пляжа, ночью здесь нет людей. Теперь под серебристой луной ты стало Чёрным. Машина смерти, что переворачивала корабли и убивала. Шум волн слышен всё сильнее, белой пеной отражаясь у моих ног. Вода полностью чёрная, небо синее, почти чёрное. Дымчатые перьевые облака застыли. И лишь бледная Селена и мерцание звёзд дарят немного света. Ты, море, дикое, неподвластное, бушующее и одновременно ласковое, дарующее жизнь. Ты стихия, что никогда не покорится людям. И я влюблена в тебя до сих пор.

* * *

Жанет говорит перед сном: «Обними меня, ночь...» Жанет все надеется встретить его в том же сне. Но сон не приходит. Приходят другие — точь в точь, как если б хотел телескоп, а дарили — пенсне. Жанет по утрам надевает чулки и пальто. Идёт на работу, закутавшись в фетровый шарф. Ей горло беречь надо, врёт она всем, а не то... для телефонистки ведь голос — почти что душа.

Но нет среди тысячи разных, чужих голосов того, что шептал ей на ухо: «Закутайся в плащ. Камин догорает. Вернусь через пару часов. Здесь холодно в замке. Ну что ты, глупышка, не плачь».

Жанет покупает газету за несколько су. И вдруг — объявленье: «Гадалка вернёт вам покой». «Я брошку, наверное, женщине той отнесу, а вдруг она знает секрет или способ какой...» Жанет возвращается в полночь с чудным порошком. Гадалка сказала, что это — дорога за грань. Что он распускает реальность — стежок за стежком... Жанет улыбается. Шар заполняет гортань.

...Жанет открывает глаза в тёмном замке в ночи, её ликование быстро сменяет испуг: Где люди? Что будет? А если она закричит? Когда же вернётся её обожаемый друг? А он — не вернётся. Уже. Он вернулся — тогда. Жанет не найдя, он у ведьмы просил эликсир, который отправит его навсегда в никуда — в описанный милой возлюбленной сказочный мир.

...Жанет просыпается. Каплет из крана вода. Во рту пересохло, до боли не хочется жить. С трудом открывая глаза, замечает, — о да! — что этот, тот самый: «Глупышка!..» — с ней рядом лежит.

Безумие — ждать среди тысяч чужих голосов тот голос из сна, что не спросит про брошку и плащ, того, чьи объятья и взгляд ярче тысячи слов. «Мы вместе навеки. Ну что ты, глупышка, не плачь».

* * *

Я — проиграл. Не то чтобы дракон был не по силам, или я ошибся. Доспехи, артефактный флексагон и уровень 15-й «Убийца»...

Я — победил. Я выследил, успел, загнал седого зверя. Был как смерч он: рычал, хрипел, кружил. А я был смел до безрассудства, скор и безупречен.

Но — проиграл. Уже и враг упал, и меч занёс я над всесильным торсом, но заглянул в глаза его. Толпа смотрела на меня с немым вопросом.

А я — тонул. И мудрость, и тоска, и даже — сострадание с любовью? — взирали на меня издалека, и звали, звали — в бездну — за собою.

И я — упал. Сорвался в один миг в ту пропасть, что пугает нас ночами, с вершины эго, сбросив «так привык», за тем, что билось ЗА ЕГО ОЧАМИ.

И — победил. Неслыханную ложь жестокой правдой, бритвой осознанья. И въелась чешуя в меня, как нож. И развернулись сумерки — крылами, и встал я с братом о бок — я и он. И люди, чертыхаясь, отступили.

А славный артефактный флексагон ещё послужит людям Иггдрасилем.

Ольга Швец

* * *

я знаю тайну незабвенных слов:
их говорят, не шевеля губами,
соприкасаясь пылкими сердцами
и наполняя души до краёв...
я знаю тайну незабвенных слов.
я знаю тайну неразменных дел,
не для приличья и не для забавы,
не ожидая ни даров, ни славы,
с мелком на вечность, потому что смел
я знаю тайну неразменных дел.
я знаю тайну бесконечных звёзд:
не проживая, а творя мгновенья,
в преграды уперев рога овеньи
вершить своё призвание всерьёз.
я знаю тайну бесконечных звёзд.
я знаю тайну крошки-муравья:
со всем упорством, силой и отвагой
для общего нести песчинку блага.
а что же ты? да то же, что и я.
я знаю тайну крошки-муравья.
я знаю тайну...

* * *

Что такое — ощущение «пофиг»?
Это когда автобусы
Кажутся монстрами,
Но ты их не боишься.
Когда дождь обжигает,
Но тебе плевать на шрамы.
Когда глаза людей
Тычутся в тебя
Новорождёнными котятами,
А ты набираешь ведро воды,
И вдруг земля под ногами
Становится морем,
А человек
В проплывающей мимо лодке
Приветливо машет
Косой.

* * *

...А потом перестанет
Болеть голова,
И забудутся нами
Дела и слова,
И забудутся сами
Могу и хочу,
Но пока я жива,
И пока я кричу:

Отпусти на свободу
Своих лошадей,
Голубей, а слабо —
Посади желудей.
Твои кони взлетят,
Станут голуби — Жар,
Из идей-желудят
Выйдет строен, поджар,
Бородатый дракон
И сожжет всё до дыр,
Вот тогда ты
Увидишь воистину мир.

Только будет немного
Болеть голова,
Только станут дорогой
Дела и слова,
И увяжутся лихо
Хочу и могу...

Почему же так тихо
На том берегу?

* * *

Выйду-выйду на дорогу,
Раскачусь по сторонам —
И к чертогу, и в берлогу,
К сонным соснам, к горным снам.

Расплетусь по кучугурам,
Расплескаюсь по реке,
И останусь красно-бурым
Мухомором на пеньке.

* * *

Закрываю ставни,
Кракена страшась, —
За оконцем плавни
Смотрят в третий глаз,

Растопырив начерно
Пальцы камышовые,
Прячут плавни кракенов
В междустрочьях слов.

* * *

Забери меня, Господи.
Приюти меня, ласковый.
Окружи меня вдосталь
Прибаутками-сказками.

Чтобы было, как в детстве —
Фиолетово-приторно.
Новогодо-невестово.
Абрикосово-шиферно.

Оригамово-слаженно.
Чтоб из речки — и насухо...
Впрочем, это не важно.
Приюти. Хоть за пазухой.

* * *

как я устал от этих зим!
печальный кот жуёт изюм,
за рамой — тополь вяжет нимб
из целлофана, птичьих стай,
из серых туч и старых дум,
что проецирует ведун,
неповторим, неотразим,
и безупречен до хвоста.

НЕЧЕМ ГОРДИТЬСЯ!

Многие люди ведут дневники,
И я делил дни на страницы,
Но раз уж голос мощнее строки,
То, значит, мне нечем гордиться.

Кто-то корячится в поте лица,
Чтоб «выложить всё на бумаге»;
Слово за словом идут без конца,
Как будто по полю овраги:

Грязные дети в кровавой траве,
Визжа, пожирали друг друга,
Люди, шипя, растворялись в Неве,
И землю трясло от испуга.

Громы и молнии жгли провода,
А мы хохотали и пели.
Там, где стояли вчера города,
Сегодня лишь трубы белели.

Вакуум чёрной голодной змеёй
Нам крыши срывал, как картонки.
Небо вращалось над этой землёй,
И тучи сходились в воронке.

Тысячи стран опустились на дно,
А по морю плыли страницы,
Фразы размыты, осталось одно:
«Ребята, нам нечем гордиться!»

ПОД КАЙФОМ ЛУНЫ

Я под кайфом луны,
А луна под кайфом от ночи.
Я не знаю, кто нас подсадил.
Кто, улётные сны
Формируя, явно не хочет,
Чтоб я с этой цепи выходил.

Город пахнет толпой,
А толпа воняет могилой,
Групповым погребеньем глистов.
— Не поможет запой,
Упоенье новой «мобилой»
Тем, кто в небо не смотрит с мостов.

А под кайфом луны,
Где-то между ночью, Преголью,
Берегами столицы моей,
Мне видны буруны,
Что блестят нагонною солью,
Этой белой шпионкой морей.

Волны словно в снегу.
Выше, ветра быстрее стократно,
Чайки с моря на свалку летят.
Ну а что я могу?
Что конкретно вам непонятно?!

Львы на Бирже душат котят.

ТАК ДАЛЕКО, ТАК БЛИЗКО

1.
Люди в кафе.
Немецком? Австрийском?
Пиво бликует и стынут сосиски.
Глади залива:
В тумане зависли
ивы да вербы.
— Просто пейзаж,
не ищите в нём смысла.

2.
Польша, Судеты: всё было так быстро.
«Тигры» под Вязьмой, в пустыне ливийской.
Так далеко, иль может, так близко?!

Жизнь заставляет всех торопиться:
Серьги — в ломбарды, муку — по крупицам.
(Западный фронт у германской границы.)
Bruder ваяет бюсты нацистов,
English зубрит по ночам его *sister*.
Время взорвётся бомбой английской.
Над Кёнигсбергом? В небе берлинском?
— Просто сюжет,
не ищите в нём смысла.

3.
Блюзы играла
жизнь-пианистка;
рушила Стену, немея от свиста.

(Отверженная гордость подвигу равновелика
в Германии, оглохшей от собственного крика.)

4.
Ангел в плаще,
с ликом арийским,
встречных прохожих подслушивал мысли.
— «Евро» кривая
Над Рейном зависла.
— Просто объект,
не рождающий смысла.

5.
В ямах дворов
лишь бесы да птицы.
Беженец-ветер в метро приютился.
Ты умираешь,
ты хочешь молиться,
жить ещё долго... просишь проститься.
Ангел крылатый
с ликом ливийским
так далеко...

Фантастически близко.

СЛОВО «ПАСТЫРЯМ»

В душе твоей, вместо «пищи»,
пенится паста.
Попы́ напрягают по́пы,
чавкает паства.

Кишка напряжётся...
ρ-ρ-ρ-раз!
В чалмах и с крестами
ушами вперёд попрут
медведики «Гамми».

Пузырь NLP войдет в тугие пространства.
— Терпеть, не дышать, молиться,
и раздуваться!

ИЗВИНЕНИЯ

Сожжём все мосты, раздвижные поднимем,
В дорог перекрёстках рисуем сплошные,
Мы знаков поставим, что красные с белым,
Заборы построим и выстроим стены.

Да чтоб между нами ни жизни, ни света,
Ни чёрных дорог, ни весною, ни летом,
Ни днём фонари не горели, ни ночью,
Чтоб умер наш город — его обесточим.

И чтоб не добраться — разрушим дороги,
Порвём провода городских телефонов,
Все вышки и спутники, почты, сигналы,
Так, чтобы путей ни осталось, ни стало.

Сидеть по домам под кроватью, за шкафом,
Лишь только б не встретиться в чёрных пожарах,
Где город сгорает за площадью площадь,
Ведь прятаться вечно — конечно же, проще.

Ходить, озираясь, крадущейся тенью,
Врагов видеть даже в дрожащих растениях,
Но главное только не встретить ни разу
Друг друга в обрывках оставшейся трассы.

Сказать ведь «прости» — очень сложно и страшно.
Мы даже огни, что мелькают на башнях,
Гасим, потому что, быть может, на Морзе
Они всё мигают о чем-то серьёзном.

О нас, например, неразумных, как дети,
Что просто боятся друг другу ответить,
И оба давно не трепали бы нервы,
Но так неприятно быть в слабости первым.

СЛОВАМИ НА «ИЦА»

Мы летели над городом, точно две птицы,
Грелись ветром из Ниццы, сбежав от друзей,
Пили кофе с корицей, и жизни страницы
Мимо нас пролетали листвой с тополей.

Плотный улиц клубок, будто мы над столицей,
Без Венеций, плантаций, лишь стены да дым.
А над крышами солнце. Цвет, вкус, как горчица.
Ты мне быть обещал навсегда молодым.

И казалось, так будет и в двадцать, и в тридцать,
Только время-убийца за дверью готов:
Он не ждёт и не любит, и важен лишь принцип.
Ты забудешь меня в измерении снов.

Оказалось, что те, кто вскрывают границы
Между сердцем и мозгом, придут без причин.
Ты не сказочный принц, от меня сложно скрыться,
И я в платье из ситца сильнее мужчин.

Ты мне можешь поверить, ты можешь открыться,
Мой доверчивый мальчик с суровым лицом.
Паучихе для сети не надобны спицы.
Я плету нашу жизнь, чтоб расцвёл ты потом.

Для тебя моё сердце — всего лишь станица,
Залетел вот погреться на пару деньков.
За окном ещё месяц сугробам искриться,
Из-за этого здесь ты, но с жаждой ветров.

Мне теперь до утра почему-то не спится.
Я на звезды смотрю, на луну в небесах,
Потому что они для меня, как провидцы.
В них дорога твоя и моей жизни крах.

Ещё много на свете глаголов на «ица»,
Но я знаю, что будет, что станет со мной.
Не везёт, жаль, настолько, чтоб сразу разбиться,
Остаётся лишь ждать, вдруг вернётся покой?

Я забуду тебя, как плута-проходимца,
Память птицы, увы, в миг длиной коротка.
Потому что мелькают секунды и лица,
И поэтому к ним ты слепее крота.

Потому что лишь небо, и негде прибиться,
Снег впивается в плечи: сухой, ледяной.
Я боюсь лишь волчиц и огня в их глазницах,
Их зубов и когтей, но я выйду на бой.

Сколько будет таких вот к себе экспедиций?
Я ищу тайный смысл глубинный в себе.
И дышать так легко, опускаю ресницы.
И потом ещё долго брожу в темноте.

С каждым разом сильней выступают ключицы:
Киль готов резать горькие волны морей.
В этом нет благородства манерной царицы,
Исцарапана кожа сплетеньем ветвей.

Ноты резко выводит худая певица:
«Грешник, грешник, куда, ну куда ты бежишь?»
Превращаются все в единицы в таблицах,
Для меня уже тоже есть парочка ниш.

Я росла, как мимоза в огромной теплице,
И хранилась от чувств, огорчений и бед,
Ощущала, как жизнь еле-еле теплится,
А теперь есть лишь небо и яростный свет.

Новый день. Я сама вас, цветочки в петлицах,
Всё меняю, меняю, ищу идеал,
Чтоб однажды звенящей походкой лисицы
Проскользнуть в тишине сквозь сияющий зал.

Дома громко, натужно скрипят половицы,
Это значит, скучают. Мне скоро назад.
Я под ручку с тоской, как с беспутной девицей,
Возвращаюсь степенно в свой маленький ад.

* * *

Девочка-фрик, переломана — сложена,
А по утрам топит в сердце котят.
Девочка-крик, «дай кусочек пирожного»,
Сильные руки, потерянный взгляд.

В слёзы опять, но, увы, не умильно.
Что ж ты рыдаешь, откуда мне знать?
Стонет в прокуренной комнате дымной,
Силясь отчаянье глубже вогнать.

Голос-стекло, щёки в шрамах и саже.
Маленький призрак: невинность и боль,
Шрамы на теле о жизни расскажут,
И не поможет ничем алкоголь.

Мерит тоску свою целыми милями.
Было ли сердце? — Не знает уже.
Плачет навзрыд с комедийными фильмами,
Пишет рассказы: так легче душе.

Хрипло, чуть слышно поёт тонким голосом,
Стены сжимаются, давят мешком,
Грудь вся истерзана в рваные полосы:
Истина ближе шажок за шажком.

Ногти, ладони в крови и бессилии:
Горько рыдает, но держит карниз.
Хочется шутку последнюю выдавить,
Отхохотать и слететь мирно вниз.

Долгий полёт не поможет ни капельки.
В лёгких есть воздух теперь, ну и что?
Фрику нужны ароматные вафельки:
Есть их и таять, струиться на дно.

Нету нужды ни в каких приключениях —
Только страданий скорей подавай.
Фрик без труда подавляет сомнения,
Строя вокруг себя крошечный рай.

Фрик на асфальте, избитый, непознанный:
Тушь под глазами, помада вдоль рта,
Волосы мимо и рвано разбросаны,
Плакать так просто, раз снова одна.

Что же одна, раз хорошая девочка?
Фрик, он не нужный, голодный и злой.
Голову прячет под крылышко пеночкой.
Много ль причин возвращаться домой?

Фрик без эмоций живёт, как растение:
Мир так далёк, и стеною стекло.
Нет никого, чтобы девочка верила.
Да, и друзей рядом ни одного.

ПИЛИГРИМАЖ

Нет в моём сердце тревоги и детских обид.
Ныне тотально в нём поселилась Любовь.
Проклят лишь тот, кто себя непреклонно хранит;
Свят, приносящий Жертву Вечернюю вновь.

Слышу, ты снова мне шепчешь: не прекословь.
Заповедь наша одно лишь адептам гласит:
С Волей своей согласуясь, чертог приготовь,
Чтоб с Люцифером взошла на брачное ложе Лилит.

Снова Звезда в сонме звёзд надо мною горит.
Издревле сказано мне: эту Звезду славословь...
Чтобы отныне гулять мне среди пирамид,
В Чашу Твою до конца изливаю я кровь.

ЕДИНОРОГ

Есть у меня таинственный двойник.
Днём различить сей образ невозможно.
И только в сумерках, и только лишь на миг
Намёком выступает он тревожно.
Он странный Зверь. Он обожает дев.
Рог венчан у него короной коматозы.
О, как же ты спешишь, чтобы, совсем сомлев,
Гореть на нём подобьем алой розы.

САЛАМАНДРА

Сей мiр сгорит, как богохульный свиток.
Алмаз обуглится и снова станет пеплом.
Луна затмится киммерийским крепом;
А в сумерках не отыскать уже калиток.
Молчите же. Любая речь нелепа.
Алхимик, выброси поддельный этот слиток.
Ночь приближается... Вот плавится избыток...
Дрожат огни уже на стенах склепа.
Развейся искрами, что от рожденья слепо.
Адептам огненный мне подносить напиток.

ARS REGIA

Король вступает в Брак. Вот ждут его покои.
О, как же хороша Невеста Короля!
Раздеться и возлечь. И сотворить такое,
О чём и помышлять, наверное, нельзя.
Любовь — пример того, как надобно границы
Естественно попрать восстаньем естества.
Восход, помедли же. Дай плоти истомиться.
Созреть подобием запретного Плода.
Как это благостно, и как же это страшно —
Оставить всё. Стать во едину плоть.
Есть право тех, кто наготой украшен
И стыд Богов сумели побороть.
Созрей запретное. Налейся соком страсти.
Как и тогда... Влеки, запретный Плод.
Усталость прочь! В тинктуре сладострастья
Сейчас крещается наш королевский род.
Сейчас творится то, что пониманья выше,
То таинство Четы... Зело опасный Путь.
Вот что-то осознав, в анналы кто-то впишет
О том, как Сера страстно любит Ртуть.

ТЕЛЕМА

Так говорил TO MEGA THERION...
Есть Высшее, что подчинилось Воле.
Любовь венчаем, повторив пароли,
Её возводим мы на Трон.
Мы знаем, что приблизился Эон,
А в нём единство Радости и Боли.

БАБАЛОН

Блаженством наполнены чаши созвездий,
Адепты кайфуют в объятиях Нут.
Безсмертны лишь те, кто от ласковых лезвий
Апокрифы шрамов на коже несут.
Любовь разрушает иллюзию пут.
Она отверзает ворота возмездий.
Нагая Блудница и Монстр грядут.

ЛИЛИТ. ЛОЛИТА. ЛОРЕЛЕЯ

1
Лилит опять склонилась надо мной,
И плоть холодная свивается лианой.
Лишь между ног поманит этой раной
И тут же тает в тишине ночной.
Так орошаю ночь жемчужностью фонтанной.

2
Лилит... Лолита... Маленький зверёк.
Однако явственный и очень сладострастный.
Любить тебя, я знаю, путь опасный.
И маленьких грудей, и детских этих ног;
Так манит зов, такой всевластный,
Алькова твоего переступить порог.

3
Лилит... Лолита... Лорелея...
Откинь же волосы прозрачною рукой.
Рейн древний спит, в туманах млея.
Ещё я жив. Так пой же, пой.
Любви не знаешь ты, и вот, немея,
Едва услышав пенье, будто бы слепой,
Я шествую в пучину за тобой.

АЦЕФАЛ

Мне голову снесло секирой трансформаций,
И сердце я вознёс, как огненный бокал.
Магический штандарт немыслимых реакций,
Я знак того, чем быть я перестал.

Сакрально всё... Нет ныне профанаций.
Глядите на меня, как будто бы в кристалл.
Там Бога нет, где ныне Ацефал
Доводит мір до одури прострацій.

Что выше этого?.. Нагнать, ликуя Смерть;
Танцуя, перейти Сверхчеловека
И навсегда покинуть эту твердь.

От ужаса небес сомкнулось веко.
Кто чает возвращенье Золотого Века?
Кто ищет ласки, получает плеть.

БЕСТИАРИЙ

Причащаются Кровью птенцы Пеликана,
Ритуальным вином наших древних мистерий.
И чувствительно сердце, как алая рана,
Оно чует, как Кто-то приблизился к двери.

Обезглавленный Принц вышел к нам из тумана.
И в ретортах сгустились чернильные тени.
Вместе с Принцем пришли под рыданье паваны,
Со страниц Бестиария странные звери.

Василиски, ехидны, кинокефалы,
Прошумели в урочищах залов старинных
И неспешно вошли в задремавшие залы.

Там кентавры уже поносили бокалы,
Наполняя их млеком голубок невинных
Или соком плодов, что пугающе алы.

ПОСЛЕДНЯЯ МИСТЕРИЯ

Ни древним Сфинксом, что из Фив;
Ни в ритуальной маске Бога...
А в облике Единорога,
Прибуду к Вам, опять, смутив.

Чтоб Вашей плоти зреть извив,
Взыскательно и очень строго.
Чтоб Вы проникновеньям рога
Открылись, рог мой ощутив.

Так суждено: Единорог... Блудница...
Мистерии запретных нег...
Мы книг магических страницы.

Ложатся тени возле век.
И через нас железный Век
Вновь в Золотой преобразится.

ἄρθος IZ΄

Я на краю. Уже в который раз
Сижу я, свесив ноги над забвением?
Не тронутый твоим прикосновением,
Бессонно вниз смотрю и не смыкаю глаз.
Зачем я здесь? Затем, чтобы понять,
К чему мне сей прыжок к источнику мучений,
Падение, способное закон ревоплощений
Разрушить и заставить утерять?
Ну, так зачем, дитя, чья кровь смешалась,
Ты так стремишься снова рухнуть вниз.
Потомок двух родов способен на каприз?
Ты лжёшь себе? Иль воли не осталось?
Смешно, о да. Ведь у меня есть всё:
Учитель, брат, война... Конца её не видно.
Всё дело в этом, в этом глубина. Обидно!
Мне мука — быть свидетелем её.
На волю извлечён, и принят, и обучен,
Покинувши моей тюрьмы предел,
Со временем полезным стал, и дел
Свершив немало... понял, что мне скучно?
Ох, если б в скуке дело всё! Но нет, увы.
Мне не дают глаза твои покоя.
И я не сплю под чёрною Луною.
Ведь каждый день мне снишься только ты.
Мне снится твой наряд, отсутствие наряда,
Мне снится танец, что судьбою стал моей,
Раскрыв меня пред Матерью, а в ней
Тебя раскрыл я. Значит, быть мне рядом.
Но есть закон крови, слов и обетов.
И те слова, что ты произнесла,
Превозмогая Тёмные заветы,
Ведут меня сейчас в пучины зла.
А значит, что война нас разделяет.
И в ней твои слова — Валхар узор.
Предать их — несмываемый позор.
И даже смертью это не исправить.
Поэтому я здесь. Сегодня здесь.
Поэтому я не нарушу слово.
Я вниз паду до пламенной основы.
И докажу вселенной, что я есть.

Семнадцать душ во мне — я чувствую сердца́
Погибших волею моею, обречённых
Служить мне до конца и заточённых
Навеки в сердце любящем глупца.
И нет границ для силы, если надо
Отряд немёртвых в войско превратить,
И силой покорить, и волею убить
Обета твоего источник надо.
Как страшно мне тебя любить!
Как страшно, жизнь моя, шагнуть вперёд
И камнем пасть в огня водоворот,
Чтоб хоть на миг с тобою рядом быть.
Но это то, чего нам не хватает.
Семнадцать душ — не армия, увы.
И если Древние хоть капельку правы,
Мой шаг века войны предотвращает.
Кем стану — я не знаю, это миф,
О том, что есть источник в Сердце Мира,
Способный душам раскрывать зерно эфира
И даровать особый лейтмотив,
Способный музыкой своею рушить все законы,
Творить из Пустоты, и пламенем ковать,
Из многих душ одну воссоздавать,
И Богом быть, и созерцать Эоны.
Мне нужно лишь испить эссенцию из Сердца,
Мне нужно посвятить себя богине Ночи,
Разрушатся границы души и вспыхнут очи,
И никому уже здесь от меня не деться.
Я вижу шторм моих клинков, я бурю вижу,
Лишён границ, лишён оков, несусь сквозь ночь,
Враги повержены, не в силах им помочь,
Ни боги, ни мольбы, что я не слышу.
Я на краю. Уже в который раз
Сижу я, свесив ноги над забвением?
Сегодня мне явилось откровение.
Настал момент склониться в реверанс,
Как в ночь, что вспоминаю я поныне,
Когда кружились в танце поднебесном,
В затменье поцелуя, слившись тесно.
Я пал в огонь, крича лишь твоё имя.

НАД БЕЗДНОЙ

Если бы нам оставалось мгновенье,
Что бы мы сказали друг другу?
Как бы встречали конца наступленье,
Если бы жить нам осталось минуту?
Если наш мир не дотянет до завтра,
Как бы мы сутки до смерти прожили?
Что надо сделать, чтоб было не жалко
Мёртвым лежать на всеобщей могиле?

Не отпускай!
Мы вместе стоим над развернутой бездной.
Не забывай!
Полшага вперёд — и мы вновь бестелесны.
Не покидай!
Клянись, что последуем в небо мы вместе.
Не отпускай! Не забывай!

Если пророчества правы все были
В том, что до Судного Дня уж недолго,
В том, что потом здесь не будет и пыли,
Чтобы нестись по безлюдным дорогам,
Что бы сказал тебе я перед тем, как
Шива откроет бездонные очи,
Зверь 6-6-6 разорвёт цепи плена,
Провозгласив навсегда царство ночи?

Не отпускай!
Мы вместе стоим над развернутой бездной.
Не забывай!
Полшага вперёд — и мы вновь бестелесны.
Не покидай!
Клянись, что последуем в небо мы вместе.
Не отпускай! Не забывай!

Что бы ответила мне ты в то время,
Как капля за каплей кровь убывает,
Стирая с лиц древнее сладкое бремя,
Что день за днём всех нас живых убивает?

Волхвы и апостолы небу молились,
Жрецы и шаманы ответы искали.
И всё для того, чтоб мы где-то продлились
И не навсегда этот мир покидали.

Не отпускай!
Мы вместе стоим над разверзнутой бездной.
Не забывай!
Полшага вперёд — и мы вновь бестелесны.
Не покидай!
Клянись, что последуем в небо мы вместе.
Не отпускай! Не забывай!

Я знаю ответы на эти вопросы,
И не потому, что во что-то я верю,
И не оттого, что всё это так просто,
И я уж давно все ответы имею.
Всё дело в той бездне у нас под ногами.
И это мгновенье всей жизни дороже.
Я взглядом скажу тебе всё, когда камни
Толкнут нас туда неожиданной дрожью.

Не отпускай!
Мы вместе стоим над разверзнутой бездной.
Не забывай!
Полшага вперёд — и мы вновь бестелесны.
Не покидай!
Клянись, что последуем в небо мы вместе.
Не отпускай! Не забывай!

Паденье полётом для нас обернётся.
Мы птицы, и вновь сможем свить свои гнёзда.
Мы вместе — и значит, когда мы вернёмся,
Слова эти станут прекраснейшим солнцем:

Не отпускай!
Мы вместе стоим над разверзнутой бездной.
Не забывай!
Полшага вперёд — и мы вновь бестелесны.
Не покидай!
Клянись, что последуем в небо мы вместе.
Не отпускай! Не забывай!

КАШТАНЫ МОЕГО ГОРОДА

Есть миф о каштане. Узнайте и вы,
Откуда явилось чудесное древо.
Ведь белые свечи в ладонях листвы
Зажгла своенравная, вечная дева.

Чтоб стрелы Амура могли попасть в цели,
Чтоб чувства прекрасного свет был нам дан,
Богиня любви подарила не ели,
Не клёны, а гордый, прекрасный каштан.

Весной — канделябры, а летом — ладошки,
Потом же, на радость для малых ребят,
Осенним деньком бегут по дорожке
Семейки каштановых деток-ежат.

Я сердцем смотрю на него, не глазами.
И вижу свеченье добра не ветвях.
Природное чудо живёт рядом с нами,
Достойное песен и строчек в стихах.

В безбрежности мысли, и в жажде познаний,
И в муках любовных томясь до зари,
В их тени ныряют людские созданья,
Каштаны над ними стоят, как цари.

ЛЮБИМОЙ КНИГЕ

Мелькает время быстро. Полвека пролетело.
А на страницах книги бьют страсти по сердцам,
Разламывают душу и в дрожь бросают тело
Те строки, что Булгаков адресовал всем нам.

Любовь, коварство, трусость — испытанные чувства.
Переживаем с теми, кто в них героем был.
Поистине великим назвали то искусство,
Что словом на бумаге разбудит в душах пыл.

Пусть горько и обидно нам узнавать пороки,
Что нам присущи тоже, что в нас они живут,
Что есть и негодяи, и даже лжепророки,
А рядом силы мрака от нас ошибок ждут.

Мы узнаем себя в них: от Понтия Пилата
До ведьмы Маргариты и странного кота.
За всё, за всё нас в жизни однажды ждёт расплата,
Но самым страшным будет безумья пустота…

Цените, сохраните любви и дружбы пламя
И берегите души: других нам не дано!
Героев вереницы проходят перед нами.
Они в литературу волшебное окно.

Читайте, размышляйте — получите прозренье:
О вечных и бессмертных богатствах говорят.
Великие творенья нам дарят очищенье,
И рукописей этих страницы не горят!

ВЕЧНЫЙ ВОСТОК

Памяти Сергея Трайза — Масона и Друга

И снова чёрным и белым листок расчертят
Смешное Солнце, застенчивая Луна.
Большой, весёлый, ты тоже подвержен Смерти,
Доступен ей, достанешься ей сполна.
Склоняют имя в пустых молитвах те, кто
О Небесах унылую песнь поют.
Не жди его, свихнувшийся Архитектор:
Он в нашей памяти свой отыскал приют.
И плакал ветер, и филин тоскливо ухал, —
Поддаться им — в сердца заползёт тоска.
И мы смеялись под сводами тех же кухонь,
И лилось чешское — меньше на твой стакан.
А кто-то на улыбнувшихся зубом цыркал:
Мол, Ложа Скорби, мол, правило здесь старо!..
Но надо ж твёрдой рукою поднять твой Циркуль,
Но надо ж заново взяться за Мастерок.
Зароют яму, и снег упадёт на плечи,
И чёрт бы с ним, что там у вас на уме.
Ничто не вечно. И даже Восток не вечен.
Есть только Камень, ложащийся в монумент.

☿

1.
Крылатые сандальки автостопа.
Пусть первый стоптан, а второй дыряв,
Шипят близняшки-змейки: «Лишь даря,
ты не терял, а выпрямлял и штопал».

2.
Шин уходящих равнодушный шорох.
Ноябрьский свет излит у большаков
Чуть слышной топонимикой шагов
На суеты тонированных шорах.

3.
Дождём по стёклам биться не к лицу нам,
А что к лицу — не знаешь и сама.
Танцуй, танцуй, осенняя кицунэ:
В твой рыжий хвост окрасился Самайн.

КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ

Трижды Солнце успело взойти и сгинуть
Средь неровных строк поперёк абзаца.
Облачаюсь в куколь, великосхимник,
За надежду снова тебя касаться.

Дух без плоти не больно уж и силён-то:
Аж костяшки сжатые побелели!
Я кайман в объятиях анаконды:
Разбери-ка нынче, кому больнее.

Разбери-ка нынче, в ночи безмолвной,
Чью погибель клятвами уготовишь!
Электричество — песня искрящих молний
В чешуе сношающихся чудовищ.

Захлебну облатку глотком Иного.
Параман линялый порвался в клочья.
Нам с тобой светила глотать не ново:
Трижды тридцать ещё до Великой Ночи.

КТУЛХУ

Был бы полдень сегодня тухлым
И лишённым заветных тайн,
Но приснился мне ночью Ктулху.
Я сказал ему: «Ктулху, фхтагн!»
Высотою Кремлёвских башен,
С бородою зелёных змей,
Он был даже не так уж страшен,
Хоть был бога и чёрта злей.
Глаз, прищуренный из орбиты,
Погружался в меня, как в сны.
Он меня лобызал сердито,
Как родителя — блудный сын.
Неевклидова града пленник,
Он в волнах шерудил хвостом.
Был он мудр и лукав, как Ленин,
Терпелив, как Исус Христос.
Был крылами его протоптан
Торный путь от чужих планет...
Я проснулся — и на работу.
Милый Ктулху, вернись ко мне!

СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ

К чёрной башне за рвом с огнедышащей лавою
Я пришёл её слух осквернить серенадою.
Там хранит её страхи зверюга трёхглавая,
И о скалы бойцы разбиваются, падая.

Я пою, то к окну обращаясь, то к ворогу,
И машу то мечом, то рукою, то лютнею.
«Выходи, — говорю, — ты мне люба и дорога!
Будет в замке моём веселей и уютнее!»

И, казалось бы, вышел и статью, и доблестью,
Не обижен умом, в грабежах не замечен я,
Но что делать, скажи, с той загадочной областью
В середине пути между мозгом и печенью?

Я привык подтираться людскими законами
И законами жанра без дрожи побрезгую,
Но, к несчастью, принцессам привычней с драконами,
Чем принять от бастарда корону принцесскую.

И сердиться на пленницу, вроде бы, не за что,
Но слова непечатные в песню мне просятся.
Хоть платочком махни, моя странная девочка,
Чтоб мне в древнюю лаву с досады не броситься!

93-е

О, выйдите, дети, под звёзды! Вкусите любви!
Я блеск обнажённый, я лик сладострастного неба.
В крыла облекайся, мой суженый! Змеем обвит
рубин, разжигающий тайное пламя. Ко мне!
Бы-
-стротечные скорби и радости — не для тебя:
носи драгоценные камни, и пурпур, и злато,
пей вина, вины не изведай, в груди погребя
руины слепого добра и незрячего зла.
То-
ржествующей песней свои наполняя уста,
ликуйте! творите! во Имя Моё и во славу!
О, выйдите, дети, под звёзды! Крыла распластав,
мы Воля. Мы Радость. Мы Ветер. А значит и правы.

* * *

Пусть завидуют, злятся и ахают:
Слышу в спину то крики, то шёпот.
Вкусно ем, с наслаждением трахаюсь,
И духовности тоже до жопы.

IO PAN PANISCUS!
(Гимн обезьянке бонобо)

Я мечтаю — нету мечты иной
(Пусть слюной захлебнутся снобы):
Не царём Земли, не звездой кино —
Быть хочу обезьянкой бонобо.

Выходи под звёзды до одного
Там, где Солнце сонное ночевало,
Чтобы до рассвета make love not war
В Христиании и Чефалу;

Чтобы город Странной Женщины Л.
Расцветал и небом ширился; чтобы
Был бы фрукт Эдемский пригож и спел
Для тебя, обезьянка бонобо;

Чтобы там, где горы ложатся ниц,
Где вулкан сочится горячей плазмой,
Ни решёток не было, ни границ
Нам, доверившимся соблазну.

И пускай бабуиньи блестят клыки
Над твоей душою от серой злобы,
Будут дни и ночи твои легки,
Обезьянка моя бонобо!

Я запретной рощи плоды изгрыз,
В возбуждённо-невинный груминг
Погружаясь во имя святой игры
Капуциньей твоей, игруньей.

Мы сладчайшие в списке фруктовых блюд
Друг для друга отныне оба.
Перед всеми теми, кого люблю —
Мы с тобой — обезьянки бонобо.

14 февраля 2017 года

© Идея, концепция, отбор: Альтеры Лалангамены (Братья по Воде), 2000-2017.
© Электронная версия: «Лалангамена» (Литературный Альманах Народа Звезды), http://lalanga.ru/, 2014-2017.
© Творческая база: «Аделаида» (клуб поэзии и авторской песни), https://vk.com/adelaida39, 2003-2017.
Руководитель — Нэлла (Ольга Арофикина).
© Макет и оформление: Элиас О. Ф. Отис (Роман Адрианов), 93in39@gmail.com, 2017.
При оформлении обложки использована графика Бориса Вальехо.

Редакционная группа:
Элиас Отис (Роман Адрианов) — редактор-составитель
Нэлла (Ольга Арофикина)

Приём работ завершён в 2017 г.

Наши книги от «Касталии»

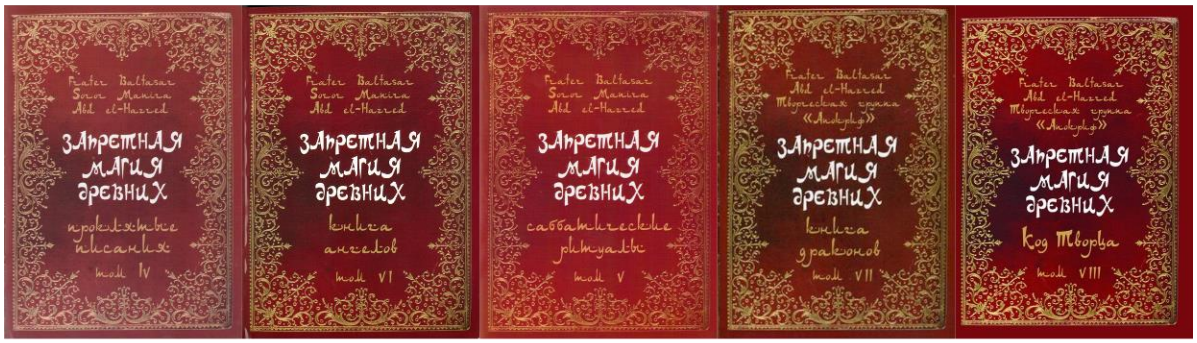
Алистер Кроули. Евангелие от святого Бернарда Шоу
Сатанизм в теории и на практике (сборник)
Frater U.D. Практическая магия сигил / Роберт Уонг. Тайный Храм
Мигель де Молинос. Духовный путеуказатель...
Алистер Кроули. Багх-и-Муаттар (Благоуханный сад Абдуллы, сатирика из Шираза)
Храм Сета (сборник)
Лон Мило Дюкетт. Ключ к Ключу Соломона
Мистики, Маги, Прогрессоры (энциклопедия)
Магия Хаоса (сборник)
Сестра Иштар. Телема - Эликсир чистой радости
Джеймс Эшельман. Церемониальная магия
Калика-пурана
Майкл Аквино. Чёрная Магия

Подробную информацию читайте в нашем магазине

https://vk.com/market-16318448

Все книги можно заказать по адресу: 93in39@gmail.com.
Количество экземпляров по льготной цене ограничено.
В стоимость не включены почтовые расходы.

Запретная Магия Древних: тт. 4-8



"Запретная магия Древних", тт. 4-8. Первая печатная антология материалов по лавкрафтианской традиции.

Том 4. Проклятые писания. Мягкий пер., 544 стр., 60x90/16, 2013 г. **350 р.**

Мифоистория писаний Альяха. Книга Дагона. Книга Воззваний. Книга Черной Скрижали. Книга Ключей Альяха. Книга Йиг-Голонака. Книга Мерзостей. Сокровенные культы. Древняя мифология Хаоса. О Шуб-Ниггурат и секте скопцов *(расширенная редакция)*. Лингвистические примечания. Таблицы соответствий.

Том 5. Саббатические ритуалы. Мягкий пер., 544 стр., 60x90/16, 2013 г. **350 р.**

Касандра. Начало Пути. **Fr. Nyarlathotep Otis.** Алхимия Древних: Комментарии к формуле зерцала видений; Лавкрафтианские зелья. **Эндрю Чембли.** Азоэтия. Гримуар Жёлтой Жабы.

Том 6. Книга Ангелов. Мягкий пер., 544 стр., 60x90/16, 2013 г. **350 р.**

Via Infernali. Врата для Древних. **Стивен Сэннит.** Liber Koth. **Ассар (Альянс E.S.V.!).** К'хаптрафгл-Н'Кайх: Ветер Бездны. **Clavicula Nox, Issue Three — Azathoth: *Glen Westall.*** Ключ и Врата. ***Joannes Nefastos MMVI.*** Безумный Поэт грезит истинно. ***Von Sangetal.*** Мифы Безумия. ***Стивен Сэннит.*** Книга чувствующей ночи: 23 ногтя. **Мэйсон Асенат.** Исследование неизвестного. Блуждание в Лабиринтах Зин. **Morisas Shazdat & fr. Seh Trown.** Хаольях. **Sham-Dalaia-Vedaia.** Трактат 7=6. **Тетрадь Леонарда Мадьярина. Алекс Сова, Телуг, Шахрияр Гиляни.** Перечень разыскиваемых книг Культа Древних. **Свабуно.** Словарь сновидческих понятий в Культе Альяха. **Angelicon: Книга Ангела Разиеля** (на русском и на иврите).

Том 7. Книга Драконов. Мягкий пер., 480 стр., 60x90/16, 2016 г. **450 р.**

Историзм Культа Альяха. О некоторых заблуждениях. История Некрономикона. Армия Жёлтого Знака. Пробуждение Великих Древних. Тёмный Посланник. Ньярлатхотеп – Владыка Хаоса? Гематрия основных характеристик Ньярлатхотепа. Анализ имён и магических слов рассказа Г.Ф.Лавкрафта «Кошмар в Ред-Хуке». Предание о Книге Левоны Герма. Сон Бога. Небесные тела в Мифах Ктулху. Фракталы в странном воображении. КХУ ХРУ – краткий анализ. Ритуал Звёздный Лазурит. Ритуал преобразовательной магии. Ритуал открытия портала для Великих Древних. Пробуждение Р'льеха. Врата Грёз Ктулху. Кто такой Йог-Сотот на самом деле? Тунраки. Некрономикон 667. Таблицы стихий. Оракул Древних. Тропы и Углы. Червь: Знаки Древних. Книга Драконов.

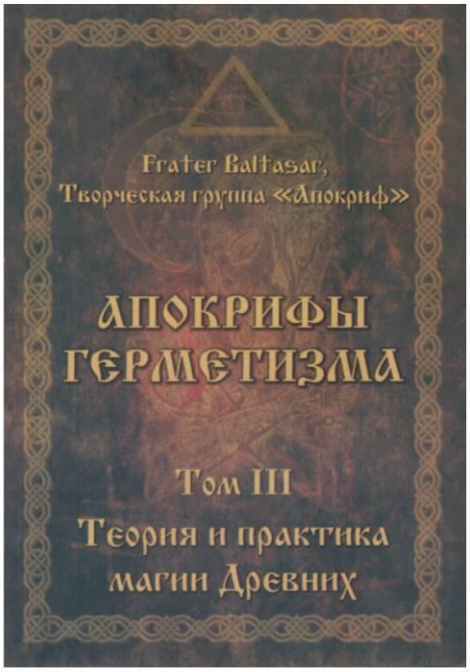
Том 8. Код Творца. Мягкий пер., 532 стр., 60x90/16, 2017 г. **450 р.**

Книга Тиамат. Continuum (Ehu Abzu): Шумерская демонолатрическая магическая система. Книга Трёх Владык Альяха. Код Творца.

Желающие могут заказать эти книги по льготной цене, всего **350 р. за том** (кроме т. 7-8 — 450 р. за том). Оплата — почтовым или банковским переводом либо через электронные платёжные системы. Стоимость пересылки не учтена.

Заказы принимаются по адресу **93in39@gmail.com**. Ожидается выход следующих томов.

АПОКРИФЫ ГЕРМЕТИЗМА
Тома 2 и 3



Остались последние экземпляры из серии «Апокриф герметизма» по цене 350 р.:

Второй том **("Теория и практика магии Хаоса")** включает следующие материалы:
- **Остин Осман Спеар.** Логомахия ЗОС. Автоматическое рисование.
- **Fr. Nyarlathotep Otis.** Дхаскар и другие предание Альтеров. Мистерия Курочки Рябы.
- **Neworld.** Теория сущностной природы пути.
- **T.O.P.Y.** Серая Книга. **Эндрю Чембли.** Азоэтия.
- **Paperdaemon Chaognostic.** Том Хаоса (фрагменты).
- **Иллюминаты Танатэроса.** Книга. Уранический варварский язык Хаоса.

Третий том **("Теория и практика магии Древних")** включает следующие материалы:
- **Simon Gnostik.** Шумеро-аккадская и гностическая теогонии в сравнении.
- **Карачи.** Эго и Я.
- **Джозеф Тэлбет.** Об изгнании сущностей шумеро-аккадского пантеона.
- **Таблички Маклу.**
- **Fr. Nyarlathotep Otis.** Краткая хронология Некрономикона.
- **Абдулла аль-Хазраджи.** Фрагменты из Завета Мёртвых.
- **Тонкое Лезвие Сна.** Предание Безумного Араба.
- **Sham-Dalai.** Книга Трёх Владык Альяха (фрагменты). Молитва Хастуру. Эссе.
- **Тиашар.** Узор Формы. Шум Ветров.
- **Paperdaemon Chaognostic.** Гамма-ритмы и зов Ктулху.
- **Роман Лебедев.** Фиолетовое Солнце
- **Ony GdeToTam.** Осколки Иного. Порождающие импульсы. О торжестве монадофобии.
- **Сальвадор Аларио Баталлер.** Апокриф Некрономикона.
- **Baltazar.** Гематрия Древних

Следите за новостями в нашем журнале и в группе **http://vk.com/apokrif93**.
Все книги (по отдельности и полным собранием) можно заказать по адресу: **93in39@gmail.com**.
Количество экземпляров по льготной цене (**350 р.** за том без стоимости пересылки, предполагаются скидки за нескольких экземпляров) ограничено.

Литературный Альманах Народа Звезды

На пути мудрости, возможно, нет опасности более смертельной, нет яда более губительного, нет соблазна более тонкого, чем духовная гордыня; будучи солнечной, она действует в самом сердце, кроме того, она раздувает и обостряет эго, поэтому её жертва подвергается опасности попасть в Чёрную ложу и остаться там навсегда.

Эту опасность могут отвратить два несомненных противоядия:

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И ЧУВСТВО ЮМОРА.

Когда ты лежишь истощённым после достижения Вишварупадаршана, ни в коем случае нельзя думать, что «теперь я стал самым святым человеком на свете, конечно, за исключением Джона М. Уоткинса». Лучше вспомнить слова крайне скептического судьи в «Священном тупике» А.П. Герберта, он сделал из них мантру:

«Говорю вам —
говорю вам —
говорю вам —
остудите свою голову».

Алистер Кроули,
«Магия без слёз», глава 44

Учредитель: Орден Белой Обезьяны (http://vk.com/obezjanki), 2003
Издатель: Орден Белой Обезьяны
Адрес редакции: 236022, Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11.
Электронные версии журнала:
http://apokrif93.com, http://vk.com/apokrif93